

2024

ТОМ: 5

■
ГОМЕР: 1

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 1. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 1. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 1. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том V
№ 1.2024**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Капсамбелис В.
Реальность, между нейрофизиологией и метапсихологией 6

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Филиппова М. М.
Значение и смысл концепции Зигмунда Фрейда о вытеснении 19

Грабовый П. О.
Парадоксальная пара: восприятие – репрезентация 45

ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Стефановска М. Р.
Феномен «второй кожи» 51

НЕЙРОПСИХОАНАЛИЗ

Соколова А. В.
Нейропсихоаналитический взгляд на расстройства зависимости 66

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИЙ

- Стависский М. Ю., Захарюта А. В.**
Психоаналитические аспекты эмоционального выгорания 85
- Сошникова Ю. Б., Васильева М. А., Стависский М. Ю.**
Контейнирование как базовая способность фаундера, необходимая для успешного построения стартапа и выдерживания высокого уровня неопределенности, тревоги и страха 102

ПРОБЛЕМЫ САМОАНАЛИЗА

- Медведева О. В.**
Неэффективность самоанализа без предварительной индивидуальной работы с психоаналитически ориентированным специалистом 117

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

- Костюк Е. А.**
Нарциссизм в романе Мигеля де Сервантеса Сааведры «Дон Кихот» 140

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

- Лямин Д. П.**
Недостижимый Эдип в сериале «Почему женщины убивают» 152
- Костенко С. В.**
Фильм «Сцены из супружеской жизни» (Ингмар Бергман, 1973) как попытка сублимации травматических инфантильных переживаний И. Бергмана 195

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Реальность, между нейрофизиологией и метапсихологией

Вассилис Капсамбелис

(Пер. с фр., науч. ред.: А. В. Стукало)

Вассилис Капсамбелис – психиатр, психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13-го округа Парижа, экс-директор Центра психоанализа и психотерапии имени Эвелин и Жана Кестемберг, главный редактор журнала La Revue Française de Psychanalyse, автор многочисленных работ, в том числе о психотическом и пограничном функционировании.

В данной статье автор глубоко осмысляет понятие реальности в метапсихологическом смысле, основываясь на последовательном и изящном анализе данного понятия в работах Фрейда, изначально нейрофизиолога, определяя реальность как перцептивную активность и ее продукты, объект и, наконец, желание другого. Ключевые слова: реальность, мнестический след, восприятие, галлюцинация, репрезентация, психический аппарат, объект влечения, анимизм, интенциональность, желание другого.

«Реальность не имеет противоположного, все, что происходит в человеческом опыте, является реальностью».
М. Мбугар Сарр. «Самая тайная память человека»¹

¹ Здесь и далее курсив сохранен как в оригинальном тексте. Прим. пер.

«Асоциальная природа невроза проистекает из его наиболее первоначального стремления – бегства от неудовлетворительной реальности в воображаемый мир, более наполненный удовольствиями. В этом реальном мире, которого избегают невротики, господствуют общество людей и институты, которые они создали сообща; отдалиться от реальности – значит в то же время покинуть человеческую реальность».

З. Фрейд. «Тотем и табу»²

Читая Фрейда, мы можем быть удивлены тем, что термин «реальность» очень часто встречается в его трудах, никогда не находя определения. Это тот случай, когда он определяет психическую реальность в сопоставлении с «внешней реальностью», для которой он также использует выражения «наружный» или «внешний мир». То же самое происходит и тогда, когда он, говоря о психозах, применяет подход, наиболее общепринятый в психиатрии его времени, как и сегодня, а именно что эти патологии характеризуются отдалением от реальности, разрывом с реальностью или ее отрицанием. Это, наконец, тот случай, когда «реальность» приобретает статус, близкий к психической инстанции, например в «Я и Оно», где речь идет об этом «бедном я [которое] служит трем суровым господам, стремясь к согласию между их требованиями и потребностями», «трем деспотам», которыми являются «внешний мир, Сверх-Я и Оно» (Freud, 1923b).

Восприятие и инвестирование

Можно было бы предположить, что это отсутствие определения, использование термина «реальность» как чего-то очевидного не должно быть чуждым обучению Фрейда в научном контексте второй половины XIX века. Он знаком с работами некоторых физиков своего времени и, естественно, придерживается характерного для них материализма (в смысле их противоположности идеализму), а именно того, что то, что мы называем «реальностью», решительно является сущностью, существующей независимо от человеческого разума.

С этой точки зрения первым определением реальности у Фрейда было бы: перцептивная активность и ее продукты.

Но Фрейд, с его прочной культурой нейрофизиолога, считает, что «реальность» не может быть доступна в своей целостности, потому что она уже зависит от спектра восприятия, которым мы располагаем и который различается от одного вида животных к другому. Мы видим не то же

² Перевод эпиграфа из оригинальной статьи с французского мой. В классическом переводе М. Вульфа данный отрывок звучит так: «Генетически асоциальная природа невроза вытекает из его первоначального устремления из неудовлетворенной реальности в более приятный мир фантазии. В этом реальном мире, которого невротик избегает, господствует общество людей и созданные ими институты; уход от реальности является одновременно и выходом из человеческого сообщества». З. Фрейд. Я и Оно. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. Прим. пер.

самое, что лягушка или муха, у нас нет того же спектра звуковых частот, что у летучей мыши или дельфина, у нас нет обонятельного диапазона собак или кошек. «На данный момент мы пытаемся максимально увеличить способность наших органов чувств реализовывать свои действия искусственными средствами, но мы должны ожидать, что все эти усилия никак не поменяют конечный результат. Реальность всегда останется "непознаваемой"» (*Freud, 1940b [1938]*). Поэтому, когда Фрейд говорит о «реальности», он не может иметь в виду «объективное» или «полное» ее принятие, а только те аспекты реальности, которыми субъект тем или иным образом оказывается затронут; мы увидим позже, в чем состоит эта «затронутость».

С другой стороны, и все еще как нейрофизиолог, Фрейд, по-видимому, считает, что в пределах спектра чувствительности наших органов чувств восприятие непрерывно оставляет следы памяти, которые накапливаются в многочисленных и сложных системах памяти, незначительная часть которых предназначена стать воспоминанием и вернуться в сознание. Эта идея в достаточной степени присутствует в первой части его трудов, где он также говорит о мозге. Например, в тексте об экранных воспоминаниях он различает воспоминание и след: «искаженное воспоминание – первое, что мы осознаем; материал мнестических следов ["первичный материал", в английском переводе], из которого оно было выковано, остался неизвестным в своем первоначальном виде» (*Freud, 1899a*). Мы находим здесь идею, которую Фрейд несколько раз выражал словосочетанием «невывесенное несознательное» (*Freud, 1923b*), которое используется то в описательном смысле того, что не является сознательным, тем не менее без входа в динамическую систему, описанную в первой топике, то для обозначения элементов, действующих без прохождения через вербальные репрезентации, главным образом вокруг отреагирования (*agieren*) – и именно этот аспект, как и следовало бы ожидать, лучше всего изучен психоаналитиками. Однако в письме Флиссу от 6 декабря 1896 года мы находим понятие «первичной записи восприятий» (*Freud, 1950c [1895]*), неспособной к осознанию и тем не менее не являющейся или еще не являющейся частью вторичной записи, которая единственная характеризует несознательное.

Метафора «волшебного блокнота»³, несмотря на присущие любой механистической модели применительно к живой материи несовершенства, здесь очень поучительна. Фрейд хочет сделать очевидным тот факт, что все, что проходит через систему восприятие – сознание, действительно где-то сохраняется (в «мнестических системах» (*Freud, 1925a*), пишет он), будучи недоступным немедленно; тем не менее соответствующее освещение позволяет найти «устойчивый отпечаток» написанного на восковой поверхности.

³ В русскоязычной психоаналитической литературе встречаются термины: вечный блокнот, чудо-блокнот. Прим. пер.

Однако создается впечатление, что в описываемой им модели сливаются два понятия: память и воспоминание. Я, со своей стороны, думаю, что память *stricto sensu* не является объектом психоанализа; она достаточно хорошо изучена нейрофизиологией и нейронауками. Психоанализ – о воспоминании, припоминании, реминисценции, оживлении, *agieren*, галлюцинаторном проявлении совершенно переработанных ощущений, если хотите, но во всех случаях он предполагает двойное движение: восприятие в определенный момент, которое оставило след, затем актуализация этого восприятия в той или иной форме по тем или иным причинам, но всегда исходя из нынешней конфликтности психической жизни.

Впрочем, мне кажется, что текст о волшебном блокноте содержит в себе интуицию этого различия, как, впрочем, и текст об экранном воспоминании. Действительно, Фрейд отмечает, что наш аппарат, подобно волшебному блокноту, «способен безгранично воспринимать все новые и новые ощущения и при этом оставляет стойкие, *хотя и не неизменяющиеся*, мнестические следы⁴» (Freud, 1925a). «Хотя и не неизменяющиеся», действительно; но является ли это разницей между волшебным блокнотом и нашей психической системой, пределом используемой метафоры или, скорее всего, разницей между *нервной* системой памяти и *психической* системой воспоминаний? Память, как записная поверхность волшебного блокнота, существует здесь с «неизменяющимися» записями, которые бесконечно накладываются друг на друга, выстраиваются и сочетаются, согласно законам, которые нейронауки продолжают изучать. Но работа припоминания, воспоминания, реминисценции – это совершенно другая операция, операция отбора и трансформации, так как это зависит от инвестирования, а это инвестирование, всегда определяемое «затронутостью», о которой только что говорилось, распоряжается существующими мнестическими следами более или менее на свое усмотрение и согласно своим гедонистическим или защитным потребностям.

Таким образом и независимо от определенного вопроса мнестического следа пережитого, которое не было переработано в воспоминание и которое порождает реминисценции или даже оживления, которые наиболее близки к ощущениям, чем к повествованию, даже которое манифестирует в форме *agieren*, движение, посредством которого психический аппарат прогрессивно выходит из центральной нервной системы, достаточно хорошо описано в «Проекте психологии» (Freud, 1950c [1895]). Среди массы перцептивных случаев, зарегистрированных и хранящихся в мнестических системах в соответствии с модальностями, специфичными церебральному функционированию каждого вида, какие-то выделяются тем, что они связаны с опытами удовлетворения. Когда вновь возникает та или иная потребность, эти следы естественным путем будут инвестированы первыми. Будучи нейрофизиологом, Фрейд приходит к выводу, что любое инвестирование мнестического следа логически ведет к его оживлению, соответственно, к галлюцинации (мы можем, например,

⁴ Это я, кто выделил. Прим. авт.

вызывать видения, стимулируя соответствующую зону коры когда-то введением очень тонких электродов, сейчас транскраниальной магнитной стимуляцией). Будучи метапсихологом, Фрейд считает, что это соединение восприятия, актуального или уже зарегистрированного, и галлюцинации приводит к *новому* образованию: ментальной репрезентации, на самом деле речь идет о *новой* системе организма, психической системе или психическом аппарате, *отличном* от нервной системы.

Именно по этой причине, чем дальше продвигается его работа, тем больше Фрейд отдаляется от мозга и от центральной нервной системы (эти термины намного меньше присутствуют во второй части его трудов). Однако он по-прежнему утверждает, что психоанализ – «наука о природе», «чем еще он может быть?» (Freud, 1940a [1938]). Почему? Потому что Фрейд определенно является «биологом», но уж точно не «нейропсихоаналитиком»! Мнестических следов, кажется, так говорится, существует больше, чем достаточно, и каждый момент функционирования органов чувств приносит нам еще больше («первичного материала»). Но вопрос не в материале, а в его использовании. И в этом вопросе его использования Фрейд будет постоянно мобилизовывать не центральную нервную систему, но более фундаментальные концепты живого (*биологии* в прямом смысле этого термина): потребности и инстинкты, определенные, доработанные и преобразованные во влечения и наконец в Оно. Именно они определяют «затронутость», именно в них находятся энергетические источники, которые количественно и качественно определяют инвестиции, которые будут направлены на восприятие и их следы. Другими словами, чтобы тот или иной фрагмент реальности, подобно записи в нейронные системы, стал репрезентацией, необходимо, чтобы он был инвестирован, и, если он инвестирован, это потому, что он приобретает качество «объекта» в метапсихологическом смысле слова, что означает «объекта влечения», поскольку именно из этого последнего в конечном счете исходит это инвестирование.

Таким образом, у Фрейда появляется второе возможное определение реальности: реальность, психически говоря, – это объект.

Из этого прочтения мы можем считать, что уже в «Проекте» ментальная репрезентация, элементарная частица системы, «аппарата», именно психического, довольно четко определена. Репрезентация, соединение восприятия и галлюцинации, является продуктом встречи центростремительного (восприятия) и центробежного (галлюцинация) движения, которое единственное позволяет инвестировать след, чтобы сделать его психическим фактом (Angelergues, 1995). Именно эту дуальность, я думаю, выражает и Винникотт на свойственном ему языке: объект является одновременно «найденным» (восприятие) и «созданным» (галлюцинация). Церебральные мнестические системы предлагают большое количество мнестических следов, более или менее адекватных их инвестированию в зависимости от переменной удовольствие/неудовольствие и способных вызвать галлюцинаторные эффекты. Но само по себе инвестирование не имеет ничего общего с мозгом, церебральные механизмы являются только поставщиками материалов и исполнителей, инвестирование

осуществляется по этой длинной цепи, идущей от потребности к желанию, и новый аппарат, таким образом созданный, весь целиком регулируется переменной удовольствие/неудовольствие. Не совсем существует оппозиция «принципа удовольствия» и «принципа реальности», как того, впрочем, иногда требует некоторая психоаналитическая Вульгата: «Замена принципа удовольствия принципом реальности означает не свержение принципа удовольствия, но только способ его обеспечения» (Freud, 1911b). Существует, с одной стороны, принцип суверенного удовольствия (как минимум до 1920 года), с другой – то, что восприятие и его продукты, актуальные и прошлые, способны, *или нет*, предоставить в его распоряжение.

Узнавание, игнорирование и знание реальности

Сама идея, что репрезентация нуждается в части галлюцинации, которая смешивается с изначальным перцептивным мнестическим следом, трансформирует ее, чтобы сформировать это новое образование, которое мы называем репрезентацией (схематически, вещи или слова), соединяется с другой идеей Фрейда, высказанной много раз: найти объект – это (также) снова его найти. Мы понимаем эту логическую цепь. Разрыв между репрезентацией и мнестическим следом измеряется степенью инвестирования этого мнестического следа; однако это инвестирование основано на степени сходства мнестического следа с предыдущими мнестическими следами, ставшими репрезентациями в связи с их переплетением с переменной удовольствия/неудовольствия. Отсюда следует такой вывод, выраженный просто: с точки зрения восприятия мы видим или слышим не только то, что можно увидеть или услышать, но то, что *мы согласны увидеть* или услышать; и именно поэтому найти – это снова найти. С этой точки зрения, то, что мы могли бы внести в операцию познания реальности, является отчасти *узнаванием*.

Однако эту галлюцинаторную часть, необходимую для любой репрезентации и для любого доступа к тому, что мы называем реальностью, следует понимать, учитывая два взаимосвязанных аспекта любой галлюцинации: ее положительную и ее негативную функции. Вкратце, суть заключается не только в том, чтобы увидеть или услышать то, что мы согласны увидеть или услышать (то, что точно присутствует или нет в восприятии), но также в том, чтобы не увидеть и не услышать того, что мы не хотим видеть или слышать, но которое тем не менее действительно существует. Самый простой ежедневный опыт подтверждает эту точку зрения. Когда мы обсуждаем с нашими близкими разговор, книгу или фильм, наши впечатления редко полностью совпадают, часто нас даже удивляет значительность наблюдаемых различий, иногда относящихся к аспектам обсуждаемого объекта, считающимся наиболее объективными (или, во всяком случае, объективируемыми): произошла ли та сцена до или после той? Говорится так или сяк? Слова героя были теми или иными? Однако речь идет о простых «подтверждениях реальности», которые легко проверить; тем не менее различия возникают постоянно. Потому что если

мнестический след, скорее всего, такой, какой он есть, и, вероятно, очень похож, даже идентичен для нейронных аппаратов в исправном состоянии и одного и того же вида, то галлюцинаторная часть сильно отличается у одного субъекта и у другого, так как она инвестирует след, исходя из предшествующих опытов удовлетворения, которые могут очень сильно различаться у разных людей. «Глаза души», согласно красивому выражению Жана-Клода Роллана (*Rolland, 2010*), не только видят то, что восприятие показывает не всем, но могут также не видеть то, что восприятие тем не менее обнаруживает прямо перед нашим носом.

Таким образом, еще одной составляющей знания реальности в действительности является *игнорирование*.

Мы могли бы задать себе следующий вопрос. Если, с одной стороны, любое объективное и полное знание реальности является по определению иллюзорным и если, с другой стороны, наше познание реальности сочетает узнавание и игнорирование, то не существует тогда ничего того, что, психически говоря, соответствовало бы «знанию» реальности?

Я думаю, что мы можем найти или вывести ответ на этот вопрос в мысли Фрейда, ясной мысли, потому что она прочно укоренена в нейрофизиологии, именно для того, чтобы иметь возможность ее покинуть, не заблудившись, и пойти в сторону метапсихологии.

Можно начать с самого начала: «Все репрезентации происходят из восприятий, они являются их повторением» (*Freud, 1925h*). Резкие утверждения, мало считающиеся с бесконечными трансформациями исходных перцептивных мнестических следов под тяжестью их инвестирования, их мутаций в репрезентации, их непрекращающихся перестановок и сочетаний на протяжении веков жизни и траекторий культурного формирования, их способности достигать высоких степеней сложности, спекулятивной абстракции и творческого обогащения... Но это основа – основа Фрейда, изначально нейрофизиолога, и он, кажется, держится за нее даже после нескольких десятилетий исключительно психоаналитических исследований. Что же тогда в восприятии и его продуктах может составлять «знание», если мы отбросим его узнавание и его игнорирование и если мы допустим, что оно не может быть ни полным, ни объективным?

Мне кажется, что эта реальность, ни узнанная (в смысле найденного объекта, следовательно, галлюцинаторного компонента), ни игнорируемая (в смысле негативной галлюцинации), совпадает с тем, что в реальности не формирует «объект» в смысле нашего движения влечения – тогда объектный объект, – *и одновременно* с тем, что не может быть проигнорировано; мы, так сказать, заинтересованы, хотя мы ничего не просили.

Однако Фрейд предоставляет много таких ситуаций. Он их раскрывает, когда изучает примитивный анимизм как ответ психики начала зарождения человечества в ответ на естественную среду. Анимизм как первое «мировоззрение» является также и самой первой психологической теорией (*Freud, 1912–1913a*). Он не только позволяет объяснять мир, но и придает смысл тому, как мир на нас влияет. Это способ, которым то, что не ожидалось, не планировалось и, соответственно, никак не инвестировалось, может быть принято как носитель воли, интенциональности,

с которыми нам приходится иметь дело. Мы знаем, что было бы неправильно думать, что такое понимание отныне находится позади нас, что оно касается прежде всего множества примеров анимизма и антропоморфизма, которые характеризуют эволюцию человеческого вида и которые, согласно Фрейдю, находятся как у истоков религий, так и любой метафизики. «Когда люди начали мыслить, они, как мы знаем, были вынуждены антропоморфично понимать внешний мир через множество личностей, сделанных по их подобию [...] Суеверие кажется совершенно неуместным только в нашем современном видении мира, согласующемся с естественными науками, но оно все еще не завершено» (Freud, 1901b).

Так ли мы отделились от этого анимизма нашего происхождения в нашей повседневной жизни, не говоря уже о нашем детстве или религиозных верованиях или других убеждениях, которые мы все еще сохраняем, будучи взрослыми? Когда мы ругаемся на тот или иной объект нашей созданной вселенной, когда он отказывается функционировать именно в тот момент, когда мы в этом нуждаемся? Когда дождь начинается именно в тот момент, когда мы вышли на прогулку? Когда светофор загорается красным именно в тот момент, когда мы спешим? «В тот самый момент»... Это потому, что все эти объекты, так сказать, внешнего мира никоим образом не стали бы для нас «объектами», чтобы быть обнаруженными, как и должно быть, в ненависти (Freud, 1915c), если бы у них не было намерения проявить свою «интенциональность», свое «желание», которое притесняет наши. Говорят, что де Клерамбо, легендарный главный врач специализированной клиники префектуры полиции Парижа, когда однажды ему позвонил один его знакомый, который предупредил его о том, что у пациента, поступившего накануне с бредом ревности, на самом деле была жена, которая ему изменяла, будто ответил: «Хвала небесам, месье, если бы было достаточно быть рогоносцем, дабы не быть бредящим». Хвала небесам, если бы было достаточно знать, что дождь – климатическое и универсальное явление, затрагивающее всех людей в его периметре, чтобы не ругаться на него, когда он обрушивается на нас в момент нашей прогулки.

В этих примерах, исходящих из глубин нашего общего анимизма, очевидно, что речь идет о реальности, которая требует быть инвестированной и требует считаться с ней как с объектом, в то время как ничто в нашем движении влечения не направляло нас специально к ней: если этой реальности – куску этой реальности – суждено стать объектом для нас, она не является, по крайней мере изначально, «объектом влечения». Скорее именно она та, кто нас инвестирует, в смысле, когда она влияет на наше существование, и этим фактом она вынуждает нас инвестировать ее. С этой точки зрения нашей психики она делает нас своим психическим объектом, так как, чтобы быть способным думать о ней и считаться с ней, мы наделяем ее влечением, аналогичным нашему, даже если это происходит путем одновременно анимистическим, антропоморфным или проективным. Идем дальше. Любой объект влечения может, *в свою очередь, воспринимать нас как объект* с того момента, как мы его инвестируем, либо потому, что он сам действительно наделяется собственным влечением

(встреча с другим), либо даже неожиданным образом, когда он вторгается в нашу жизнь без приглашения, либо еще как элемент этого мира, который в итоге мы будем квалифицировать как внешний. С того момента, как любой элемент реальности инвестирован либо по выбору, либо по необходимости, он, кажется, в свою очередь делает нас своим объектом даже помимо нашей воли, – ситуация, к которой мы призваны адаптироваться, если мы хотим разделить нашу жизнь с этим объектом или если мы просто не можем поступить иначе.

Такое положение дел охватывает ситуации чрезвычайного разнообразия. Прежде всего, конечно, объект любовных отношений, симметрично снабженный, как и мы, собственными влечениями, желаниями и ожиданиями в отношении нас: в таком случае как минимум нас предупреждают, что тем не менее не означает, что мы лучше к этому подготовлены. Но также объект, который репрезентирует, так сказать, внешняя реальность, наполненная препятствиями и ограничениями, которые влияют на нас при условии, что наши влечения соприкасаются с ними. Развитие наук и технологий позволяет нам отнести эту реальность к «объективной», что смягчает ее аффективное (и травматическое) воздействие, временно создавая у нас иллюзию возможного различия между «реальностью» и «объектом» в психоаналитическом смысле этого термина. Именно эта иллюзия рушится с малейшим нежелательным красным светом или с малейшим устройством обыденной жизни, ломающимся в неподходящий момент. И именно эта иллюзия так плохо «удаётся» психотическим пациентам, с которыми «говорит» вся реальность и которые объясняют нам, что вращающийся рекламный щит изменил отображаемое изображение именно в тот момент, когда они проходили перед ним, или что журналист, который говорил по радио, тут же намекнул на людей, живущих в одиночестве, именно в тот момент, когда они включили радиостанцию (*Kapsambelis, 2020*).

Мы могли бы здесь заметить, что это различие между реальностью и объектом в объектном смысле этого термина скорее является результатом научного и культурного развития человечества. Постепенно мы поняли, что природные явления, хотя и могут влиять на нас лично и в той степени, в которой они это делают, все же подчиняются законам, которые мы можем, возможно, открыть. К тому же мы поняли, что проявление этих природных явлений влияет на тех, кто не был специально выбран получателем. Также мы знаем, что мы развиваемся в искусственно созданной вселенной, чье функционирование подчиняется собственным законам – тем самым законам, которые позволили нам, открывая их, ее создать. Итак, в конечном счете вокруг нас существует целый мир. И мы можем вообразить, как наши предки, что этот мир «принимает нас как объект» (посылает нам то или иное сообщение, награждает или наказывает или требует того или иного), но мы не являемся тем не менее его конкретными получателями. Термином «реальность» нам удалось делибидинизировать наше инвестирование огромного мира объектов всех видов, который нас окружает. Те, кому не удастся этого сделать, подобно больным шизофренией, обречены на его дезинвестирование, но эта дезобъектализация скорее

является защитным следствием «сверхобъектализации», если можно так выразиться, захватывающей и переполняющей, нежели проявлением первичного движения и *sui generis* (своего рода) уходом. Больной шизофренией «может жить в общении со всем, что его окружает, но, увы, умеет только это...», как говорил Ракамье (*Racamier, Held, 1962, p. 705*).

Таким образом, мы приходим к третьему определению реальности согласно Фрейду. Это определение не может относиться к его работам, как предыдущие два, ввиду периметра исследования, который он ставил перед собой (я вернусь к этому в заключении), но оно, я считаю, может быть выведено из них. Оно сводится к одной относительно простой формулировке, возможно, слишком простой: с метапсихологической точки зрения *реальность – это желание другого*. Формулировка, которую мы можем раскрыть следующим образом:

– «желание» – это все, что, как нам кажется, выражает реальным, воображаемым или проецируемым способом интенциональность, которая обращается лично к нам или которая в любом случае влияет на траекторию нашего собственного выражения влечения, без приглашения и неожиданно. Очевидно, здесь существует прототип: это желание другого в любовных отношениях, другого человека в более общем смысле, и это оправдывает то, что мы можем заменить в этих ситуациях термин «объект» термином «другой». Но не то желание, которое мы разделяем с другим и которое встречается с нашим, потому что в данном случае другой является «узнанным», будучи тем, кого искали и кого ждали. Речь идет о том желании, которое нас воспринимает как объект в тот самый момент, когда другой становится «объектом» для нас, при этом мы совсем не просили некоторые аспекты этого желания и не ожидали их. Я думаю, это и есть то, что мы называем *инаковостью*; потому что иначе каким образом другой мог бы формировать инаковость, если реальность либо может быть узнана, либо игнорирована? Но это настолько же верно и для собственных ограничений в обязательствах, в компании, в деле, под которым мы решили подписаться и согласовать наши объектные инвестиции, например на этой вечерней встрече, хотя мы могли бы остаться дома в тепле... Это также верно и для особенностей, которые разные породы дерева навязывают столяру или скульптору, пытающемуся с ними работать, и которые различаются в зависимости от пород деревьев, их сухого характера или нет, их возраста и прочего («липа любит начинающего скульптора», «хвойные легче поддаются обработке»...). С психической точки зрения и абстрагируясь от всех вторичных функций, которые нам позволили разделить «объект» в объектном смысле и «реальность», любое сопротивление, любое препятствие в нашем движении влечения и даже любое неожиданное проявление этой реальности воспринимается и анализируется психическим аппаратом как «объект, воспринимающий нас объектом»;

– «другой» тогда означает объект без дифференциации человеческих объектов и нечеловеческих, живых объектов и безжизненных или даже абстрактных объектов (идеи, философии, религиозные верования...), потому что с того момента, как мы их выбираем, эти объекты нас тоже выбирают, включая неодушевленные объекты, которые имеют душу,

заставляющую нас любить, согласно стихам поэта, и включая ранее упомянутые мультиформные ограничения, которые связаны с этими объектами, ограничения, которых мы не сможем избежать под угрозой потери этих объектов. Несомненно, здесь существует элемент непонимания и даже риск неассимилируемого, что ясно подчеркнула Франсуаза Кобланс (*Coblance*, 2014, р. 1429–1437), перед лицом этого объекта, который оказывается не только объектом влечения и который тем не менее заставляет нас принимать его во внимание. Анимизм психопатологии обыденной жизни и метафизика особых случаев (хорошо известно, что пути Господни неисповедимы) в целом позволяют нам из этого выйти, но ситуация содержит травматический потенциал, который является тем самым, который изучается, когда речь идет о «невытесненном несознательном»;

– и наконец, эта реальность, в качестве «желания другого», имеет больше шансов быть воспринятой как «реальность», если то, что она выражает как «желание» – то, что мы приписываем ей как таковой, все антропоморфизмы, все метафорические или метафизические языки, вместе взятые, – кажется, противоречит нашему собственному желанию; отсюда утверждение, что объект рождается в ненависти, потому что именно из разрыва между тем, что мы от него ожидаем, и тем, что мы в конечном итоге находим, выходит эта разница, которую Винникотт (*Winnicott*, 1971) выражает в терминах «субъективный объект» и «объективно воспринимаемый объект».

Слово в заключение. Фрейд – ученый конца XIX века, периода триумфа в изучении внутренних свойств организма, периода рождения физиологии, а в неврологии – специфических для мозга механизмов. Он придерживается эпистемологического требования того времени: конструировать экспериментальное поле в отношении только одной монады, пытаться определить и формализовать на уровне ее внутренних механизмов максимальное количество фактов и феноменов, влияющих на нее. Логично, что тогда его интересует объект только как объект влечения, а восприятие как функция занимает периферическое место в его размышлении, как в прямом, так и в переносном смысле. Но он об этом знает; он только хочет «интернализировать» его присутствие, что означает, что он старается перевести во внутренние для организма термины то, что восприятие, реальность и объект навязывают монаде в качестве работы. Я думаю, что разработки по повороту влечения в противоположное или возврату на самого себя содержат в себе интуицию трансформаций влечения при соприкосновении с движением влечения, исходящим от объекта, выбирающим нас в качестве объекта; мы, конечно, можем найти и другие феномены в работах Фрейда. Более того, принятие во внимание объекта в постфрейдистском психоанализе привело ко множеству теоретизаций: «взаимодействиям», сомнительному различию внутренних объектов – внешних объектов, а теперь еще более сомнительной intersубъективности. Но прежде чем решиться на такое отдаление от эпистемологической основы метapsихологии, давайте уже попробуем формализовать это простое наблюдение на уровне монады, заключающееся в том, что объект влечения делает нас объектом влечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Angelergues R.* (1995). Les paradoxes du « complexe » hallucination-perception: réflexions à bâtons rompus, *Revue française de psychanalyse* 59(2): 455–472. Reproduit dans Angelergues R. *Textes fondateurs. La symbiose: biologie et psychanalyse du travail psychique*: 141–162. Paris, Éditions In Press, 2015.
2. *Coblence F.* (2014). D'un reste inassimilable, *Revue française de psychanalyse* 78(5). P. 1429–1437.
3. *Freud S.* (1899a). Des souvenirs-couverture OCF.P, III. Paris, Puf, 1989. P. 276.
4. *Freud S.* (1901b). Sur la psychopathologie de la vie quotidienne: de l'oubli comme méprise, de la méprise de parole, de la méprise du geste, de la superstition et de l'erreur. OCF.P, V. Paris, Puf, 2012. P. 366.
5. *Freud S.* (1911b) Formulations sur les deux principes de l'advenir psychique. OCF.P., XI. Paris, Puf, 1998. P. 18.
6. *Freud S.* (1912–1913a). Totem et tabou: quelques concordances dans la vie d'âme des sauvages et des névrosés. OCF.P, XI. Paris, Puf, 1998. P. 286.
7. *Freud S.* (1915c). Pulsions et destins de pulsion. OCF.P, XIII. Paris, Puf, 1988.
8. *Freud S.* (1923b). Le Moi et le ça. OCF.P, XVI. Paris, Puf, 1991.
9. *Freud S.* (1925h). La negation. OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992. P. 169.
10. *Freud S.* (1925a). Note sur le «Bloc magique». OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992. P. 140.
11. *Freud S.* (1940a [1938]). Abrégé de psychanalyse. OCF.P, XX. Paris, Puf, 2010. P. 311.
12. *Freud S.* (1940b [1938]). Some elementary lessons in psychoanalysis. OCF.P, XX. Paris, Puf, 2010. P. 294.
13. *Freud S.* (1950c [1895]). Projet d'une psychologie, *Lettres à Wilhelm Fliess: 1887–1904*. Paris, Puf, 2006. P. 264.
14. *Freud S.* (1925h). La negation. OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992, P. 169.
15. *Kapsambelis V.* (2020). Le schizophrène en mal d'objet. Paris, Puf.
16. *Racamier P.-C., Held R.* (1962). Propos sur la réalité dans la théorie psychanalytique. *Revue française de psychanalyse*. 26(6). P. 705.
17. *Rolland J.-C.* (2010). *Les Yeux de l'âme*. Paris, Gallimard.
18. *Winnicott D.W.* (1971). Jeu et réalité. L'espace potentiel. Paris, Gallimard, 1975. P. 56.

Reality, between neurophysiology and metapsychology

Vassilis Kapsambelis

*Translation from French and scientific
editing: Stukalo A. V.*

Vassilis Kapsambelis, psychiatrist, psychoanalyst, titular member of the Paris Psychoanalytic Society, ex-director general of the Association of Mental Health of the 13th arrondissement of Paris, ex-director of the Center of Psychoanalysis and Psychotherapy by Evelyn and Jean Kestemberg, and editor-in-chief of « La Revue Française de Psychanalyse», author of numerous works, including on psychotic and borderline functioning.

In this article, the author profoundly explores the concept of reality in a metapsychological sense, based on a consistent and elegant analysis of this concept in the works of Freud, originally a neurophysiologist, and defines reality as a perceptual activity and its products, the object and, finally, the desire of the Other.

Keywords: reality, mnestic trace, perception, hallucination, representation, mental apparatus, object of desire, animism, intentionality, desire of the Other.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Значение и смысл концепции Зигмунда Фрейда о вытеснении

М. М. Филиппова

Филиппова Маргарита Михайловна – психолог (Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах), психоаналитически ориентированный консультант. Кандидат филологических наук, сотрудник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Статья является обзором взглядов Зигмунда Фрейда и его последователей на понятие вытеснения. Ее задача – дать максимально объемное представление об этом понятии, как его излагают сам З. Фрейд и его последователи, а также обсудить его отличительные терминологические и концептуальные особенности. Обсуждается основополагающая статья З. Фрейда о вытеснении и рассматриваются взгляды на разнообразные аспекты этого явления таких авторов, как Ж. Лапласи и Ж.-Б. Понталис, М. М. Решетников и коллектив его соавторов, В. М. Лейбин, Ж.-М. Кинодо, О. Фенихель, Ж. Бержере и его соавторы по учебнику «Патопсихология. Психоаналитический подход».

Ключевые слова: теория вытеснения, вытеснение первичное и вторичное, противонагрузка, бессознательное, судьба аффекта, возврат вытесненного.

«Теория вытеснения является как краеугольным камнем, на котором зиждется здание психоанализа, так и важнейшей частью последнего».

З. Фрейд

Вытеснение – довольно популярное понятие, как в психоанализе, так и в психологии. К примеру, просто просмотрев несколько статей в третьем номере четвертого тома «Журнала клинического и прикладного психоанализа» за 2023 год, обнаруживаем во всех них упоминание этого явления (Фусу, 2023, с. 69; Зелинская, 2023, с. 85; Фролова, 2023, с. 126, 139).

Его достаточно обыденно используют и в разговорной речи: «Не могу вспомнить фамилию этого человека. Ой, она у меня вытеснилась», – за просто может сказать даже человек, не имеющий специального психологического образования. При всей кажущейся простоте этого концепта можем ли мы быть уверены, что правильно его понимаем? Если рассмотреть, что пишут многие известные психоаналитики, выясняется, что это довольно сложное понятие, свидетельством чему служит то, как много об этом написано. И, что любопытно, в написанном очень мало повторов – по-видимому, потому, что каждому автору есть что сказать читателям об этом непростом психологическом явлении. Кроме того, при изучении материалов интернета на эту тему возникает впечатление большой путаницы. Отсюда стремление разобраться в этом понятии.

Подчеркнем с самого начала, что данная статья – своего рода обзор взглядов Фрейда и его последователей на понятие вытеснения. В ней сделана попытка как можно более точно изложить «классическое» представление об этом явлении, но не ставится задача передать взгляды современных нам аналитиков, например Нэнси Мак-Вильямс, Отто Кернберга и др. (Их взгляды заслуживают отдельной статьи.) Задача статьи – дать максимально объемное представление о понятии вытеснения в его разнообразных аспектах.

Язык Фрейда знаменит своей сжатостью и «свернутыми смыслами», он довольно сложен, поэтому сначала изучим то, что пишут о вытеснении те, кто объясняет взгляд Фрейда на это явление.

Признаюсь, изначальная идея была начать с рассмотрения статей в словаре по психологии издательства Оксфордского университета (*Colman*, 2015, p. 650). Но при его изучении обнаруживаем, что в статье о вытеснении возникает небольшая терминологическая и концептуальная путаница из-за неудачного употребления прилагательных-синонимов и паронимов – *primal* и *primary* – для обозначения первой и второй стадии вытеснения, согласно З. Фрейду. Поэтому, чтобы не запутывать читателя, данное определение брать не будем.

Однако можно посмотреть на две другие статьи словаря, существенные для нашей темы, в которых подобных недочетов нет (*Ibid.*, p. 174, 744).

Противонагрузка – в психоанализе процесс, при котором идеям (мыслям), подвергшимся вытеснению и постоянно стремящимся вернуться в сознание, мешает сделать это равная сила, действующая в противоположном направлении. Она впервые была постулирована в 1900 году З. Фрейдом в его книге «Толкование сновидений» (Фрейд, 2013) и впоследствии использовалась для объяснения работы защитных механизмов. Также называется «антикатексис» (здесь и далее перевод мой. – М. Ф.)

Подавление (*suppression*) – преднамеренное изгнание из сознания избранных мыслей, чувств, желаний или воспоминаний, как при остановке мысли (прекращении мышления). В психоанализе это защитный механизм, при котором с эмоциональными конфликтами или психосоциальными стрессорами справляются, преднамеренно удаляя их из сознания. В отличие от вытеснения, это сознательный процесс, и удаленный

материал оказывается в предсознании, а не в бессознательном. З. Фрейд обсуждал это в своей книге «Толкование сновидений» 1900 года.

Учтя эту информацию, помогающую концептуализировать интересующее нас понятие и связанные с ним явления, обратимся к еще одному словарю, замечательному ясностью и обстоятельностью своих объяснений и понятностью языка, которым излагаются сложные психоаналитические концепции – к словарю Лапланша и Понталиса (Лапланш, Понталис, 2015). Точность формулировок и подробный разбор нюансов излагаемых понятий делают этот словарь незаменимым для профессионалов. В данном словаре также стоит изучить несколько словарных статей: про вытеснение, возврат вытесненного и компромиссное образование. Выбираем из словарных статей то, что представляется существенным.

Вытеснение (по Лапланшу и Понталису) (*Ibid.*, с. 142–148)

а) В узком смысле слова вытеснение – это действие, посредством которого субъект стремится устранить или удержать в бессознательном представления (мысли, образы, воспоминания), связанные с влечениями. Вытеснение возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения, само по себе способное доставлять удовольствие, может оказаться неприятным при учете других требований.

Вытеснение особенно наглядно выступает при истерии, но играет важную роль и при других душевных расстройствах, равно как и в нормальной психике. Можно считать, что это универсальный психический процесс, так как *он лежит в основе становления бессознательного как отдельной области психики.*

б) В более широком смысле слова «вытеснение» у Фрейда иногда близко «защите»: во-первых, потому, что вытеснение в значении **а)** присутствует, хотя бы временно, во многих сложных защитных процессах (когда часть принимается за целое), а во-вторых, потому, что теоретическая модель вытеснения была для Фрейда прототипом других защитных механизмов.

Механизмы защиты и вытеснения выходят за рамки какого-либо отдельного психопатологического расстройства, но происходят эти процессы по-разному. Защита с самого начала выступает как *родовое* понятие, обозначающее тенденцию, «связанную с наиболее общими условиями работы психического механизма (с законом постоянства)» и способную принимать как нормальные, так и патологические формы, причем в последнем случае защита предстает в виде сложных «механизмов», в которых судьбы аффекта и представления различны. Вытеснение тоже универсально присутствует во всех видах расстройств и вовсе не является защитным механизмом, присущим лишь истерии; оно возникает потому, что каждый невроз предполагает свое отдельное бессознательное, основанием которого выступает именно вытеснение.

Здесь особенно значима мысль о том, что каждый невроз предполагает свое *отдельное бессознательное, основанием которого выступает именно вытеснение.* Можно сказать, что это яркое доказательство

индивидуальности каждого человека, у которого обнаруживается некая патология. На ум приходит аналогия с одним из основных положений французской психосоматической школы о том, что психоаналитика интересует не болезнь, а личность пациента.

Что же касается термина «вытеснение», он не теряет своего *своеобразия* и не становится понятием, обозначающим все приемы защиты, используемые при психическом конфликте. По сути, в *работе Зигмунда Фрейда 1915 года о вытеснении* (Фрейд, 2006, с. 111–127) это понятие сохраняет указанное выше значение: *«Его сущность заключается в отстранении и удержании вне сознания»*. В этом смысле вытеснение иногда рассматривается Фрейдом как особый «защитный механизм» или скорее как особая «судьба влечения», используемого в целях защиты. При истерии вытеснение играет главную роль, а при неврозе навязчивых состояний оно включается в более сложный процесс защиты. Следует помнить, что *вытеснение возникает как один из моментов защиты при каждом расстройстве*.

Верно то, что механизм вытеснения, исследованный Фрейдом на различных его этапах, служит для него прототипом других защитных операций. Так, описывая случай Шребера и выявляя особые механизмы защиты при психозе, Фрейд одновременно говорит о трех стадиях вытеснения и стремится построить его теорию.

«Теория вытеснения – это краеугольный камень, на котором зиждется все здание психоанализа». Вытеснение как клинический факт заявляет о себе уже в самых первых случаях лечения истерии; Фрейд отмечал, что пациенты не властны над теми воспоминаниями, которые, всплывая в памяти, сохраняют для них всю свою живость: *«Речь шла о вещах, которые больной хотел бы забыть, преднамеренно вытесняя их за пределы своего сознания»*.

Как видим, понятие вытеснения изначально соотносилось с понятием бессознательного (причем само понятие вытесненного в течение долгого времени – вплоть до открытия бессознательных защит Я – было для Фрейда синонимом понятия бессознательного). По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве «отдельной группы психических явлений» подчиняются своим собственным законам (*первичный процесс*). Вытесненное представление – это первое «ядро кристаллизации», способное притягивать к себе мучительные представления, при том что сознательная интенция в этом не участвует. В этом смысле и сама *процедура вытеснения отмечена печатью первичного процесса*. Именно это и отличает его как патологическую форму защиты от такой обычной защиты, как, например, избегание или отстранение. Наконец, вытеснение изначально характеризуется как *динамическая операция, предполагающая сохранение противонагрузки*: оно навсегда остается беззащитным перед силой бессознательного желания, стремящегося вернуться в сознание и вновь обрести подвижность.

И здесь, и в дальнейшем изложении видим, что все авторы довольно часто обращаются к обсуждаемому нами предмету – концепции Фрейда о вытеснении, изложенной в его основополагающей статье. Например, Лапланш и Понталис пишут: в статье *«Вытеснение» Фрейд*

разграничивает вытеснение в широком смысле (включающем три этапа) и вытеснение в узком смысле (только второй этап). Первый этап – это «первовытеснение»: оно относится не к влечению как таковому, но лишь к представляющим его знакам, «репрезентантам», которые недоступны сознанию и служат опорами влечению. Так создается первое бессознательное ядро как полюс притяжения элементов, подлежащих вытеснению.

Вытеснение в собственном смысле слова, или, иначе говоря, «вытеснение в последствии», – это, таким образом, двусторонний процесс, в котором тяготение связано с отталкиванием, осуществляемым вышестоящей инстанцией.

Наконец, третья стадия – это «возврат вытесненного» в форме симптомов, сновидений, ошибочных действий и т. д.

К чему относится акт вытеснения? Подчеркнем, говорят Лапланш и Понталис: *оно направлено не на влечение*, которое – в той мере, в какой оно относится к области органического, выходит за рамки альтернативы «сознание – бессознательное», и не на аффект, который может претерпевать различные превращения в зависимости от вытеснения, но не может стать в строгом смысле слова бессознательным. Вытеснению подвергаются только «представления как репрезентанты влечения» (идеи, образы и т. д.). Они связаны с первичным вытесненным материалом – либо рождаясь на его основе, либо случайно соотносясь с ним. Судьба всех этих элементов при вытеснении различна и «вполне индивидуальна»: она зависит от степени их искажения, от их удаленности от бессознательного ядра или от его аффективной значимости.

Операция вытеснения может рассматриваться в *метапсихологии* с трех позиций:

а) с точки зрения *топики*: хотя в первой теории психического аппарата вытеснение выступает как преграда доступу в сознание, Фрейд не отождествляет вытесняющую инстанцию с сознанием, и моделью вытеснения служит цензура. Во второй топике вытеснение выступает как защитное действие *Я* (отчасти бессознательное);

б) с точки зрения *экономики*: вытеснение предполагает сложную игру разгрузок, перенагрузок и противонагрузок, относящихся к репрезентантам влечения;

в) с точки зрения *динамики*: самое главное – это проблема *мотивов* вытеснения: почему влечение, удовлетворение которого по определению должно приносить удовольствие, порождает неудовольствие, запускающее в действие операцию вытеснения?

Возврат вытесненного (по Лапланшу и Понталису) (Op. cit., с. 127–128)

Лапланш и Понталис определяют понятие возврата вытесненного, являющегося очень популярным концептом в современном психоанализе, как процесс, при котором вытесненным, но не исчезнувшим при этом

элементам удается появиться вновь, хотя и в искаженной, компромиссной форме.

Фрейд всегда утверждал, что *бессознательные содержания «неустрашимы»*. Вытесненные элементы не только не исчезают, но, напротив, постоянно пытаются вновь проникнуть в сознание – пусть окольными путями, посредством трудно узнаваемых вторичных образований, иначе говоря, отrostков бессознательного.

Мысль о том, что симптомы можно объяснить возвратом вытесненного, встречается уже в самых ранних психоаналитических текстах Фрейда. Там же находим важную мысль о том, что это возвращение происходит посредством «образования *компромиссов* между вытесненными и вытесняющими представлениями». Однако отношения между механизмами вытеснения и возвратом вытесненного Фрейд трактует по-разному.

1. Например, в работе «Бред и сны в "Градиве" Йенсена» (1907) (Фрейд, 2012) Фрейд подчеркивает, что вытесненное возвращается теми же самыми ассоциативными путями, которыми шел процесс вытеснения. Таким образом, эти два процесса тесно связаны и как бы симметричны друг другу; Фрейд приводит здесь притчу об аскете, который, пытаясь изгнать искушение образом распятия, увидел на месте распятого образ обнаженной женщины: «...внутри вытесняющей силы, и за ней вытесненное в конечном счете одерживает победу».

2. Однако Фрейд не был последовательным приверженцем этой концепции: он подверг ее пересмотру (например, в письме к Ш. Ференци от 6.12.1910 г.), подчеркивая, что в основе возврата вытесненного лежит особый механизм. Это предположение получает дальнейшее развитие в ключевой для данного вопроса работе Фрейда «*Вытеснение*», где возврат вытесненного рассматривается как третий самостоятельный этап в процессе вытеснения в широком смысле слова. Описывая этот процесс применительно к различным типам невроза, Фрейд показал, что возврат вытесненного происходит в результате смещения, сгущения, конверсии и т. д.

Фрейд выявил также общие условия возврата вытесненного: это ослабление противоагрузки, возрастание силы влечения (например, под влиянием полового созревания), наличие событий, случившихся в данный момент, но не понятных без отсылок к ранее вытесненному материалу.

Образование компромиссное (по Лапланшу и Понталису) (Op. cit., с. 320–321)

Это форма, которую принимает вытесненное, чтобы получить доступ – через симптом, сновидение, другие проявления бессознательного – в сознание; при этом механизмы защиты искажают вытесненные представления до неузнаваемости. В одном и том же образовании могут одновременно удовлетворяться – в качестве общего компромисса – и бессознательные желания, и требования защиты.

Изучая механизм невроза навязчивости, Фрейд обнаружил, что *симптомы несут на себе отпечаток породившего их защитного конфликта*.

В «Дальнейших замечаниях о психоневрозах защиты» (1896) (Фрейд, 2024) Фрейд отмечал, что вытесненное воспоминание вновь всплывает (в искаженной форме) в навязчивых представлениях: это и есть «компромиссные образования между вытесненными и вытесняющими представлениями».

Идея компромисса была вскоре распространена на все симптомы, на сновидения, на все проявления бессознательного. Развитие этой мысли мы находим в главе XXIII «Лекций по введению в психоанализ» (1915–1917) (Фрейд, 2006). Фрейд подчеркивает, что невротические симптомы – это «результат конфликта [...] Две разъединившиеся силы воссоединяются в симптоме и как бы примиряются в компромиссе симптомообразования. Именно это и объясняет способность симптома к сопротивлению: ведь он пользуется поддержкой с двух сторон».

Можно ли считать, что любое возникновение симптома – это компромисс? Эта мысль, конечно, привлекательна, считают Лапланш и Понталис. Однако в клиническом опыте встречаются случаи, когда либо защита, либо желание явно преобладают, так что кажется, по крайней мере на первый взгляд, что речь идет о защитах, ни в коей мере не затронутых тем, против чего они направлены, или, напротив, о таком возврате вытесненного, при котором желание выражается без каких-либо компромиссов. Подобные случаи – это крайние полюса на шкале компромиссов, образованной дополнительными рядами: «...цель симптомов – либо сексуальное удовлетворение, либо защита от него; в общем, положительный момент (исполнение желания) преобладает в истерии, а отрицательный момент (аскеза) – в неврозе навязчивости».

Следующим источником полезных сведений выступает учебник «Психоанализ» под редакцией М. М. Решетникова (Психоанализ. Учебник... 2016). Еще раз подчеркнем, что все вышеназванные источники замечательно дополняют друг друга, мало пересекаясь в своих изложениях.

Один из выводов Фрейда и Брейера в их совместных исследованиях был такой: прошлые, преимущественно отрицательные переживания и впечатления часто вытесняются из сознания (т. е. актуально как бы отсутствуют в памяти), но тем не менее могут оказывать влияние на психическое состояние и поведение человека. Когда говорится, что такие переживания и впечатления *вытесняются* из сознания, подразумевается, что какие-то мысли или чувства настолько неприемлемы для пациента, что он, сам того не осознавая, не может помнить о них, но не может и забыть в обычном понимании этого слова. Образно говоря, «нельзя вспомнить то, что не было забыто». Поэтому такие переживания проявляются не как обычные воспоминания, а в виде их психических эквивалентов – тех или иных психопатологических симптомов (то, что невозможно постоянно помнить, но и нельзя забыть, проявляется в «вытесненном виде»). *Помочь пациенту осознанно вспомнить о прошлых переживаниях, снять с них, по образному выражению Фрейда, «нагар» и «зловоние» неприемлемости и сделать их действительно забытыми, действительно прошлыми*

(т. е. тем, что уже прошло, уже не тревожит, не волнует, не беспокоит) – одна из главных задач психоаналитической терапии.

Исходя из своего клинического опыта, говорят авторы, Фрейд сформулировал предположение о наличии тесной связи между конкретными формами защиты и конкретными психическими расстройствами, например между вытеснением и истерией.

В данном учебнике также объясняется, что термином «вытеснение» характеризуется психический механизм, посредством которого психические содержания или неприемлемые влечения, которые могут вызвать душевную боль, устраняются из сознания в бессознательное. Вытеснение наиболее ярко проявляется при истерии, но оно играет определенную роль и при других душевных расстройствах, так же как и в нормально функционирующей психике. Считается, что вытеснение – это универсальный психический процесс, лежащий в основе становления бессознательного как особой области психики.

Различают *первичное* вытеснение, с помощью которого предотвращается проявление того или иного инстинктивного импульса (содержание, которое никогда не осознавалось), и *вторичное*, или *собственно вытеснение*, которое характеризуют влечения и импульсы, ранее осознававшиеся, но затем подвергшиеся вытеснению. Термином «*возвращение вытесненного*» характеризуется непровольное проникновение в сознание неприемлемых влечений и импульсов или дериватов, т. е. производных первичных импульсов. Наиболее типичными проявлениями *возвращения вытесненного* являются ошибки, оговорки, а также симптомы психических расстройств. Сам вытесненный материал при этом в большинстве случаев остается в бессознательном, а возвращение вытесненного проявляется его дериватами, которые пропускаются в сознание, так как в измененном или искаженном виде они не опознаются защитой в качестве вытесненного материала. Итак: невротические симптомы также являются дериватами вытесненного и таким образом демонстрируют наличие некоего душевного неблагополучия, но не указывают на его локализацию и причину.

Следующий учебник, также содержащий много полезной информации о вытеснении, – «*Психоанализ*» В. М. Лейбина (Лейбин, 2019).

Вытеснение (по Лейбину)

Вытеснение – процесс отстранения от сознания и удержания вне его психического содержания, один из механизмов защиты человека от конфликтов, разыгрывающихся в глубинах его психики. Основу психоанализа составляли несколько идей и концепций о природе и функционировании психики человека, в числе которых важное место занимало представление о вытеснении.

Представления Фрейда о вытеснении действительно легли в основу психоанализа, объясняет В. М. Лейбин. Так, в опубликованных совместно с Й. Брейером «Исследованиях истерии» (1895) (Фрейд, Брейер, 2005) Фрейд высказал предположение, что не расположенная со стороны Я

какая-то психическая сила первоначально вытесняет патогенное представление из ассоциации, а впоследствии препятствует его возвращению в воспоминание. В «Толковании сновидений» он развил эту мысль: основным условием вытеснения (оттеснения) является наличие детского комплекса; процесс вытеснения касается сексуальных желаний человека из периода детства; вытеснению легче подвергается воспоминание, а не восприятие; вначале вытеснение целесообразно, но в конечном итоге оно превращается в пагубный отказ от психического господства.

В классическом психоанализе вытеснение обнаруживало сходство с такими явлениями, как регрессия, сопротивление, защитный механизм. В частности, в «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) (Фрейд, 2006) Фрейд подчеркивал, что, хотя вытеснение подпадает под понятие «регрессия» (возвращение от более высокой ступени развития к более низкой), вытеснение все же является топически-динамическим понятием, а регрессия – чисто описательным. В отличие от регрессии, вытеснение имеет дело с пространственными отношениями, включающими в себя динамику психических процессов. Вытеснение – это процесс, прежде всего свойственный неврозу и лучше всего его характеризующий. Без вытеснения регрессия либидо не приводит к неврозу, а выливается в перверсию.

При рассмотрении вытеснения Фрейд поставил вопрос о его силах, мотивах и условиях осуществления. Ответ, объясняет В. М. Лейбин, сводится к следующему: под воздействием внешних обстоятельств и внутренних побуждений у человека возникает желание, несовместимое с его этическими и эстетическими взглядами; столкновение желания с противостоящими ему нормами поведения приводит к внутриспсихическому конфликту; разрешение конфликта, прекращение борьбы осуществляются благодаря тому, что представление, возникшее в сознании человека как носитель несовместимого желания, подвергается вытеснению в бессознательное; представление и относящееся к нему воспоминание устраняются из сознания и забываются.

Согласно Фрейду, вытесняющие силы служат этическим и эстетическим требованиям человека, возникающим у него в процессе воспитания и культурного развития. То неудовольствие, которое он испытывает при невозможности реализации несовместимого желания, устраняется путем вытеснения. *Мотивом вытеснения является несовместимость соответствующего представления человека с его Я.* Вытеснение выступает в качестве психического механизма защиты. В то же время оно порождает невротический симптом, являющийся заместителем того, чему помешало вытеснение. В конечном счете вытеснение оказывается предпосылкой образования невроза.

Исследование и лечение невротических расстройств привело Фрейда к убеждению, что невротикам не удастся полное вытеснение представления, связанного с несовместимым желанием. Это представление устраняется из сознания и памяти, но оно продолжает жить в бессознательном, при первой возможности активизируется и посылает от себя в сознание искаженного заместителя. К замещающему представлению присоединяются

неприятные чувства, от которых, казалось бы, человек избавился благодаря вытеснению. Таким замещающим представлением оказывается невротический симптом, в результате чего вместо предшествующего кратковременного конфликта наступает длительное страдание. Как замечал Фрейд в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938) (Фрейд 1992), пробуждаемое под действием нового повода ранее вытесненное представление способствует интенсификации подавленного влечения человека. А поскольку путь к нормальному удовлетворению для него закрыт тем, что можно назвать «вытеснительным шрамом», то оно прокладывает себе где-то в слабом месте другой путь. Путь к так называемому эрзац-удовлетворению, дающему о себе знать теперь в виде симптома, возникающего без «согласия», но также и без понимания со стороны сознания.

Для выздоровления невротика необходимо, чтобы симптом был переведен в вытесненное представление по тем же самым путям, какими совершалось вытеснение из сознания в бессознательное. Если благодаря преодолению сопротивлений удастся перевести вытесненное опять в сознание, тогда внутриспсихический конфликт, которого больной хотел избежать, под руководством аналитика может получить лучший выход, нежели с помощью вытеснения. В этом отношении вытеснение рассматривалось Фрейдом как попытка человека к «бегству в болезнь», а психоаналитическая терапия – как хороший заместитель безуспешного вытеснения.

Основатель психоанализа проводил различие между бессознательным вообще и вытесненным бессознательным. Понятие «бессознательное» – чисто описательное, в каком-то смысле неопределенное и статичное. Понятие «вытесненное» – динамическое, говорящее о протекании различных, часто противостоящих друг другу психических процессов и свидетельствующее о наличии какой-то внутренней силы (сопротивления), способной сдерживать психические действия, включая действия по осознанию отстраненного от сознания материала.

Согласно Фрейду, вытесненное бессознательное представляет собой такую часть психики человека, которая содержит в себе забытые восприятия и патогенные переживания, являющиеся источником невротических заболеваний. В вытесненном бессознательном, подчеркивает В. М. Лейбин, находится и все то, что может проявляться не только в качестве невротического симптома, но и в форме сновидения или ошибочного действия.

В статье «Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе» (1912) (Фрейд, 2024) Фрейд писал, что в наиболее наглядной форме вытесненное бессознательное дает знать о себе в сновидениях. В течение ночи вереница мыслей, вызванных к жизни дневной духовной деятельностью человека, находит связь с какими-либо бессознательными желаниями, имеющимися у сновидца с раннего детства, но обычно вытесненными и исключенными из его сознательного существования. Эти мысли могут стать снова деятельными и всплыть в сознании в образе сновидения, о скрытом смысле которого человек, как правило,

ничего не знает и, следовательно, не догадывается о содержании того, что находится в вытесненном бессознательном.

В работе «Я и Оно» (Фрейд, 2006) Фрейд отметил, что вытесненное является типичным примером бессознательного. Одновременно он подчеркнул, что *психоаналитическое понятие бессознательного вытекает непосредственно из учения о вытеснении* и что в строгом смысле слова термин «бессознательное» применяется только к вытесненному динамическому бессознательному.

В процессе аналитической работы, опирающейся на топическое (пространственное) и динамическое представление о психике человека, обнаружилось, что проведенное различие между предсознательным и вытесненным бессознательным оказалось недостаточным и практически неудовлетворительным. Выяснилось, что связанное с сознанием Я, с одной стороны, организует вытеснение, благодаря чему часть психики становится насыщенной материалом вытесненного бессознательного, а с другой стороны, оказывает сопротивление попыткам приблизиться к вытесненному при аналитической терапии. Так как сопротивление, о котором пациент ничего не знает, исходит из его Я и принадлежит ему, то, следовательно, в самом Я существует нечто бессознательное, проявляющееся подобно вытесненному, но не являющееся таковым. Как заметил Фрейд позднее в своей работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938), верно, что все вытесненное бессознательно, но неверно, что все принадлежащее Я сознательно. Отсюда возникла необходимость в структурном понимании психики человека, в признании, наряду с предсознательным и вытесненным бессознательным, такого бессознательного в Я, которое было названо Фрейдом Сверх-Я. При этом он стал исходить из того, что вытесненное бессознательное сливается с Оно, но представляет только часть его. Благодаря сопротивлению вытеснения это вытесненное бессознательное обособлено только от Я. С помощью Оно ему открывается возможность соединиться с Я.

Выделение в структуре психики бессознательного Сверх-Я вызвало необходимость рассмотреть соотношение между ним и вытесненным бессознательным. Предприняв такую попытку, Фрейд высказал мысль, согласно которой Сверх-Я имеет как бы двойное лицо Идеала Я: одно олицетворяет собой долженствование («ты должен быть как отец»); другое – запрет («ты не имеешь права делать все, что делает отец, так как только он имеет право на многое»). Исходящий из Сверх-Я запрет связан с вытеснением эдипова комплекса. Причем, с точки зрения Фрейда, примечательно, что само возникновение Сверх-Я в психике человека обусловлено вытеснением, наличием вытесненного бессознательного. Чем сильнее был эдипов комплекс на определенной стадии психосексуального развития ребенка, тем быстрее под влиянием воспитания произошло его вытеснение, тем строже впоследствии оказывается Сверх-Я, властвующее над Я в виде совести и бессознательного чувства вины.

По мере становления и развития психоанализа, подчеркивает В. М. Лейбин, Фрейд вносил различные уточнения в понимание вытеснения. Так, в дальнейшем он сместил акцент исследования в плоскость вытеснения *теории вытеснения*, в соответствии с которой:

- вытесненное остается дееспособным;
- можно ожидать возвращения вытесненного, особенно в том случае, если к вытесненному впечатлению присоединяются эротические чувства человека;
- за первым актом вытеснения следует длительный процесс, когда борьба против влечения находит свое продолжение в борьбе с симптомом; при терапевтическом вмешательстве появляется сопротивление, действующее в защиту вытеснения.

Так, в ключевой для данного обсуждения и многократно упомянутой статье *«Вытеснение»* Фрейд выдвинул идею о «первичном вытеснении», «вытеснении в последствии» («проталкивание вслед», «послевытеснение») и «возвращении вытесненного» в форме невротических симптомов, сновидений, ошибочных действий.

Позднее основатель психоанализа вновь возвратился к понятию «защита» с целью установления соотношений между защитными механизмами и вытеснением. В частности, в работе *«Торможение, симптом и страх»* (1926) (Фрейд, 2024) он подчеркнул, что имеются все основания для того, чтобы снова воспользоваться старым понятием «защита» и включить в него вытеснение как один специальный случай. Наряду с этим уточнением он выделил пять видов сопротивления (три исходящих из Я, одно – из Оно и одно – из Сверх-Я), среди которых *«сопротивление вытеснения» относилось к одному из видов сопротивлений Я.*

В последних своих работах, например в *«Конечном и бесконечном анализе»* (1937) (Фрейд, 2024), Фрейд еще раз обратил внимание на проблему вытеснения и отметил, что все вытеснения происходят в раннем детстве, являя собой примитивные защитные меры незрелого, слабого Я. В последующие периоды развития человека новые вытеснения не возникают, а сохраняются старые, к услугам которых и прибегает Я, стремящееся совладать со своими влечениями. Новые конфликты разрешаются посредством «послевытеснения». *Подлинным же достижением аналитической терапии служит последующая корректировка первоначального процесса вытеснения.* Другое дело, что, как замечал Фрейд, терапевтическое намерение заменить предшествующие вытеснения, приведшие к возникновению невроза пациента, осуществляется не всегда в полном объеме надежными силами Я.

В. М. Лейбин также упоминает Анну Фрейд, выделившую в своей книге *«Я и механизмы защиты»* (1936) (Фрейд, А., 2022) наряду с вытеснением еще девять механизмов защиты, включая регрессию, проекцию, интроекцию и другие. Фрейд же в работе *«Конечный и бесконечный анализ»* подчеркнул: у него никогда не было сомнений в том, что «вытеснение – не единственный метод, которым располагает Я в своих целях», но оно *«является чем-то совершенно особенным, более отличающимся от остальных механизмов, чем те различаются между собой».* Суть

же аналитической терапии остается неизменной, так как *терапевтический эффект, по словам Фрейда, связан с осознанием вытесненного в Оно* (бессознательное), причем вытесненное понимается в самом широком смысле.

При рассмотрении психоаналитического понимания вытеснения необходимо иметь в виду, что *трактовка его Фрейдом уточнялась по мере того, как происходило развитие психоанализа*. Это касалось не только соотношения между защитой и вытеснением, но и движущих сил, приводящих в движение процесс вытеснения. После того как Фрейд осуществил структурное деление психики на Оно, Я и Сверх-Я, перед ним встал вопрос о том, с какой психической инстанцией следует соотносить вытеснение. Отвечая на этот вопрос, он пришел к выводу, что *вытеснение является делом Сверх-Я*, которое либо проводит процесс вытеснения самостоятельно, либо «дает задание» на вытеснение послушному Я. Данный вывод был сделан им в «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (1933) (Фрейд, 2021).

В конечном счете в психоанализе придается важное значение вытесненному бессознательному, природа, условия и силы образования которого являются предметом как исследовательской деятельности, так и терапевтической практики. Не случайно анализ сновидений, ошибочных действий и невротических симптомов средствами психоанализа выявил существенную роль вытесненного бессознательного в образовании этих явлений.

Следующий источник особенно ценен – в этой книге Ж.-М. Кинодо (Кинодо, 2012) довольно подробно излагает свое понимание статьи, представляющей главный предмет нашего обсуждения. Следует особо отметить полезность данного издания для изучающих психоанализ: хронологический принцип изложения обсуждаемых работ Фрейда позволяет читателю представить ход мысли основателя психоанализа, а системность подачи материала формирует целостное впечатление об изучаемых работах. Ж.-М. Кинодо выделяет основные понятия, введенные Фрейдом в своих работах, а также прослеживает судьбу этих понятий в хронологической перспективе и в трудах постфрейдистов.

Изложение статьи Зигмунда Фрейда «Вытеснение» (1915) (Ibid., с. 210–213)

Роль вытеснения

В соответствии с «первой теорией влечений», исповедовавшейся Фрейдом в 1915 году, влечение ищет главным образом наслаждение от удовлетворения. Но в своем поиске удовольствия влечение наталкивается на сопротивление, стремящееся сделать его неэффективным. Среди этих сопротивлений вытеснение занимает особое место, являясь компромиссом между бегством – невозможным по отношению к влечению внутреннего происхождения – и осуждением. Почему влечение должно быть вытеснено, если оно находится в поиске наслаждения от удовлетворения?

Потому что, хотя удовлетворение влечения и доставляет наслаждение одной части психики, это удовольствие несовместимо с требованиями другой части психики, и в этом случае вступает в действие осуждение, которое вызывает вытеснение: *«Сущность вытеснения состоит в удалении некоего содержания из сознания»*. Таким образом, вытеснение как механизм защиты не существует изначально, оно вступает в действие не раньше, чем образовалось разделение между сознанием и бессознательным. Фрейд выдвигает гипотезу, что до этого разделения существуют другие механизмы защиты против влечений, такие как превращение в противоположное и обращение на самого себя.

Судьба репрезентации

Хотя Фрейд и не говорит об этом прямо, в этой статье он возвращается к своей гипотезе о психоневрозах защиты, выдвинутой им в статьях 1894–1895 годов. Он выделяет двух «представителей» влечения в психике, могущих подвергнуться вытеснению – репрезентацию и аффект; у них разная судьба. Касаемо репрезентации, по мнению Фрейда, существует первичное вытеснение: *«Первая фаза вытеснения состоит в том, что психический (мыслимый) представитель влечения (представитель репрезентация) не допускается в сознание»*. Например, в случае маленького Ганса страх быть укушенным лошадью скрывает бессознательный страх быть кастрированным отцом, и здесь идея «отца» оказывается вытесненной репрезентацией. Вторая фаза вытеснения – вытеснение в собственном смысле слова – *«касается психических дериватов указанного вытесненного представителя, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этим представителем»*. Получается, что вытеснение затрагивает не только репрезентацию как таковую, но и дериваты бессознательного, т. е. образования более или менее далекие от того, что было вытеснено. Дериваты, в свою очередь, становятся объектом защит. С этой точки зрения, симптомы тоже являются дериватами вытесненного. Но вытеснение не устраняет влечение, оно продолжает пребывать в бессознательном, образовывать дериваты, *«разрастаться во тьме бессознательного»*. Этот продолжающийся процесс подразумевает, что в строгом смысле слова вытеснение – это всегда отсроченное действие (*après coup*), уточняет Фрейд. Например, у маленького Ганса боязнь лошадей, неспособность выходить на улицу или воспоминание о падении с лошади его товарища и т. д. – это именно дериваты вытесненного.

Эти бессознательные дериваты имеют свободный доступ в сознание, когда они достаточно отделились от вытесненного содержания. Именно тогда психоаналитик может обнаружить их при помощи свободных ассоциаций пациента.

Характеристики вытеснения

По мнению Фрейда, вытеснение работает крайне индивидуально, обращаясь с каждым психическим дериватом по-своему. Кроме того, вытеснение очень мобильно и требует постоянных затрат энергии. Таким образом, в зависимости от *количественного* фактора вытесненное психическое содержание влечения остается в бессознательном или вновь появляется в сознании: *«Решающее значение для возникновения конфликта имеет, однако, количественный момент; как только шокирующая по существу репрезентация усиливается сверх определенного уровня, конфликт становится активным, и именно его активация влечет за собой вытеснение»*.

Судьба аффекта

Продемонстрировав судьбу репрезентации, Фрейд показывает затем, что происходит с аффектом. По его мнению, аффект – или, точнее, «квант аффекта» – составляет количественный элемент влечения, подвергнувшийся вытеснению: *«Он соответствует влечению постольку, поскольку оно отделилось от репрезентации и находит выражение, соответствующее его количеству, в процессах, воспринимаемых в форме аффектов. Описывая случай вытеснения, мы впредь должны будем в отдельности проследить, что стало вследствие вытеснения с репрезентацией и что произошло со связанной с ним энергией влечения»*. Вновь обратившись к примеру маленького Ганса, мы увидим, что аффект, подвергнувшийся вытеснению, – это враждебный импульс ребенка по отношению к отцу, желание ему смерти, свойственное эдипову комплексу.

Судьба мыслимой репрезентации влечения, идеи – быть удаленной из сознания, как мы уже видели выше, однако судьба количественного фактора представителя влечения может иметь три варианта: а) влечение может быть подавлено и не оставить никаких следов, б) оно может проявиться как качественно окрашенный аффект или же в) оно может трансформироваться в тревогу. Поскольку конечная цель вытеснения – избежать неудовольствия, *«отсюда следует, что судьба кванта аффекта, принадлежащего представителю, значительно важнее, чем участь репрезентации: именно она определяет то суждение, которое мы выносим о процессе вытеснения»*. Далее Фрейд замечает, что вытеснение сопровождается образованием замещающих образований и симптомов, и задается вопросом, не являются ли они прямым результатом возвращения вытесненного разными путями. Он заканчивает свою работу примерами из клинической практики, подробно описывая действие вытеснения при трех главных психоневрозах. При тревожной истерии (или фобии), например в случаях фобии животных, вытеснение терпит крах, самое большее – ему удастся заменить одну репрезентацию другой, но при этом не получается подавить страх. В настоящей конверсионной истерии вытеснению удастся полностью устранить квант аффекта, что объясняет «великолепное безразличие» истериков; но оно достигается ценой образования

серьезных замещающих симптомов, которые посредством сгущения привлекают на себя весь катексис. Наконец, при обсессивном неврозе враждебность по отношению к любимому лицу вытесняется, но вытеснение ненадежно, и аффект возвращается в форме бесконечных самообвинений.

И вот, наконец, после изучения всех предыдущих источников обратимся к классическому учебнику под редакцией Ж. Бержере «Патопсихология. Психоаналитический подход» (Патопсихология, 2008). Это уникальное пособие, удачно сочетающее внятность и последовательность изложения основных психоаналитических концептов с сохранением в описании тонких нюансов реальной психоаналитической клиники. Учебник ценен тем, что дает систематизированное изложение основ психоанализа. В предисловии справедливо сказано, что для студентов, приступающих к изучению психоаналитической патопсихологии, – это незаменимое подспорье, а для профессионалов – удобное справочное издание. Обратившись к статье о противозагрузке, видим, что авторы подчеркивают: большинство защитных механизмов, и в частности вытеснение, направлено именно на репрезентации, тогда как подавление направлено на аффекты.

Замещающее образование (по Бержере) (Ibid., с. 129)

Репрезентация неприемлемого желания вытеснена в бессознательное. На уровне принципа удовольствия существует недостаточность, которую Я старается заполнить тонкой двойной компенсаторной операцией: с одной стороны, внести замещающее удовольствие, а с другой – устроить так, чтобы замещающая сознательная репрезентация благодаря ассоциативной игре идей как-то тем не менее соотносилась с запретным удовольствием, не проявляя это отчетливым образом. Например, мистический транс может вполне являть собой лишь субститут сексуального оргазма: внешне в нем нет ничего сексуального, на самом же деле связь с любовным и физическим экстазом оказывается сохраненной, аффект остается идентичным. Замещающее образование есть, стало быть, один из вариантов возвращения вытесненного.

Компромиссное образование (по Бержере) (Ibid., с. 130)

Это также способ возвращения вытесненного, существующего в данном случае в форме, в которой оно не может быть принято, но не с помощью замещения, а с помощью деформации. Названный процесс пытается сплавить в компромиссе и запретные бессознательные желания, и требования запрета, то, что мы встречаем, в частности, в сновидениях, в некоторых симптомах (например, потребность в контрфобическом объекте).

Образование симптома (по Бержере) (Ibid., с. 130)

Еще один из способов возврата вытесненного. Будь то в психическом, физическом или смешанном варианте, симптом никогда не имеет причинной само по себе вытеснение. Он означает лишь неудачу вытеснения и является не чем иным, как результатом этой неудачи.

Симптом есть одновременная результирующая трех механизмов: реактивного образования, замещающего образования и компромиссного образования. Значит, он не может быть расположен с ними в одной плоскости, его природа с самого начала оказывается более сложной, чем каждого из них, рассматриваемого в отдельности.

К тому же симптом с самого начала, благодаря действию компромисса и замещения, приобретает особый смысл в каждой психопатологической сущности; он плотно включен в тип объектного отношения, свойственного всякой форме болезненной организации. Защита, сформированная симптомом, направлена на борьбу против специфического страха: *избежать кастрации при неврозе, избежать расчленения при психозе, избежать утраты объекта при пограничном состоянии.* Способ формирования симптома достаточно стабилен до тех пор, пока остается стабильной интрапсихическая экономия. Отчетливое изменение симптоматики, даже при ее строго органическом облике, требует трансформации внутренней экономии, чего при любом терапевтическом отношении следует добиваться в первую очередь.

Вытеснение (по Бержере) (Ibid., с. 130)

Это, говорят авторы, самый древний и наиболее важный механизм защиты, описанный Фрейдом в 1895 году. Он остается тесно связанным с понятием бессознательного и вследствие этого один использует основную часть защитной энергии, исключая из поля нашего сознания целые острова подспудной, но до какой же степени реальной, аффективной жизни!

Однако принято считать, что, с одной стороны, вытеснение в его строго функциональном аспекте необходимо для упрощения нашей обыденной жизни и что оно не в каждом случае содержит в себе презумпции болезненности. С другой стороны, когда оно начинает действовать патологическим образом, речь уже идет, даже при различных структурах, о презумпции невротической организации или по крайней мере о защитных системах *невротического типа*. При других организациях, в меньшей степени генитально проработанных, чем невроты, были постепенно открыты другие, более специфические механизмы. Но мы бы не слишком настаивали, замечают авторы вслед за Фрейдом, в том, что касается аутентичного вытеснения: оно остается преимущественно центрированным на генитальной диалектике, будучи прежде всего сексуально направленным на либидо. Вытеснение часто рассматривается как обычный, банальный, само собой разумеющийся механизм. Но вытеснение как раз не входит в наиболее примитивные и архаичные защитные процессы. Это достаточно «благородный» механизм, прежде всего потому, что он касается генитальных проработок, а также потому, что он оказывается дорогостоящим (для психической энергии) и довольно удобным по сравнению со всей остальной группой более простых механизмов. Вытеснение можно определить как **активный процесс, направленный на сохранение вне сознания неприемлемых репрезентаций.**

Первичное вытеснение (по Бержере) (Ibid., с. 131)

Первичное вытеснение – это остаток архаического периода, индивидуального или коллективного, когда все тягостные репрезентации (образы первичной сцены, угроз или соблазнений взрослым) автоматически оказываются вытесненными, не достигая сознания; впоследствии – это полюс притяжения, точки фиксации будущих вытеснений, касающихся репрезентаций того же типа.

Фрейд никогда не отказывался от постулирования первичного вытеснения как связанного с существованием «первичного Бессознательного». Это предполагает присутствие с самого рождения сексуальной схемы в примитивном воображаемом ребенка, но в то же время и невозможность для данной сексуальной схемы, в связи с первичным непосредственным вытеснением, стать впоследствии операциональной. Первичная сексуальная схема может оказаться операциональной (функциональной) лишь в более продвинутом структурировании, что подготавливает введение в эдипов комплекс и все его преобразования, перемещающие регистр сознательного под действие вторичного вытеснения, генератора вторичного бессознательного.

Вторичное вытеснение, или вытеснение в собственном смысле слова (по Бержере) (Ibid., с. 132)

Вторичное вытеснение состоит в двойном действии: притяжении фиксациями первичного вытеснения и отторжении запрещающими инстанциями Сверх-Я (и Я в той мере, в какой оно связано со Сверх-Я).

Возвращение вытесненного (по Бержере) (Ibid., с. 132)

Возвращение вытесненного – это либо просто «просвет» в процессе вытеснения, функциональный и полезный клапан (сновидение, фантазмы), либо менее безобидная форма (ошибки, забывчивость), либо патологическое проявление реальной неудачи вытеснения (симптомы).

Вытеснение касается только репрезентаций запретных влечений, прежде всего из-за действия *разгрузок* устрашающих репрезентаций предсознательного (например, уличные женщины при фобии), затем *противозагрузок* необходимой энергии влечения, сразу же реинвестируемой в другие разрешенные репрезентации (контрфобический объект). Такая противозагрузка создает постоянно необходимый энергетический расход, без которого вытесненное вскоре проявляется в вышеописанных формах.

Вытеснение в собственном смысле не создает ни замещающих, ни компромиссных образований, ни симптомов. Указанные феномены означают лишь возвращение вытесненного, т. е. неудачу вытеснения, его перегруженность, а не простое приведение в действие.

Вытеснение действует только после разграничения сознательного и бессознательного и появления языка. Бессознательное – это то, что не вербализовано, – репрезентации вещей; сознательное, напротив, соответствует вербализованному – репрезентациям слов.

Таким образом, если оно успешно, вытеснение не может помешать тому, чтобы вытесненные в бессознательное репрезентации там организовались, образовали тонкие связи и даже породили новые побег, которые, в свою очередь, попытаются проявиться на уровне сознания.

3. Фрейд вначале предполагал, что вытеснение лежит в основе страха. Но разработка второй топки и определяющая роль, приписываемая Я как вытесняющей инстанции, подвели его (Фрейд, 2024) к утверждению, что, напротив, страх создает вытеснение, и к описанию *вытеснения как подвижной, живой и бесконечно действующей игры загрузки, разгрузки и противозагрузки самых разнообразных репрезентаций*, связанных с влечениями и аффектами, непереносимыми для запрещающих инстанций.

Таким образом, первичное вытеснение является не результирующей экзистенциального страха нарциссической сути, а, напротив, его запускающей причиной.

Каким образом этот механизм разворачивается в экономическом аспекте (по Бержере) (Ibid., с. 133): При истерии

Конверсионная истерия (тип Доры) – тотальное исчезновение репрезентации, связанной с угрожающим влечением: вытеснение имеет полный характер (воспоминание о члене г-на К., прижимающемся к ее лобку, вытеснено). Вступает в действие замещающее образование (грудная клетка заменяет лобок), а компромиссное образование (давление на грудную клетку вместо давления на лобок) порождает симптом, становящийся безобидным в отношении Сверх-Я. При конверсионной истерии вытеснение абсолютно успешно и самодостаточно (*belle indifférence* – прекрасное равнодушие истерического пациента по отношению к своему симптому), тогда как при других формах неврозов часть страхов вновь проявляется и нуждается в подключении других, дополнительных механизмов защиты. Эта эффективность (не всегда абсолютная) вытеснения при конверсионной истерии объясняет, почему настоящие истерики относительно редко попадают на консультации к психопатологам и столь легко обращаются к интернистам (неопытным стажерам).

Истерия страха (тип «маленького Ганса»). Первичные влечения амбивалентны. Возьмем лишь случай отца: любовь к отцу и ненависть к отцу сосуществуют в связи с эдиповой ситуацией. Только репрезентации ненависти к отцу (и ее следствия – страх, боязнь отца) являются вытесненными. Но это вытеснение недостаточно успешно, поскольку замещающее образование (лошадь) не соответствует достаточному смещению: уровень неудовольствия сохраняется и требует включения дополнительного обходного пути, «протечки» (фобия лошадей).

**Каким образом этот механизм разворачивается
в экономическом аспекте (по Бержере) (Ibid., с. 133):
При обсессивном неврозе**

Вытеснение оказывается в этом случае еще менее успешным, поскольку последовательно включаются в действие четыре дополнительных фактора: *регрессия*, собственно регрессия влечения к анальному садизму («нет, я не хочу обладать моим эдиповым родителем, я хочу его замарать»), затем *вытеснение* этих садистических тенденций («нет, я не хочу знать о моем желании его замарать»), затем *реактивное образование* («я совестливый, я хочу его защитить, заботиться о нем») и, наконец, *смещение* (объекта влечения на субститут в виде супруга, ребенка, которого нужно оберегать, или целого дома, который нужно «содержать в чистоте»).

Не следует смешивать вытеснение (англ. «repression»):

– с *подавлением* (англ. «suppression»), актуально действующим и достаточно осознаваемым механизмом, касающимся аффекта (а не его репрезентации) и заключающимся не в вытеснении, а в его торможении, практической ликвидации. Например: «Нет, я не буду думать о сексуальном наслаждении, которое я мог бы получить, гуляя с такой молодой девушкой; она просто друг». Репрезентация в этом случае сохранена, а аффект упрощен. Подавление аффектов (часто смешиваемое с вытеснением репрезентаций) играет очень важную роль в рамках прегенитальной экономики;

– с *запретом*, сознательной и мотивированной проработкой запрещения. Например: З. Фрейд демонстрирует нам, как благодаря лечению маленький Ганс переходит от вытеснения (автоматизированного и бессознательного первичного процесса) к запрету своих инцестуальных желаний (вторичный процесс адаптации к реальности и ее интеграции).

Мысли О. Фенихеля о вытеснении

Еще один автор, чье мнение о вытеснении представляет интерес для данного обзора, – это Отто Фенихель. Он детализирует и иллюстрирует положения З. Фрейда, высказанные в его статье о вытеснении, расширив общее представление об этом важном феномене психической жизни индивида.

В начале посвященного вытеснению параграфа своей книги «Психоаналитическая теория неврозов» (Фенихель, 2023, с. 184–187) он называет его *менее архаичным дериватом отрицания*. Вытеснение состоит в бессознательно мотивированном забывании, или избегании осознания внутренних побуждений и внешних событий, репрезентирующих соблазны и наказания за запретные наслаждения, а также просто намекающих на такие соблазны и наказания. Информация блокируется, чтобы помешать ее воздействию и избежать страданий при осознании. Тем не менее, говорит О. Фенихель, *хотя вытесненное не переживается на сознательном уровне, оно сохраняет свою действенность*. Эго (Я) полностью

от него избавляется только в случаях, обозначенных как сублимация или иногда называемых «успешным вытеснением». В случаях же собственно вытеснения, основанного на постоянстве контркатексиса (противонагрузки), *вытесненный материал продолжает оказывать влияние с бессознательного уровня.*

Паттерн вытеснения наиболее иллюстративен в случае простого забывания имени или намерения. Психоанализ обнаруживает, что имя или намерение забываются, если сопряжены с подавленным мотивом, обычно из-за их ассоциации с неприемлемой инстинктивной потребностью. Об упорстве вытесненного на бессознательный уровень материала, когда забывание тенденциозно, свидетельствует ощущение, что забытое должно быть известно, оно «вертится на кончике языка».

Иногда, замечает О. Фенихель, определенные факты помнятся как таковые, но вытесняются их связи, значимость, эмоциональная ценность.

Конфликты возникают в случаях, когда происходят события, относящиеся к материалу, вытесненному в прошлом. Вытесненное стремится использовать для разрядки новое событие, которому передает свою энергию в целях превратить его в дериват. Такое перемещение энергии как способ разрядки иногда оказывается успешным. При анализе невротических преувеличений, а именно отношений, в которых относительно безобидная вещь эмоционально переоценивается, выясняется, что эти *преувеличения – дериваты чего-то вытесненного.* Эмоциональная оценка, кажущаяся абсурдной, становится понятна как следствие смещения. Порой попытка вытесненного материала найти разрядку в виде дериватов терпит неудачу. Тогда возникает стремление вытеснить любое событие, ассоциативно связанное с изначально вытесненным материалом. Короче говоря, отмечает О. Фенихель, *дериваты вытесняются тем же образом, каким был вытеснен первичный материал.* Вслед за Фрейдом Фенихель называет этот процесс «вторичным вытеснением». Создается впечатление, говорит он, что вытесненное, подобно магнетической силе, притягивает все, хоть как-то связанное с ним, чтобы тоже подвергнуть вытеснению. На самом деле «магнетическая» сила не притягивает к вытесненному материалу ассоциативно связанные с ним события, а пытается превратить их в дериваты, и только в случае неудачи те же самые силы, которые осуществили первичное вытеснение, производят новое вытеснение.

Иногда дериваты вытесненного материала поочередно то допускают разрядку, то сами вытесняются. Грезы, например, могут доставлять огромное наслаждение, но они тотчас забываются при переходе определенного предела. То же самое справедливо для сновидений: совсем немногое отделяет высокоэмоциональное сновидение, навязчиво пронизывающее сознание, от полностью забытых сновидений.

Таким образом, объясняет О. Фенихель, вытеснение может выдавать себя двояким образом: а) «пустотами», т. е. отсутствием определенных идей, чувств, отношений, которые представляли бы адекватную реакцию на действительность; б) *навязчивым характером приверженности* неким идеям, чувствам и отношениям, представляющим собой дериваты.

Первый вариант наблюдается при вторичном вытеснении, второй – при вуалированных воспоминаниях и навязчивых идеях.

О. Фенихель также отмечает, что существует множество *связей между вытеснением и проекцией*, а также *вытеснением и интроекцией*. Иногда вытесненные идеи бессознательно переживаются как объекты, которые отдалены от Эго (Я), что сближает вытеснение и проекцию. Порой эти идеи переживаются, словно они заглочены, и сходство с интроекцией основывается на том, что заглоченный объект перестает быть видимым, но воздействует изнутри. Сновидения пациентов в процессе психоанализа часто показывают, что вытесненный материал на бессознательном уровне рассматривается как заглоченная пища или даже фекалии и рвотные массы.

Поскольку вытесненное продолжает существовать на бессознательном уровне и формирует дериваты, *вытеснение никогда не происходит раз и навсегда*, говорит О. Фенихель, на его поддержание требуется непрерывный расход энергии, так как вытесненное постоянно стремится к разрядке. Затраты энергии можно наблюдать в клинических феноменах: например, в общем истощении невротика, расходующего энергию на вытеснение и поэтому испытывающего ее недостаток при реализации других целей. Этим объясняются некоторые виды невротической усталости. Типичное невротическое чувство неполноценности соответствует энергетическому истощению. У невротиков формируются установки на избегание ситуаций, в которых возможна мобилизация вытесненного материала (фобии). Возникают даже установки, противоречащие изначально побуждениям, гарантирующие, что вытесненное остается вытесненным.

Параграф о вытеснении О. Фенихель завершает рассуждениями об основополагающей статье Фрейда о вытеснении. Он подчеркивает, что в описании вытеснения Фрейд впервые провел различие между судьбами вытесненной идеи и величиной эмоционального катексиса этой идеи. Идея, т. е. содержательный компонент, забывается; эмоциональный же катексис может прорваться посредством смещения на другую идею. Несомненно, что иногда смещение катексиса к менее запретному деривату, находящему разрядку или доступ в сознание, облегчает вытеснение первичной идеи, как в случае вуалированных воспоминаний. Тем не менее невозможно полностью разделить концепции «идеи» и «катексиса идеи». Если бы *весь* катексис сместился, исходная идея не оказывала бы больше давления, стремясь к подвижности, и борьба с защитой стала бы излишней. Тогда процесс скорее можно было бы назвать сублимацией, а не вытеснением. Фактически типичные дериваты содержат только *часть* вытесненного катексиса. Вытеснению подлежат не просто идеи, а побуждения, т. е. катектированные идеи предстоящих действий, устремления к действиям (конечно, не только желания Ид (Оно), но также их позднейшие разработки и установки Эго (Я)). Смещение эмоционального катексиса к деривату уже представляет собой неудачу вытесняющих сил, не способных добиться подавления любой экспансии вытесненного побуждения. Но все же благодаря этой «неудаче» облегчается удержание первичной идеи на бессознательном уровне.

Выводы

1. Вытеснение – в психоанализе защитный механизм, посредством которого неприемлемые мысли, чувства или желания изгоняются из сознания. Классическая формулировка З. Фрейда: «Сущность вытеснения заключается в отстранении и удержании вне сознания».

2. «Теория вытеснения является краеугольным камнем психоанализа и его важнейшей частью» (З. Фрейд). Таким образом, понимание теории вытеснения является необходимым условием освоения психоаналитических знаний и навыков.

3. Противонагрузка – в психоанализе процесс, при котором идеям (мыслям), подвергшимся вытеснению и постоянно стремящимся вернуться в сознание, мешает сделать это равная сила, действующая в противоположном направлении.

4. Вытеснение может считаться универсальным психическим процессом, так как оно лежит в основе становления бессознательного как отдельной области психики.

5. Вытеснение универсально присутствует во всех видах расстройств и не является только защитным механизмом, присущим лишь истерии; оно возникает потому, что каждый невроз предполагает свое отдельное бессознательное, основанием которого выступает именно вытеснение. Иначе говоря, вытеснение возникает как один из моментов защиты при каждом расстройстве.

6. По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве «отдельной группы психических явлений» подчиняются своим собственным законам (первичный процесс).

7. Вытеснение изначально характеризуется как динамическая операция, предполагающая сохранение противонагрузки: оно навсегда остается беззащитным перед силой бессознательного желания, стремящегося вернуться в сознание и вновь обрести подвижность.

8. В своей статье «Вытеснение» Фрейд разграничивает вытеснение в широком смысле (включающем три этапа) и вытеснение в узком смысле (только второй этап).

9. Первый этап – это «первовытеснение» (с помощью которого предотвращается проявление того или иного инстинктивного импульса): оно относится не к влечению как таковому, но лишь к представляющим его знакам, «репрезентантам», которые недоступны сознанию и служат опорами влечению. Так создается первое бессознательное ядро как полюс притяжения элементов, подлежащих вытеснению.

10. Вытеснение в собственном смысле слова, или, иначе говоря, «вытеснение в последствии», – это двусторонний процесс, в котором тяготение связано с отталкиванием, осуществляемым вышестоящей инстанцией (Сверх-Я).

11. Третья стадия – это «возврат вытесненного» в форме симптомов, сновидений, ошибочных действий и т. д.

12. Вытеснение направлено не на влечение и не на аффект. Вытеснению подвергаются только представления как репрезентанты влечения (идеи, образы и т. д.).

13. Бессознательные содержания неустранимы. Вытесненные элементы постоянно пытаются вновь проникнуть в сознание – окольными путями, посредством трудно узнаваемых вторичных образований.

14. Термином «возвращение вытесненного» характеризуется непроизвольное проникновение в сознание неприемлемых влечений и импульсов или дериватов (производных первичных импульсов). Наиболее типичными проявлениями возвращения вытесненного являются ошибки, оговорки, а также симптомы психических расстройств.

15. Уже в самых ранних психоаналитических текстах Фрейда находим важную мысль о том, что это возвращение происходит посредством «образования компромиссов между вытесненными и вытесняющими представлениями».

16. Компромиссное образование – это форма, которую принимает вытесненное, чтобы получить доступ – через симптом, сновидение, другие проявления бессознательного – в сознание; при этом механизмы защиты искажают вытесненные представления до неузнаваемости.

17. Помочь пациенту осознанно вспомнить о прошлых переживаниях (о том, что было вытеснено), сделать их действительно забытыми, действительно прошлыми – одна из главных задач психоаналитической терапии.

18. Итак, согласно теории вытеснения З. Фрейда: а) вытесненное остается дееспособным; б) можно ожидать возвращения вытесненного, особенно в том случае, если к вытесненному впечатлению присоединяются эротические чувства человека; в) за первым актом вытеснения следует длительный процесс, когда борьба против влечения находит свое продолжение в борьбе с симптомом; при терапевтическом вмешательстве появляется сопротивление, действующее в защиту вытеснения.

В качестве заключения можно сказать, что благодаря изучению данной работы мы знакомимся с важнейшими понятиями психоанализа и развиваем свою способность проводить четкие различия между сложными явлениями психической жизни, улучшая свои навыки психоанализа себя самих и других людей (если они к нам обратятся).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж., Бекаш А. и др. Патопсихология. Психоаналитический подход. Теория и клиника / Под редакцией Ж. Бержере. Пер. с фр. и научное редактирование А. Ш. Тхостова. М.: Аспект Пресс, 2008.
2. Зелинская Е. С. Ненависть в диаде «мать – дочь» // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023. Том IV. № 3. С. 75–95.
3. Кинодо Ж.-М. Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2012.
4. Лапланиш, Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2015.

5. *Лейбин В. М.* Психоанализ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019.
6. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер.с англ. В. Снигура. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
7. Психоанализ. Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. проф. М. М. Решетникова. М.: Юрайт, 2016.
8. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2023.
9. *Фрейд А.* Я и механизмы защиты. СПб.: Питер, 2022.
10. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Азбука, 2013.
11. *Фрейд З.* Бред и сны в «Градиве» Йенсена. М.: ЕЁ Медиа, 2012.
12. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ (1916–1917) / Пер. с нем. А. М. Боковинова. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
13. *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 т. Т. 1: Исследование истерии. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2005.
14. *Фрейд З.* Дальнейшие замечания о психоневрозах защиты // З. Фрейд. Невропсихозы защиты. Критически-историческое исследовательское издание. Изд-во ERGO. <http://ergolibrum.ru/978-5-98904-287-6> (дата обращения 01.01.2024)
15. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // З. Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. (Серия «Страницы мировой философии».)
16. *Фрейд З.* Некоторые замечания относительно понятия бессознательно-го в психоанализе. // Проект «Весь Фрейд». <https://freudproject.ru/?p=1127> (дата обращения 01.01.2024)
17. *Фрейд З.* Я и Оно / Пер. с нем. А.М. Боковинова // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 291–352.
18. *Фрейд З.* Торможение, симптом и страх // Проект «Весь Фрейд». <https://freudproject.ru/?p=12139> (дата обращения 01.01.2024)
19. *Фрейд З.* Конечный и бесконечный анализ // Проект «Весь Фрейд». <https://freudproject.ru/?p=491> (дата обращения 01.01.2024)
20. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Новый цикл лекций по введению в психоанализ // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 т. Т. 20–21. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2021.
21. *Фрейд З.* Вытеснение / Пер. с нем. А. М. Боковинова // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 111–127.
22. *Фролова М. М.* От ложного Я к ложному Мы // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023. Т. IV. № 3. С. 125–152.
23. *Фусу Л. И.* От психосоматической медицины к психоаналитической психосоматике // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023. Т. IV. № 3. С. 64–74.
24. *Colman A M.* (2015). A dictionary of psychology (4th ed.). Oxford: Oxford University Press.

The Meaning and Significance of Sigmund Freud's Repression Concept

M. M. Philippova

Philippova Margarita M., PhD, psychologist (The Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistiye Prudy, Moscow), psychoanalytically oriented counselor. Associate Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

The present article is a review of the opinions of Sigmund Freud and his followers concerning the repression concept. It is aimed at giving the fullest possible idea of this concept as it is expounded by Sigmund Freud and his followers, as well as discussing its distinctive terminological and conceptual features. Sigmund Freud's essential article on repression which laid the foundations of the concept of the unconscious and other relevant concepts is discussed. Views of repression are discussed held by such authors as J. Laplanche, J.-B. Pontalis, M.M. Reshetnikov and the collective of his co-authors, V.M. Lebin, J.-M. Quinodoz, O. Fenichel, J. Bergeret and his collaborators in the textbook "Psychologie pathologique théorique et clinique".

Keywords: repression theory, primary and secondary repression, countertransference, the unconscious, the fate of an affect, return of the repressed.

Парадоксальная пара: восприятие – репрезентация

П. О. Грабовый

Грабовый Павел Олегович – психоаналитически ориентированный психотерапевт, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, преподаватель в Институте психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Любой парадокс возникает при обязательном и неизменном условии – наличии двух взаимосвязанных компонентов, с противоположными и/или взаимоисключающими свойствами, при этом компоненты находятся в напряженной связи друг с другом.

Парадоксы, с одной стороны, вносят конфликт в пси-аппарат, а с другой – заставляют психику искать выход, который принесет удовлетворение, разрядку и утешение всем инстанциям.

Ключевые слова: восприятие, репрезентация, знание, тестирование реальности, вера, самость, третий, защита.

В психоанализе, как и в обыденной жизни, мы довольно часто встречаемся с парадоксами. Одним из таких парадоксов, загадок, дилемм является пара восприятие – репрезентация.

В «Работе негатива» А. Грин указывает на различные свойства восприятия и репрезентации. Он пишет: «Восприятие никогда не расщепляется, в отличие от репрезентаций. Восприятие можно скрыть (негативная галлюцинация, проекция, отрицание, деперсонализация и др.), но не разделить на части. Восприятие линейно.

Репрезентации же в свою очередь подвержены расщеплению на части, а затем и любым видам операций по соединению и повторному присоединению (смещение, сгущение, обращение в противоположное, символизация и др.)» (Грин, 2020).

Дилемма и парадоксальная ситуация состоят в том, что репрезентации внутренней реальности рождаются из восприятия внешней реальности и, по идее, неразрывно связаны, они должны иметь общие свойства и иметь идентичность у разных наблюдателей/субъектов, но по факту имеют абсолютно разные свойства и не идентичны.

Наблюдая за одним и тем же явлением, два субъекта будут видеть помимо общих компонентов и нечто различающееся.

И тогда встанет вопрос о том, существует ли вообще объективная реальность или реальность есть лишь феномен субъективный.

Я, являясь корковым слоем Оно и изначально защищающим Оно от постоянного агрессивного внешнего воздействия, получило способность к восприятию. Я также образовало собственный «корковый слой» в виде собственных защит. Вследствие этого Я получило не только способность к восприятию, но и способность к тестированию реальности.

Тестирование реальности происходит у каждого индивидуума по-разному, в силу различий в формировании системы противовозбуждения, защищающей Я снаружи, от слишком сильных раздражений внешнего мира; и функционирования предсознательного, защищающего от избыточных импульсов влечений из Оно (Бержере, 2004).

Вышеизложенные свойства пары восприятие – репрезентации отсылают нас к парадоксальной паре знание – вера.

Восприятие линейно и не способно к расщеплению. Восприятие реальности устремлено к «знанию» и не способно верить. Оно либо «знает»/воспринимает, либо старается скрыть знание/восприятие.

Восприятие тестирует, проверяет на прочность реальность и надежность аналитика или первичных объектов. Восприятие «хочет знать».

Репрезентации способны и, более того, стремятся «верить» благодаря смещению, сгущению и другим преобразованиям. Репрезентации стремятся найти во внешней реальности то похожее, что уже есть в них самих. Невротики благодаря репрезентациям, связанным с принципом удовольствия, стремятся найти во внешнем мире удовольствие.

Не-невротические пациенты стремятся «избегать неудовольствия», а это не то же самое, что и «получать удовольствие».

Для них избегание неудовольствия является паттерном, который постоянно повторяется, из-за обилия репрезентаций в предсознательном, связанных с неудовольствием.

Поэтому и возникает парадокс восприятия – репрезентации.

Два субъекта будут воспринимать одно и то же по-разному в силу разного функционирования.

А. Грин, рассуждая об этом феномене, приводит в пример Ж. Лакана и Д. Винникотта: «Лакан обнаружил неожиданное решение этой дилеммы, заимствованное у лингвистики в формах воображаемого, в формулах вогнуто-выпуклых зеркал. Эти образы отражений перевернутой вазы не оставили значимого следа в психоанализе, за одним исключением – Д. В. Винникотт, вдохновившись статьей Лакана "Стадия зеркала", предложил роль зеркала лицу матери... Дилемма восприятие – репрезентация

таким образом была элегантно преодолена идеей, что ребенок видит во взгляде матери себя самого» (Грин, 2020, с. 341).

Психоанализ, как мы знаем, является одновременно методом исследования бессознательного и терапевтическим методом лечения. И это также является парадоксом, в пространстве сеанса и в пространстве супервизии.

Пара знание – вера отсылает нас к парадоксу в паре восприятие – презентация: тот, кто «верит» во что-то, часто говорит так, как тот, кто «знает».

И здесь открывается возможность для превращения субъекта в слепого последователя, не способного отличить веру от знания. В этом случае даже способность к тестированию реальности может потерпеть неудачу, как в случае с индуцированным бредом. Это говорит о способности психики к «заражению».

Исследовательская часть аналитика (связанная с восприятием и желанием «знать») мешает бессознательным движениям (связанным с репрезентациями предсознательного о терапевтическом процессе) свободно плавающего слушания, мешает последовать за пациентом и мешает «верить» материалу психической реальности пациента.

Именно этот парадокс между желанием «верить всему, что говорит пациент» и стремлением к «знанию теории» объясняет факт того, что наибольшие открытия в психоанализе совершаются в случаях, не достигших удовлетворительных терапевтических результатов, в случаях провала терапии.

Фрейд говорит о том, что «неясность суждений вызвана сопротивлением». Отсюда мы можем с легкостью сделать вывод: чем меньше сопротивлений, тем более ясно мыслит субъект. А также мы понимаем, что сопротивление является отсылкой к защите пси-аппарата от немыслимого.

«Неясность суждений» возникает неизменно при возникновении любого парадокса, а значит, парадокс является частью сопротивлений и защит пси-аппарата.

Любой парадокс возникает при неизменном условии – наличии двух взаимосвязанных компонентов с противоположными и/или взаимоисключающими свойствами, при этом компоненты находятся в напряженной связи друг с другом.

Парадоксы, с одной стороны, вносят конфликт в пси-аппарат, а с другой – заставляют психику искать выход, который принесет удовлетворение, разрядку и утешение всем инстанциям.

Одним из лучших примеров удовлетворения всех инстанций пси-аппарата являются инфантильные сновидения.

Фрейд в «По ту сторону принципа удовольствия» говорит о воссоединении мифической самости в момент копуляции мужского и женского, о соединении в более крупное единство – названное влечением к жизни, – и одновременно являющееся возвращением в первоначальное состояние – влечение к смерти (Фрейд, 2006). И это также является парадоксальным, так как влечение к жизни и влечение к смерти в этот момент становятся практически неразделимы и неузнаваемы.

Парадоксальной кажется концепция «мифологии влечений» и их связывания, но лишь на первый взгляд.

С одной стороны, влечение к жизни (либидо), стремящееся к соединению во все большие единства, при недостатке ограничения «начинает вести себя нарциссически, подобно раковым клеткам», становится всепоглощающим, проявляя уже существующую дезорганизацию, и в конечном счете это может привести к гибели всего организма (сообщества, семьи, государства и т. д.).

С другой стороны, влечение к смерти, производящее свое действие в тишине, незримо, стремящееся к возвращению всего живого к первоначальному неорганическому состоянию, при должной организации парадоксально стоит на страже жизни, уничтожая вредные образования и связи (примером являются апоптоз, иммунитет и др.), поддерживая экономический баланс в соме и психике.

Фрейдовское учение о влечениях жизни и смерти является «нашей мифологией», и за это психоанализ критикуется и обвиняется в ненаучности.

Однако я хочу указать сегодня на то, что любая фундаментальная наука, коей является и психоанализ, имеет свою мифологию и «ненаучность».

Это связано с парадоксом в паре восприятие – репрезентации. Чем быстрее наука углубляется в свой предмет, тем быстрее она доходит до ограничения восприятия, до ограничения собственного знания.

Человеческое познание с помощью восприятия имеет ограничения, в отличие от репрезентаций. Именно поэтому человек способен не только наблюдать, но и строить теории и выдвигать гипотезы. Благодаря первичным механизмам смещения и сгущения мы обретаем способность анализировать.

Любая наука, упираясь в собственный фундамент, на вопрос «почему это так?» дает очень простой ответ: мы не знаем, почему это так, но мы наблюдаем, что это так. Фрейд, отвечая на вопрос «почему именно сексуальная энергия либидо, является главной движущей силой в душевной жизни?», отвечает точно так же. Все эти вопросы лежат в плоскости генезиса и являются фундаментальными.

В психоаналитическом смысле вопрос «а почему?» отсылает нас к фаллической стадии, четырех-пятигодовалому возрасту, когда ребенок своими «почемучками» проверяет терпение всех, до кого может дотянуться.

Достижение «знания» во взрослом возрасте является фаллосом познания.

Так, для физики фундаментом и пределом знания, их «мифологией», является теория большого взрыва; для биологии это вопрос происхождения клетки, с ее сложнейшей организацией, предполагающей инвестицию извне.

Психоанализ упирается в биологический фундамент происхождения полов.

Если бы кто-то нашел ответ на эти сложные вопросы, то его ответ стал бы новым фундаментальным знанием.

Свойство фундаментального знания в том, что на вопрос «почему это так?» мы не находим ответ. Фундамент познания не предполагает ответ.

Доходя до границы восприятия, мы сталкиваемся с единственным решением этой проблемы – принятием собственного ограничения познания и отказом от всемогущества.

Решение любого парадокса и возвращение к «ясности суждений» возможно лишь при появлении третьего:

- Для восприятия ребенком самого себя третьим станет взгляд матери.
- Для парадоксальных отношений единой системы «мать – дитя» третьим становится отец (Винникотт, 2004).
- Для аналитика, с его стремлением к исследованию и «знанию», мешающему процессу терапии, этим третьим является личный анализ, кадр и супервизор.
- Для влечений жизни и смерти третьим становится объект.
- В аналитической ситуации разрешением парадоксального восприятия аналитика и пациента будет появление третьего – кадра.

Кадр в данном случае более чем оправдан.

Фрейд в «По ту сторону принципа удовольствия», заканчивая объяснение о происхождении полов, пишет следующее:

«...Меня могли бы спросить, убежден ли я сам и в какой мере в развитых здесь предположениях. Ответ гласил бы, что я не только не убежден в них, но и никого не стараюсь склонить к вере в них. Правильнее сказать: я не знаю, насколько я в них верю. Мне кажется, что аффективный момент убеждения вовсе не должен приниматься здесь во внимание. Ведь можно отдаться ходу мыслей, следить за ним, куда он ведет, исключительно из научной любознательности или, если угодно, как "advocatus diaboli", который из-за этого сам все же не продается черту...» (Фрейд, 2006).

Итак, Фрейд исключает из дискурса себя как носителя знания и веры. Негативируя собственную персону, он предоставляет место субъекту-читателю, освобождая для него первый психический путь.

Таким образом, освобождение пространства для мышления пациента – молчаливое слушание – так же может стать третьим элементом, разрешающим парадокс двоих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Патопсихология. М.: Аспект пресс, 2004.
2. Винникотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. М.: Литур, 2004.
3. Грин А. Работа негатива. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006 (Учебное издание, Т. 3).

The paradoxical pair is perception – representation

P. O. Grabovyy

Grabovyy Pavel O., a psychoanalytically oriented psychotherapist, an associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, a lecturer at the Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy.

Any paradox arises under the obligatory and unchangeable condition - the presence of two interrelated components with opposite and/ or mutually exclusive properties, while the components are in close connection with each other.

Paradoxes, on the one hand, bring conflict into the psi apparatus, and on the other, force the psyche to look for a way out that will bring satisfaction, relaxation and solace to all instances.

Keywords: perception, representation, knowledge, reality check, faith, self, third, protection.

ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Феномен «второй кожи»

М. Р. Стефановска

Стефановска Маргарита Радовановна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Термин «вторая кожа» и его концепция, сформулированные Эстер Бик, с 1968 года существуют в психоаналитической теории. В психоаналитическом пространстве введенный Д. Анзье термин «Я-кожа» является более употребимым. Название «вторая кожа» требует дополнительных пояснений – как смысла термина, так и концепций, связанных с ним.

Исследование происхождения термина «вторая кожа», а также рассмотрение развития трактовки термина «кожа» в психоаналитическом пространстве могут способствовать лучшему пониманию самой концепции «второй кожи». В той же степени важно прояснить расхождения авторов в терминологии, во взглядах на «кожу» в психоанализе. Является ли «вторая кожа» эквивалентом или частью «Я-кожи» или отдельным термином, продолжением исследования кожи в психоаналитическом поле?

Кожа – слой защиты от возбуждения, контейнер, оболочка, конверт. Продолжая цепочку определений кожи, можем ли мы добавить: кожа как «психическая сцена» и кожа как «холст»? Какая роль отведена татуировкам и пирсингу в психоаналитической работе с пациентами и как это связано с эволюцией концепции «вторая кожа»?

Частое нанесение татуировок на кожу, прокалывание кожи (пирсинг) наблюдаются у депрессивных, меланхолических субъектов, особенно у пациентов подросткового возраста, важность и сложность работы с которыми озвучивается во время психоаналитических конференций.

Ключевые слова: кожа, «Я-кожа», «вторая кожа», контейнер, оболочка, конверт, татуировка, пирсинг, прокалывание, граница, интроекция, фантазм, влечение, инкорпорация, депрессивные, меланхолический, субъект, объект, агрессия, тело, травма, пространство, антропология, философия, телесное Я, психическое Я, Сверх-Я, проекция, след кожи, поверхность тела, теория, термин, концепция, боль, удовольствие, отверстие, сома, слой, контур, нарциссизм, идентичность, инаковость, регрессия, либидо, метафорическое, ментальное, перцепция, перфорация, атака, кадр, самость, самоповреждение, символизация, проторепрезентация, аналитический процесс, феномен, радикализация, эксгибиционизм.

На пересечении антропологии, философии и психоанализа подчеркивается, что через тело субъекты могут сделать свои истории видимыми и даже попытаться сконфигурировать воображаемую идентичность. Некоторые из этих телесных надписей могут быть приглушены в результате травмы, не зафиксированной в символическом поле.

Татуировки – знаки тела, которые представляют собой формы стилистической демаркации и указывают на этику диссидентства. В этой перспективе тело приобретает статус социального оператора, а знаки представляют собой модальности отношений с обществом. Но необходимо подчеркнуть, что, несмотря на признание существования этих практик в различные моменты истории и в нескольких культурах, теоретики выявляют характерную для современного мира связь пирсинга и татуировки с украшением или с искусством, то есть татуировка является произведением искусства (*Pires, 2003*).

Тело начинает занимать привилегированное пространство проявления психических конфликтов и средства коммуникации. Поэтому стоит задуматься, почему оно стало объектом изучения различных областей знания, таких как психология, психоанализ, история и антропология; ведь картезианская философская традиция отводила телу второстепенное место (*Courtine, 2008*). Тело было теоретически изобретено в XX веке, и Фрейд будет главным ответственным за его новое восприятие. Фрейдистская теория предлагает мыслить шире, чем плотские отношения; тело – это не только биологический организм. Его пересекает язык, а это, в свою очередь, заставляет тело существовать вне чисто плотских ощущений.

«Я – это прежде всего телесное Я; это не просто поверхностная сущность, но и сама по себе проекция поверхности». В английском переводе 1927 года за этим предложением следует сноска, которая, по словам Джеймса Стрейчи, была разрешена Фрейдом: «Я в конечном итоге происходит от телесных ощущений, в основном от тех, которые исходят с поверхности тела. Таким образом, его можно рассматривать как психическую проекцию поверхности тела, кроме того, представляющую Сверх-Я психического аппарата» (*Werbart, 2019*).

Фрейд построил всю свою теоретическую конструкцию, пытаясь прояснить страдание тела. Тесная связь существует между конституцией Я и тела. Самость – это прежде всего телесная самость, и боль играет важную роль в формировании этой эгоистической идентичности, в процессе демаркации самости, поскольку болезненные заболевания, возможно, являются моделью того, как мы вообще приходим к представлению о своем теле. Эти знаки на теле определяют объективные и субъективные границы, поскольку помимо демаркации конкретных границ тела они позволяют принадлежать к группам, основанным на знаках тела. Можно разделить на группы татуированных людей, где есть группа протестующих и группа эстетического поклонения красоте. Однако, сохраняя различия между группами, нельзя отрицать, что татуировки приглашают к перспективе ощущений и восприятий (*De Oliveira Moreira et al., 2010*).

Фрейд связывает самость с телом, показывая, что именно на поверхности, то есть на коже, зарождаются внутренние и внешние ощущения.

Следы на теле позволяют получить сенсорный опыт, который в акте их создания объединяет боль и удовольствие и создает границы «Я-кожи». Но помимо этого удовольствия он (опыт) может быть проявлением эксгибиционизма, в частности. Телесные практики могут быть связаны с влечением к смерти, то есть это реальные следы того, что выходит за пределы поля репрезентации. Таким образом, знаки могут быть попытками изобразить неупоминаемые и немислимые муки субъекта или даже отрицать эти первобытные муки, потому что татуированное тело может перестать быть телом и стать холстом, книгой.

Психические колебания производят воздействие на тело и психику, которые, в свою очередь, подвергаются влиянию со стороны социальной среды. С другой стороны, восприятие тела связано с понятиями времени и пространства, поскольку тело занимает место в пространстве и времени, которое является историческим и индивидуальным. Индивидуальное время тела относится к ритму. Таким образом, ускорение ритма будет оказывать воздействие на организм.

Современность оперирует разрывом с традицией, оставляя лишь пустоту настоящего. Не имея корней, субъект остается со своим телом как с неоспоримой реальностью.

Переход от счастья к безграничному удовольствию приносит с собой страдание, которое в теории Лакана называется *jouissance*. Лакан говорит о *jouissance* как об удовлетворении влечения, всегда связанного с телом. Это делает тело привилегированной формой субъективного существования (Costa, 2003).

В опыте, вызванном вмешательствами, изменяющими тело, субъекты стремятся утвердить свои границы, а также испытать различные возможности ощущений и образов, как, например, создание новых отверстий, контуров и рисование новых зон эротической чувствительности. Трансформации, которые человек производит в теле, представляют не только нарциссические, гедонистические и потребительские черты современных обществ, но, прежде всего, способы субъективной конституции.

Кожа является свидетельством присутствия человека в мире. Кожа может быть звуковой, сонорной, визуальной, сновиденческой оболочкой. Кожа задает отношение с другим и раскрывает личные смыслы, даже те, которые должны были бы остаться скрытым. *След кожи превращается в признак идентичности*, который часто используется для обозначения тел, которые остались анонимными в уголовных делах или на полях сражений, где татуировки или другие особенности кожи являются единственным возможным *удостоверением личности*.

Кожа включает в себя существенный смысл существования – прикосновение. Потерять способность к прикосновению – значит быть лишенным какой-либо точки соприкосновения, парализованным и оставленным другим.

Кожа – это обширная география, питающая различные чувства, она охватывает их на своем холсте, открывая человеку измерения реальности. Кожа также является основным местом эротического контакта, или местом, где можно снять напряженность, усилить возбуждение.

Преобразования поверхности кожи вызывают либидинальную интенсивность, то есть становятся желанными для себя или местом внимания другого.

Кожа является примером создания новой идентичности, поддержания психики. Кожа – это место соприкосновения между культурой и природой, между собой и другим, между внутренним и внешним. Само тело и прежде всего его поверхность являются привилегированным местом для ощущений, устанавливая тем самым сенсорно-перцептивную границу, очерчивающую единство.

Создание поверхностной идентичности через телесные практики – символический инструмент самовосстановления от тревог, травм, утрат. Так кожа больше не является границей, она расширяется символической силой татуировки. Это также связывает индивидуума с социальной группой или обществом. «Вторая кожа» имеет восстановительную или саморасширяющуюся цель, она укрепляет телесное Я, приближая его к психическому Я, прорабатывая детские травмы. Кожа является переходным объектом, это физическая и психическая граница между внутренним и внешним миром, которая всегда раскрывает то, что между психическим Я и телесным Я. Экран, куда человек проецирует мечты, страдания, – это вопрос контейнирующей функции кожи.

Для молодых людей тело – это место самовосстановления, создания нового образа, идентификации с другим. Следы тела – это способ подписать кожу, показать, что она принадлежит себе, в частности при сепарации от родителей. Но для других это место заключения, которое молодой человек иногда хочет разорвать на части. В отличие от подписи речь идет о стирании – самоповреждениях. Тело, которое не было инвестировано любовью в процессе признания или которое было повреждено сексуальным насилием или инцестом, приводит к желанию избавиться от него. Такая кожа – загрязненная идентичность. Отсюда важность *самоповреждения после полученной агрессии, где травмирование тела – это символический способ избавиться от кожи, которая вызывает отвращение.*

Надписи на теле указывают на нехватку символического, и, таким образом, возникает необходимость регистрировать события в реальности, тем самым обходясь без слов. Телесные модификации представляют собой радикализацию реального: когда символический порядок больше не производит социальный порядок, символическое сводится к реальному, оно инкорпорируется, воплощается. Следы на теле свидетельствуют о провале символического и создании фикции свободы. «Не имея возможности изменить мир, мы пытаемся изменить тело, единственное пространство, оставшееся для утопии, для созидания. Телесные утопии сменяют социальные утопии. Хотя кожа претендует на то, чтобы быть проектом в изоляции, она остается прочно укорененной в политике жизни, которая стремится к пространству сингулярности и индивидуальной свободы» (*De Oliveira Moreira et al.*, 2010).

Фундаментальный тезис Анзье заключается в том, что психика построена на *соме* во взаимодействии с окружающей средой. *Весь организм, но особенно его поверхность, включен в мышление. Кожа является самым*

большим органом организма и обеспечивает защитный барьер для окружающей среды. Кожа также является крупнейшим органом чувств, который составляет значительную часть нашего контакта с миром и имеет большое значение в наших социальных и сексуальных отношениях. Кожа получает и сохраняет сенсорные впечатления, но она также является защитным слоем от возбуждения внешнего мира. В повседневном языке мы используем различные метафорические выражения, которые указывают на психологическое значение кожи: быть толстокожим, лезть под кожу (раздражать) и др.

Описание Фрейдом барьеров между сознательным, предсознательным и бессознательным должно быть дополнено пространственными структурами «Я-кожи» и психических оболочек. Изначальный контакт между матерью и ребенком не может быть описан просто как отношения грудного кормления, а должен учитывать контакт «кожи к коже» между двумя телами. В формулировке Анзье «Я-кожа» – *это оригинальный пергамент, сохраняющий вычеркнутые, поцарапанные, переписанные черновики «оригинального» довербального письма, сделанного из следов на коже.*

Центральная мысль концепции «Я-кожи»: психическая оболочка состоит из двух слоев, разных по структуре и функции. Внешний, более жесткий слой на периферии поворачивается во внешний мир и образует экран, который получает и фильтрует возбуждение. Внутренний слой мембраны, более тонкий и чувствительный, принимает, расшифровывает и регистрирует знаки – это поверхность связи и смысла. Это связано с описанием Фрейдом Я как имеющего два слоя, как Mystic Writing-Pad (Волшебный блокнот). Надписи – на верхнем прозрачном листе. Постоянный след того, что было написано, сохранен на нижнем листе. Аналогичным образом «Я-кожа» *асимметрична: нет защитного слоя, обращенного внутрь и действующего в качестве укрытия от возбуждения изнутри.* Основная поверхность имеет функцию регистрации означаемых следов и играет решающую роль в том, как мы справляемся с тем, что исходит изнутри. Именно здесь выгравированы следы памяти, и это основа для построения аппарата для мышления, содержащего, представляющего, символизирующего и концептуализирующего их (Анзье, 2011).

Психические травмы создают отверстия в «Я-коже», что может привести к уничтожению «Я-кожи», стирая разрыв между внутренней и внешней поверхностями. «Боль занимает все доступное пространство и уничтожает различия: лучше умереть, чем продолжать страдать» (Анзье, 2011). «Нанесение» себе физической боли через кожу, например порезав себя, может быть способом испытать себя или ограничить невыносимую боль фиксированным местом. Самоповреждения могут быть попыткой справиться с тревогой.

Слова аналитика и пациента символизируют, заменяют и воссоздают тактильный контакт. В психоанализе символическая реальность обмена более эффективна, чем его физическая реальность, и это защищено психоаналитическими границами. Психоанализ может происходить только при сохранении физического разделения между телом аналитика и

телом пациента. *Устные слова – и даже более, письменные слова – имеют силу кожи* (Анзье, 2011).

Следуя линии мышления Анзье, основной механизм изменения психоанализа заключается в реструктуризации «Я-кожи» и прежде всего в восстановлении внутренней оболочки смысла. Когда либидо слабое и преобладает соблазн к самоуничтожению, односторонняя интерпретация желаний, страхов и фантазий приводит к риску нападения на тело пациента, на способность к мышлению и на жизнь пациента (Анзье, 2011).

В процессе наблюдения за младенцами английский психоаналитик, последовательница Кляйн и Биона Эстер Бик высказала гипотезу о «второй коже» в статье, опубликованной в 1968 году.

«В своей самой примитивной форме части личности ощущаются лишенными связующей силы, и, следовательно, они должны удерживаться вместе тем способом, который воспринимается ими пассивно, посредством кожи, функционирующей как граница» (Bick, 1968). Но эта внутренняя функция – удержание частей самости – существенным образом зависит от интроекции внешнего объекта, который должен восприниматься как способный выполнять эту функцию до тех пор, пока поддерживающие элементы не будут интроецированы, иначе пространство внутри самости не сможет возникнуть. Если этот объект во внутреннем пространстве не возникает, имеет место путаница в отношении идентичности. В дальнейшем идентификация с этой функцией объекта сменяет неинтегрированное состояние и формирует фантазию о внешнем и внутреннем пространствах (Ульник, 2017). Появление психической кожи относится к периоду грудного вскармливания юного субъекта. Этот период может включать раннюю травматизацию, если контейнирующая функция не осуществлена адекватным образом матерью, если коже причинены повреждения деструктивными фантазматическими атаками младенца или нет четкой интеграции идентичности и объектов.

Младенец ищет объект, который бы объединил внимание над частями его тела и воспринимался как объект, удерживающий части самости вместе. Так как контейнирующий объект переживается младенцем именно как кожа, нарушение функции «Я-кожи» (первичной кожи) может привести младенца к образованию формации «второй кожи» – своеобразного замещающего протеза, мускульного эрзаца, заменяющего обычную зависимость от контейнирующего объекта на псевдонезависимость; либо иной формации – пре-символического толка – кожи как «холста» (татуирование), кожи как «экрана» (пирсинг). Концепция «Я-кожи» Д. Анзье, описанная им в 1974 году, соответствует концепции «первичной кожи» Э. Бик (1968), о которой он узнал уже после публикации своей статьи.

Эстер Бик проводит различие между двумя формами «второй кожи» в своей клинической практике: в состоянии «мешка с яблоками» пациент обидчив, нуждается в постоянном внимании и похвале, в то время как в состоянии «бегемот» пациент агрессивен, тираничен и неустанно следует своему собственному пути.

Бик выдвигает идею нового типа нарциссической идентификации и, следовательно, объектных отношений, что предполагает радикально

иной подход к тому, что прежде объяснялось с позиций теории проективной идентификации. Основная идея Бик состоит в следующем: помимо телесности объекта есть тип *подлинно нарциссической идентификации*, при котором происходит почти что *полное совмещение субъекта и объекта*, а вместо представления о «вхождении внутрь» присутствует идея «установления контакта с». Этот процесс является весьма архаичным, и в нем всегда может быть обнаружена *связь с объектом психической реальности, который эквивалентен коже*. Изначально Я воспринимает себя как некую совокупность частей, нуждающихся в объекте, который бы вмещал и объединял их, и этим *объектом психической реальности является кожа*. Инкорпорация этого объекта-кожи должна произойти на более ранней стадии, так как без него невозможна проективная идентификация: *если в Я отсутствует пространство, то проективная идентификация не может функционировать по определению*. Контейнирующий аспект аналитической ситуации прежде всего принадлежит сеттингу, и именно поэтому критически важно строго следовать клиническим рекомендациям в этой области (Bick, 1968).

В этой работе подчеркивается важность психоаналитического кадра и его устойчивости в процессе развития, чем и является аналитическое лечение, при этом учитывается, что анализ представляет собой отношения и эти отношения не продолжаются непрерывно, но прерываются с определенной периодичностью.

При нарушенном контейнировании прежде всего может произойти провал функции символизации, и в таком случае искомая символическая работа может происходить впоследствии благодаря перенесению ее из психического как бы на поверхность кожи (при татуировании, как и при написании картины на холсте). В этом случае собственно «вторая кожа» формируется в процессе психоаналитической терапии, где пресимволический актинг (нанесение татуировки) обретает нужную степень психизации. Так кадр становится синонимом «второй кожи», перфорированной (в метафоре пирсинга) уже символически (возможные атаки на кадр). Психоаналитическая терапия выполняет функцию эмоционального контейнера, способного удерживать вместе различные аспекты личности. Мнемические следы, оставшиеся в психике, вначале транспонируются на кожу как «сцену» (место) для проекций, а затем, в ходе психоаналитической работы, могут быть подвержены психизации и обрести статус репрезентаций.

Аналитическое исследование феномена «второй кожи» приводит к возникновению временных состояний отсутствия интеграции. Только анализ, добывающийся полной проработки первичной зависимости от материнского объекта, может укрепить лежащую в ее основе хрупкость. Необходимо подчеркнуть, что контейнирующий аспект аналитической ситуации главным образом относится к окружающей обстановке, и поэтому это область, где устойчивость техники имеет решающее значение.

Илани Коган в 1988 году развивает концепцию Эстер Бик «вторая кожа», высказывая при этом идею о том, *что функцию контейнирования также может выполнять и аналитическая ситуация*. Обсуждается

клинический пример пациентки – дочери человека, выжившего и пострадавшего в период холокоста. Идентификация с образами отца и матери, воспринимаемыми как поврежденные «контейнеры», в итоге явилась для пациентки источником ее самодеструктивности (Сироткин, Мельникова, 2011).

Психическое пространство развивается уже в раннем детстве, находясь вместе с матерью, отцом, братьями и сестрами и т. д. Здесь многое может пойти не так. Слишком много герметичности, слишком мало собственного, слишком мало «третьего». На данном этапе развивается «первичная кожа», под которой может возникнуть психическое пространство. Если ребенку не удастся создать свое собственное внутреннее пространство в неблагоприятных отношениях, возможно, *возникает бессознательная идея о том, что он тесно связан с матерью через кожу*. Такое ощущение, что он застрял в сумке кенгуру или как будто застрял в конверте с матерью. Тогда мать похожа на «вторую кожу» для ребенка.

Восприятие внутреннего пространства через функцию контейнирования должно быть сначала разработано первичным объектом (матерью), подразумевает возможность того, что этот процесс пройдет неудачно, а затем будут разработаны *компенсационные меры, наиболее примитивные из всех форм защиты*, которые Эстер Бик описала как «вторую кожу». Мать похожа на защитный слой кожи от возбуждения (защитный щит) для ребенка: она фильтрует эмоции и защищает ребенка от наводнения. Мать регулирует границу между собой и ребенком, благодаря чему ребенок узнает свои собственные пределы. Но «защитный щит», например, может быть перфорирован, что может привести к трудностям в различении вас/я, сознательного/бессознательного, души/тела и внутри/снаружи. Или «защитный щит» может закрывать ребенка настолько, что он будет заперт с матерью. Психологически страдающие люди обычно не знают о том, что они застряли во «второй коже» с другим. Это сложно выразить словами, но часто во всех возможных ситуациях наблюдается выраженная клаустрофобия. Часто только в психоанализе такие явления могут стать видимыми, заметными и ощутимыми.

Однако термин «вторая кожа» также используется в положительном смысле, например, когда пациент чувствует что-то вроде защитного покрытия в слаженном терапевтическом альянсе с аналитиком. Так, пациент говорит: «Я чувствую, что на мне защитное пальто» (Voos, 2020).

Когда мы чувствуем себя изнутри, то мы чувствуем психологическое пространство. Здесь наши ужасы, страхи, конфликты, попытки решения проблем, чувства и желания. Иногда у нас возникает ощущение, что наше психическое пространство рушится: когда мы сталкиваемся с другим человеком и находимся в состоянии напряжения, чувствуем себя парализованными, ничего не чувствуем или должны немедленно избавиться от своих чувств.

Дети рождаются с желанием отношений, показывая свои эмоции взрослому. Взрослый человек может сопереживать и начать контейнировать чувства младенца, успокоить и удовлетворить потребности ребенка. Многие из этих процессов уже начинаются в утробе матери.

Молодая мать смотрит на своего ребенка и поглощает его чувства. Сначала она чувствует свое единение с ребенком. Затем ребенок приходит к матери со своими невыносимыми чувствами. Она общается с младенцем определенным образом, отмечая при этом свое выражение лица. Выражение лица и слова взрослого успокаивают младенца. Когда взрослые достаточно часто думают о ребенке, тогда ребенок учится думать о себе. Функция ментализации необходима для того, чтобы иметь возможность регулировать свои собственные чувства. Если взрослый занимается потребностями ребенка, то у ребенка возникает ощущение, что он заразил другого своими чувствами, граница между Я и другими размывается. Однако если взрослый не может достаточно сопереживать ребенку, то ребенок будет отброшен к себе, это делает ребенка чрезвычайно беспокойным. *Альфа-функция, сдерживание и ментализация тесно связаны. Они создают «психическое пространство».*

Если общение с матерью, отцом и другими взрослыми происходило много раз, то ребенок успокаивается лучше. Он создал *свой собственный внутренний контейнер*, в котором он может размещать чувства и проблемы. У него есть внутренняя картинка взрослых, которые когда-то успокоили его. В то время как изначально мать была «главным контейнером» для ребенка, далее добавляется все больше и больше важных людей.

Ребенок воспринимает мать/отца как кого-то, кому он или она может выразить свои чувства или с кем он может поделиться своими чувствами. Ребенок общается, и взрослые реагируют на это. Ребенок приходит к матери/отцу и плачет. Мать/отец берут его на руки и утешают. Ребенок переживает, что речь идет о его собственных чувствах. Возможно, он был настолько сердитым, обеспокоенным, голодным, что «заразил этим» мать/отца. Взрослый может помочь ему. Возможно, ребенок сталкивается с «засорившемся контейнером». Если у матери/отца слишком много забот, контейнер взрослого полон. Взрослый сейчас не имеет силы перерабатывать чувства ребенка. Если «взрослый контейнер» забит, то ребенок остается в полном одиночестве. Результатом является чувство холода, одиночества, отчаяния и безнадежности. Собственное чувство больше не может быть понято, оно больше не переработано. Это делает ребенка беспокойным. Ребенок боится и передает взрослому свои чувства, но обратно ничего не получает. Так ребенок вряд ли сформирует идентичность.

Когда младенец идентифицирует свою мать с собой, чтобы контролировать ее, он в конечном итоге чувствует, что она стала как контролирующее внутреннее присутствие, чей взгляд на реальность становится единственным взглядом. Это внутреннее присутствие является *архаичным Сверх-Я, которое узурпирует эго-функцию младенца по тестированию реальности*; новую часть Я, чей взгляд на реальность отменяет взгляд на собственное Я младенца.

Ужас, который испытывает младенец при столкновении с внешней реальностью, сводится к его вере в то, что теперь *он контролирует и обладает матерью внутри себя*; но в обмен на эту безопасность младенец приобрел ужасное внутреннее присутствие матери. Этот архаичный внутренний Бог, жизненно важный для выживания, когда Я младенца

незрело, становится угрозой независимому развитию младенца, развитию его собственного разума по мере созревания его Я. Таким образом, развитие включает в себя метаморфозу отношений с матерью: она должна постепенно уйти как источник безопасности, и растущий ребенок в своей борьбе за независимость должен столкнуться с неуверенностью, оставшись наедине с собой. Столкнувшись с опытом, разрываясь между его красотой и ужасом и достигая точки, которую мы не можем вынести, мы бессознательно отступаем к безопасности иллюзорного, но всемогущего родителя, который контролирует в остальном ужасающий мир. Этот родитель – архаичное Суперэго, которое создает наше бессознательное инфантильное Я, возлагая на разум родителя некие контролирующие функции; от его постоянства зависит само наше выживание. Чтобы спасти наши жизни, мы становимся хорошими гражданами внутреннего мира Оруэлла, с которым мы должны бороться за освобождение, если мы хотим назвать свою жизнь своей собственной (Casper, 2013).

Кожа является самым большим органом человека, связывая между собой отверстия. В современном мире, с точки зрения психоанализа, большое внимание уделяется поверхности кожи как месту разворачивания психического.

Изложенные А. Чикконе и М. Лопиталем шесть положений (Cicccone, Lhopital, 1991) о концепте психической кожи Э. Бик состоят в следующем.

– Части личности, воспринимаемые в своей самой примитивной форме, как если бы между ними не существовало никакой связующей силы, поддерживаются вместе посредством введения внешнего объекта, способного исполнить эту функцию.

– Интроекция оптимального объекта, матери, идентифицируемой данной функцией как контейнирующий объект, дает место фантазму внутреннего и внешнего пространства.

– Интроецирование контейнирующего объекта, переживаемого как кожа, который имеет функцию психической кожи.

– Интроекция внешнего контейнирующего объекта, дающего коже свою функцию фронта, предшествует запуску процессов расщепления и идеализации самости и объекта.

– При отсутствии интроекции контейнирующих функций проективная идентификация продолжается без остановки со всеми вытекающими отсюда путаницами идентификации.

– Нарушения интроекции происходят либо из-за неадекватности реального объекта, либо из-за фантазматических атак против него, что приводит к развитию формации «второй кожи» (Анзье, 2011).

Вторая мускульная кожа сверхразвилась ненормальным образом, поскольку явилась компенсировать серьезную недостаточность «Я-кожи» и ликвидировать изъяны, разрывы и дыры первичной контейнирующей кожи. Все нуждаются во второй мускульной коже как активной защите от раздражителей за счет нормально сформированного внешнего слоя «Я-кожи». Спорт и одежда часто выполняют функцию «второй кожи». Пациенты защищают себя от психоаналитической регрессии и обнажения

поврежденных частей и/или плохо интегрированных частей самости, занимаясь физической культурой до или после сеанса или оставаясь в пальто, даже укутываясь покрывалом, устроившись на диване во время сеанса.

Специфическая влеченческая загрузка мускульного аппарата и, стало быть, «второй кожи» оснащена агрессивностью (в то время как первичная тактильная «Я-кожа» загружена влечением привязанности или цеплянием или разговором с самим собой): атаковать – эффективный способ защиты; это способ опередить события, предохраниться от опасности, удерживая ее на расстоянии.

Психическая аномальность, присущая второй мускульной коже, не позволяет отличать оболочку защиты от раздражителей от оболочки поверхности записывания, отсюда нарушения в коммуникации и мышлении. Объяснение может быть следующим: если возбуждения, полученные от гипертонической матери и/или от первичного окружения, были слишком интенсивными, непоследовательными, резкими, психический аппарат, вместо того чтобы качественно фильтровать их, начинает искать возможности количественной защиты. Если экзогенные возбуждения были слишком слабыми, поскольку исходили от депрессивной матери, замкнутой на самой себе, то практически нечего фильтровать и возникает необходимость в поиске эндогенных возбуждений. В обоих случаях «вторая кожа» полезна, будь то для усиления внешней защиты или активации внутренней.

Телесные практики представляют собой формы проявления психического конфликта или его заглушения, состоят из способов субъективации. Татуировки, пирсинг – это знаки, то есть формы языка, указывающие на субъективность, задействованные в поиске идентичности и процессе самовыражения субъекта. Татуировка может наноситься просто в эстетических целях, как идентификационный признак группы или как выражение индивидуальности.

На данный момент есть несколько теорий происхождения слова «татуировка»:

– От созвучий «та-татау», «тату», «та-тат-тори» – представляют собой звукоподражание шуму «тат-тат-тат», являющемуся результатом постукивания по инструменту, с помощью которого производится татуировка.

– От явайского слова «тату» – рана или раненый.

– От полинезийского «тату» – рисунок, или «Тики» – имя полинезийского бога, который ввел татуировку как отличительный признак племени.

– От таитянского «та» – картинка, «ату» – дух. Означает «бить», «рисунок на коже».

В ранние периоды истории человечества телесные искусства были в основном в ритуальном, сакральном, магическом и социальном контексте, служа при этом маркировкой центральных этапов жизни, таких как инициация, посвящение, прощание с детством и интеграция во взрослый мир, рождение первого ребенка, смерть первого животного и др. Тесная связь между татуировкой и сексуальностью характерна для многих племенных общин.

Одного татуирования недостаточно, чтобы «вторая кожа» выросла, только в терапии начинается психизация этого процесса. Поэтому есть люди, полностью покрытые татуировками. Что происходит в момент нанесения татуировки? Можно предположить, что нерепрезентированное неудовольствие трансформируется в физическую боль, которая оставляет след на коже, который, в свою очередь, обретает статус «эмблемы», наполняется (инвестируется) либидинально, наделяется историей и смыслом.

Такое украшение, как татуировка, имеет свойство быть постоянной. Даже после удаления остается след (как «Волшебный блокнот» Фрейда). Можно ли думать о поиске возможности придать телу осознанность, даже через боль?

Памятные следы в виде проторепрезентаций остаются на теле после прокалывания во время пирсинга, так и во время прокалывания образов татуировок.

Молодые люди сегодня находят татуировки выражением поэтического или эзотерического самоопределения. Границы восстания против взрослых порядков временны, как и границы деструктивных действий, направленных на тело (Хирш, 2010).

Пирсинг и татуировки обеспечивают временную остановку в дезориентированном мире. Однако они затем становятся устаревшими и контрпродуктивными, когда они постоянно переходят к психической регуляции, потому что память наложена на кожу как мертвый знак.

Сублимация – главный процесс нарциссического либидо. Кожа – психическое пространство, на котором «вторая кожа» формируется силами сублимации. Что-то неприятное превращается художественным путем в приятное.

В аффекте большой заряд возбуждения, и он может находить свой выход в татуировке, или таким же образом происходит с влечениями, отделившимися от представления и блуждающими в поисках разрядки. Неудовольствие сначала находит место на теле, а потом трансформируется то ли в фетишистское, то ли в художественное удовольствие – аффективный аспект этого процесса.

Компромиссное образование формируется в терапии: пациенты приходят с продырявленной «Я-кожей», и благодаря контейнированию они со своей стороны художественно обретают, создают «вторую кожу» вместе с терапевтом во время терапии. «Вторая кожа» выполняет защитную функцию – как материнская кожа в младенчестве. Кадр становится синонимом второй кожи: пациент перфорирует кадр как кожу.

Основные выводы.

– Термин «вторая кожа» описывает различные формы контейнирующей функции, куда относятся замещающий протез, мускульный эрзац и аналитическая ситуация с учетом окружающей обстановки и проработки первичной зависимости от материнского объекта.

– Пациенты с исследуемой проблематикой нуждаются в постоянном внимании и похвале. Вторая кожа защищает и укрывает внутреннюю поверхность самости, идентифицированную в качестве «мешка», и контейнирует поврежденные части психики; такого рода повреждения могут

возникать как последствия архаических нарушений в период вскармливания; в этом состоянии пациент восприимчив, беспокоен, настойчиво требует внимания и похвал, опасается катастроф и крушений.

– Ключевой конфликт пациентов со «второй кожей» формируется в ранней стадии их развития, начиная с грудного вскармливания, при этом проблемы сепарации с материнским объектом и сложности эдипова конфликта остаются актуальными.

– Возникновению защитного механизма «второй кожи» способствуют два фактора: если контейнирующая функция не осуществлена адекватным образом матерью или если ей причинены повреждения деструктивными фантазматическими атаками младенца.

– Из клинического опыта работы Д. Анзье: психоаналитическая работа с идеями пространственных отношений и психических контейнеров пациентов должна предшествовать работе с чувствами, мыслями и фантазиями. Сначала мы должны восстановить и укрепить «Я-кожу», прежде чем мы сможем исследовать содержание бессознательного.

– Изучение и символизация телесных практик (татуировки, пирсинг) вносят динамику в психоаналитический процесс. Татуировка, пирсинг предлагают субъекту поверхностную идентичность, завершение работы по формированию которой происходит в терапии.

– Телесные модификации представляют собой радикализацию реального: когда символический порядок больше не производит социальный порядок, символическое сводится к реальному, оно инкорпорируется, воплощается.

– За феноменом моды на татуировки, пирсинг скрываются способы субъективации, которые отвечают социально-историческим обстоятельствам. Внезапное увлечение телом является результатом индивидуализма, выраженного через культуру нарциссизма.

– Важно исследовать работу сублимации и в процессе каждой сессии – через уточнения, повторения, интерпретации, интервенции – обращаться к объекту (объектные отношения с Другим, чтобы либидо было направлено на объект). При этом присутствует риск развязывания влечения к смерти, если либидо направлено только на творческие процессы. Признать инаковость Другого – важный аспект в работе с пациентами.

– Перерывы в работе всегда ощущаются пациентами как разрыв «Я-кожи». Терапевтическая работа с недостатками в функциях «Я-кожи» может привести к переходным состояниям дезинтеграции. Поэтому психоаналитическая работа строится на четком и фиксированном кадре. В процессе работы понадобится выдерживать постоянные «перфорирования» (атаки) на кадр.

– Ключевым аспектом психоаналитического процесса является бережная работа с переносом в процессе терапии, особенно когда пациент направляет деструктивные аспекты Я на терапевта. Выдержав этот период работы, можно надеяться на возникновение терапевтического альянса.

– С учетом сепарационной тревоги пациентов завершение терапии должно происходить постепенно и включать как минимум шесть завершающих сессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа / Под науч. ред. С. Ф. Сироткина, М. Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2011. 302 с.
2. *Сироткин С. Ф., Мельникова М. Л.* Психология и психопатология кожи. Тексты. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. 384 с.
3. *Ульник Х. К.* Кожа в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2017. 277 с.
4. *Хирш М.* «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу»: Психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. М.: Когито-Центр, 2018. 381 с.
5. *Werbart A.* (2019) The Skin is the Cradle of the Soul: Didier Anzieu on the Skin-Ego, Boundaries, and Boundlessness. *Journal of the American Psychoanalytic Association.* 18.
6. *Bick E.* (1968) The experience of the skin in early object-relations // *International Journal of Psychoanalysis.* Vol. 49. P. 484–486.
7. *Ciccone A., Lhopital M.* Naissance à la vie psychique. Paris: Dunod, 1991.
8. *Costa A.* (2003) Tatuagens e marcas corporais: atualização do sagrado. São Paulo: Casa do Psicólogo.
9. *Courtine J. J., Corrbin A., Vigarello G.* (2008) História do corpo. Petrópolis: Vozes. Vol. 3 (As mutações do olhar: século XX).
10. *De Oliveira Moreira et al.* (2010) Inscrições corporais: tatuagens, piercings e escarificações à luz da psicanálise. *Latinoam. Psicopat. Fund.,* São Paulo. Vol. 13. No 4. P. 585–598.
11. *Pires B. F.* (2003) O corpo como suporte da arte: piercing, implante, escarificação, tatuagem. São Paulo: Editora Senac.
12. *Caper R.* (2013) Building Out into the Dark Theory and Observation in Science and Psychoanalysis (z-lib.org). London.
13. *Voos von D.* (2020) "Zweite Haut" statt psychischer Raum, 08. <https://www.medizin-im-text.de/>

The phenomenon of «second skin»

M. R. Stefanovska

Stefanovska Margarita R., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

The term «second skin» and its concept, formulated by Esther Bick, have existed in psychoanalytic theory since 1968. In the psychoanalytic space the concept of D. Anzler «I-skin», whose term is more commonly used in the psychoanalytic environment, therefore, the term «second skin» requires additional explanations – both the meaning of the term and the concepts associated with it.

The study of the origin of the term «second skin», as well as consideration of the development of interpretations of the term «skin» in the psychoanalytic space, can contribute to a better understanding of the concept of «second skin». It is equally important to clarify the differences of authors in terminology, in views on «skin» in psychoanalysis. Is the «second skin» equivalent or part of the «I-Skin», or is it a separate term, a continuation of skin research in the psychoanalytic field?

Skin – excitation protection layer, container, shell, envelope. Continuing the chain of definitions of «skin», can we add: skin as «psychic stage» and skin as «canvas»? What is the role of tattoos and piercings in psychoanalytic work with patients and how is it connected with the evolution of the concept of «second skin»?

Frequent tattooing on the skin, piercing the skin (piercing) is observed in depressive, melancholic subjects, especially in adolescents. The importance and complexity of working with which is voiced during psychoanalytic conferences.

Keywords: skin, «Ego skin», «second skin», container, envelope, tattoo, piercing, piercing, border, introjection, phantasm, attraction, incorporation, depressive, melancholic, subject, object, aggression, body, trauma, space, anthropology, philosophy, the body self, the psychic self, Super – Ego, projection, skin trace, body surface, theory, concept, pain, pleasure, hole, catfish, layer, circuit, narcissism, identity, otherness, regression, libido, metaphorical, mental, perceptu, perforation, attack, frame, self-harm, symbolization, proto-representativeness, analytical process, phenomenon, radicalization, exhibitionism.

НЕЙРОПСИХОАНАЛИЗ

Нейропсихоаналитический взгляд на расстройства зависимости

А. В. Соколова

Соколова Анна Владимировна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт, сертифицированный ТФП-терапевт, член Международной ассоциации нейропсихоанализа (NPSA), член Международного общества терапии, сфокусированной на переносе (ISTFP).

В статье рассматриваются взгляды нейропсихоанализа на этиологию расстройств зависимости от психоактивных веществ. Нейропсихоанализ исследует взаимосвязь между последними достижениями в нейронауках и психоаналитическими моделями сознания. Он пересматривает взгляды психоанализа на нарушения развития и функционирования человека на основе нового понимания работы головного мозга. Воззрения нейропсихоанализа на этиологию расстройств зависимости (РЗ) вырастают из аффективной нейронауки и семи эмоциональных влечений, выявленных нейробиологом Яаком Панксеппом. В работе обсуждаются те эмоциональные влечения, которые вносят наибольший вклад в формирование зависимости. Также анализируется сходство между депрессией и зависимостью и рассматриваются результаты последних эмпирических исследований о связи детской травмы, эмоциональных влечений и структуры личности. В заключение обсуждаются концептуальная нейропсихоаналитическая модель этиологии расстройств зависимости и выводы для лечения с помощью психотерапии.

Ключевые слова: зависимость, нейропсихоанализ, аффективная нейронаука, детская травма, структура личности, привязанность, психотерапия.

Введение

Уровень потребления наркотиков во всем мире остается высоким. Согласно последнему отчету ООН, за период с 2011 по 2021 год число потребителей выросло с 240 млн в 2011 году до 296 млн в 2021 году (5,8% мирового населения в возрасте 15–64 лет) (*World Drug Report, 2023*). Эти внушительные цифры, а также продолжение роста числа употребляющих, несмотря на все усилия мирового сообщества по решению этого вопроса, свидетельствуют о том, что проблема злоупотребления психоактивными веществами требует дальнейшего исследования, а также усилий, направленных на повышение эффективности лечения.

Со времен Зигмунда Фрейда психоаналитическая теория предлагает и развивает свою перспективу на этиологию расстройств зависимости. В классической теории влечений зависимость изначально рассматривалась как симптом оральной фиксации (*Freud, 1905*) и далее концептуализировалась как защита от тревоги и меланхолии, через попытку употребляющего восстановить блаженное состояние инфантильного нарциссизма (*Rado, 1933*). Авторы эго-психологии делают акцент на слабом Эго зависимого пациента, его неспособности регулировать подавляющие, неприятные и часто недифференцированные аффекты и рассматривают зависимость как стратегию самолечения от невыносимых негативных состояний (*Wurmser, 1978*). Теоретики школы объектных отношений подчеркивают важность неинтегрированных агрессивных импульсов в этиологии зависимости и пограничную, расщепленную организацию личности зависимого пациента (*Rosenfeld, 1960*).

Еще одним современным направлением психоанализа, который предлагает свой взгляд на понимание расстройств зависимости, является нейропсихоанализ. Когда-то Фрейд выражал надежду, что в будущем, с развитием методов исследования мозга, его гипотетические идеи об организации психики человека будут заменены нейронаучными концепциями (*Freud, 1914*). Действительно, благодаря значительным прорывам в нейронауках в последние десятилетия стало возможным появление нейропсихоанализа – направления на стыке психоанализа и нейробиологии.

Нейропсихоанализ исследует взаимосвязь между последними достижениями в нейронауках и психоаналитическими моделями сознания. Он пересматривает взгляды психоанализа на нарушения развития и функционирования человека на основе нового понимания работы головного мозга. Перспективе нейропсихоанализа в изучении этиологии расстройств зависимости посвящена данная статья.

Для понимания этой перспективы мы начнем с пересмотра нейропсихоанализом теории влечений Фрейда. Далее обсудим те эмоциональные влечения, который вносят наибольший вклад в расстройство зависимости. Также проанализируем сходство между депрессией и зависимостью и рассмотрим результаты последних эмпирических исследований о связи детской травмы, эмоциональных влечений и структуры личности. Наконец, познакомимся с концептуальной нейропсихоаналитической

моделью этиологии расстройств зависимости и выводами для лечения с помощью психотерапии.

Нейропсихоанализ: пересмотр теории влечений

Одна из основополагающих концепций Фрейда, которую пересмотрел нейропсихоанализ, – это теория влечений. В целом нейропсихоанализ подтверждает теорию Фрейда, что наша психическая жизнь и функционирование во многом определяются инстинктами и влечениями (Solms, 2021).

Фрейд выделял два основных влечения, это либидо и агрессия, или эрос и танатос (влечение к жизни и влечение к смерти) (Freud, 1915). Современный нейропсихоанализ, выделяет семь эмоциональных влечений, которые были открыты нейробиологом Яком Панксеппом как семь аффективных систем в мозге, которые можно обнаружить у всех млекопитающих (Panksepp & Biven, 2012). Эти влечения, или аффективные системы, связаны с определенным типом эмоциональных потребностей и побуждают нас действовать таким образом, чтобы эти потребности удовлетворить. Кратко рассмотрим эти влечения, которые Панксепп обозначил крупными буквами, чтобы не путать их просто с эмоциями:

1. **ПОИСК**. Мы нуждаемся в том, чтобы взаимодействовать с миром, познавать его и находить в нем способы удовлетворять свои потребности. Эмоционально это влечение переживается как интерес, любопытство, возбужденное ожидание чего-то хорошего.

2. **ВОЖДЕНИЕ**. Мы нуждаемся в том, чтобы находить сексуальных партнеров и размножаться. Это влечение переживается как сексуальное возбуждение.

3. **ЯРОСТЬ**. Мы нуждаемся в том, чтобы уничтожать препятствия и фрустрирующие объекты на пути к удовлетворению наших потребностей. Связанные эмоции – это гнев, злость, ненависть.

4. **СТРАХ**. Мы нуждаемся в безопасности. Эта система мотивирует нас убежать от опасности.

5. **ПАНИКА/ГОРЕ**. Мы нуждаемся в привязанности к заботящимся фигурам, чтобы оставаться рядом с теми, кто о нас заботится. Если они от нас удаляются, это переживается как паника. Когда мы их совсем теряем, мы чувствуем горе.

6. **ЗАБОТА**. Мы нуждаемся в том, чтобы заботиться самим. В первую очередь о подрастающем поколении, а также о всех, кто в этом нуждается.

7. **ИГРА**. Мы нуждаемся в том, чтобы играть, быть включенными в социум и находить свое место в социальной иерархии. Эмоционально это переживается как радость и удовольствие от социального общения.

За каждым из этих влечений стоят определенные структуры мозга, своя нейрохимия и нейронные пути (см. табл. 1).

Таблица 1

Аффективные системы в мозге (*Westhuizen & Solms, 2015*)

Аффективные системы	Ключевые области мозга	Ключевые нейрохимические элементы
ПОИСК	Прилежащее ядро (NAcc) – вентрально-тегментальная зона (VTA), мезолимбические и мезокортикальные выходы, латеральный гипоталамус, околосредовое серое вещество (PAG)	Дофамин (+), глутамат (+), опиоиды (+), нейротензин (+), орексин (+), многие другие нейропептиды
ЯРОСТЬ	Медиальная миндалина до опорного ядра терминального тяжа (BNST), медиальная и перифорникальная области гипоталамуса, PAG	Вещество P (+), ацетилхолин (+), глутамат (+)
СТРАХ	Центральная и латеральная миндалина до медиального гипоталамуса и дорсального PAG	Глутамат (+), эндозепин (DBI), кортикотропин-рилизинг-фактор (CRF), холецистокинин (ССК), альфа MSH, нейропептид Y
ВОЖДЕЛЕНИЕ	Кортикомедиальная миндалина, BNST, преоптическая (POA) и вентромедиальная области гипоталамуса, PAG	Стероиды (+), вазопрессин, окситоцин, гонадолиберин (+), холецистокинин (-)
ЗАБОТА	Передняя поясная кора, BNST, POA, VTA, PAG	Окситоцин (+), пролактин (+), дофамин (+), опиоиды (+/-)
ПАНИКА/ГОРЕ	Передняя поясная кора, BNST, POA, дорсомедиальное ядро таламуса, PAG	Опиоиды (-), окситоцин (-), пролактин (-), CRF (+), глутамат (+)
ИГРА	Дорсомедиальные отделы промежуточного мозга, парафасциальная область, PAG	Опиоиды (+), глутамат (+), ацетилхолин (+), каннабиноиды, тиролиберин

Таким образом, в человека, как и других млекопитающих, встроены древние мотивационные аффективные системы, которые побуждают нас действовать для удовлетворения наших потребностей (*Panksepp & Biven, 2012*). Когда какая-то потребность не удовлетворяется, мы чувствуем негативный аффект определенного качества, который толкает нас к поиску того, что нам нужно. Многочисленные клинические исследования подтверждают, что дисбаланс в этих первичных аффективных системах тесно связан с психическими расстройствами, например такими, как депрессия (*Davis & Montag, 2018*). Этиологию расстройств зависимости теория нейропсихоанализа связывает главным образом с двумя влечениями – ПОИСКОМ и ПАНИКОЙ/ГОРЕМ. Рассмотрим их более подробно.

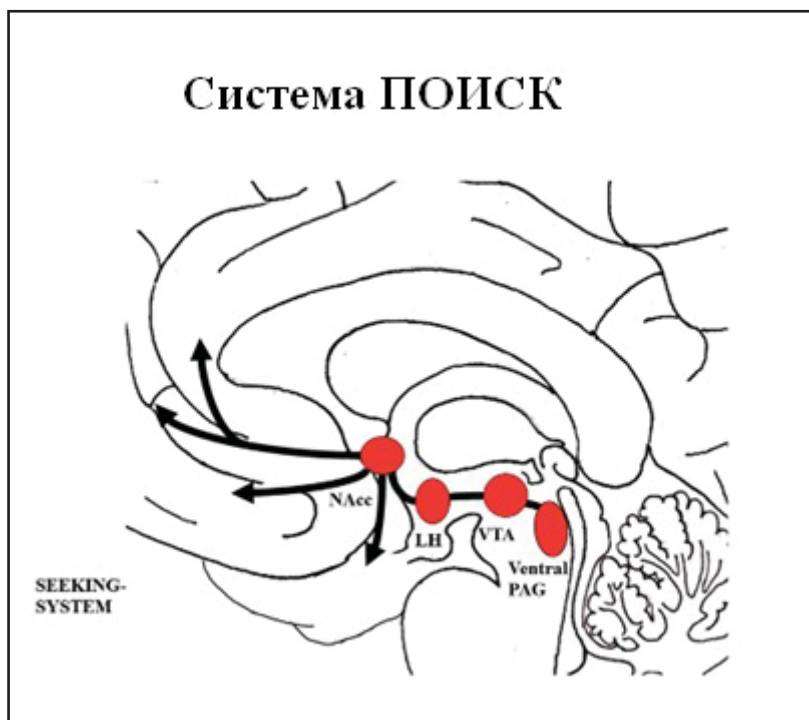

Рисунок 1. Система ПОИСК
(Fuchshuber & Unterrainer, 2020)

Система ПОИСК мотивирует нас к взаимодействию с миром для удовлетворения наших потребностей и получения приятных впечатлений. Это инстинкт кормодобывания. Панксепп концептуализировал систему ПОИСК как дофаминергический путь, который модулирует и приоритизирует как телесные потребности (голод, жажда), так и эмоциональные (рис. 1) (Johnson et al., 2022). Он назвал эту систему «дедушкой» всех эмоциональных систем, поскольку она способна регулировать эти системы.

ПОИСК постоянно рекрутируется основными биологическими влечениями, направляя его на удовлетворение конкретных потребностей, которые приоритетны в данный момент (Johnson et al., 2022). И тогда мы начинаем целенаправленно искать, например, безопасность или сексуальных партнеров. Тем не менее эта система сохраняет определенную функциональную автономию. Когда все наши потребности удовлетворены, может быть активирован чистый поиск – побуждение без цели, ненаправленное исследование мира.

ПОИСК – это инстинктивная основа всего мотивированного поведения и процесса обучения. При взаимодействии с миром поиск постепенно становится более направленным благодаря ассоциативному подкреплению между приятным опытом и стимулом, стоящим за опытом, через создание эпизодических воспоминаний. Мы узнаем и запоминаем, куда нужно идти, чтобы найти пищу, а куда – чтобы найти партнеров по игре. Посредством повторения этот процесс приводит ко все более автоматизированному выполнению поведенческих и умственных действий, обусловленных ПОИСКОМ, структурируя их в комплексы привычек.

Здоровая активность системы ПОИСК, которая характеризуется, в частности, оптимальным тоническим уровнем дофамина, приводит к чувству вовлеченности в жизнь, интересу, любопытству, позитивным ожиданиям. И наоборот, снижение активности этой системы ассоциируется с чувством пустоты, отсутствием надежды и интереса. Нежеланием взаимодействовать с этим миром. Потерей мотивации и депрессивными мыслями.

Как отмечают некоторые авторы, система ПОИСК имеет ряд аналогий с фрейдистской концепцией либидо (Solms & Turnbull, 2002; Yovell, 2008).

Это жизненная энергия, которая нам дается для активного вовлечения в мир. Проводятся также параллели между системой ПОИСК и понятием преконцепции Биона (*Moccia et al.*, 2018). Что характеризует преконцепцию – это чувство ожидания, которое способно ориентировать человека на определенную реализацию. Как и система ПОИСК. Бион говорил, что, когда ожидание встречает соответствующую реализацию, результатом является зачатие. Или удовлетворенная потребность.

Роль системы ПОИСК в этиологии зависимости

В нейробиологических исследованиях зависимости, кажется, существует консенсус о доминирующей роли, которую играет мезолимбическая дофаминергическая система, которую Панксепп концептуализирует как систему ПОИСК, в формировании зависимости (*Alcaro et al.*, 2021). Эту систему еще называют системой вознаграждения.

Теоретики нейропсихоанализа предполагают, что расстройства зависимости связаны с патологическими сдвигами в системе ПОИСК (*Fuchshuber & Unterrainer*, 2020). В ходе развития зависимости система ПОИСК все больше активизируется в первую очередь в связи с аппетитными воспоминаниями, связанными с потреблением психоактивных веществ и желанием облегчить негативные аффективные состояния.

В системе ПОИСК наркотику приписывается повышенная привлекательность из-за предсказания высокого удовольствия, вызванного всплесками дофамина. В результате наркотики берут верх над волей, становясь главной целью системы ПОИСК. А поиск удовлетворения других телесных и эмоциональных потребностей уже включается вяло, поскольку ожидаемое удовольствие от них становится нейробиологически и психологически обесцененным. Поэтому наркозависимые люди жалуются на бессонницу, теряют вес и отдают предпочтение наркотикам перед общением с семьей и детьми (*Alcaro et al.*, 2021).

Зависимость можно представить как результат того, как ПОИСК «зацикливается» на компульсивных привычках, тем самым теряя свою независимость и спонтанную активацию на новизну, независимо от наличия других подкреплений.

Также система ПОИСК влияет на тип мышления, который характеризует людей с зависимостью, способствуя их самоблокированию. Панксепп утверждает, что повышенная активность системы ПОИСК приводит к искаженному мышлению (*Mosri*, 2021). Чрезмерное возбуждение этой системы связано с суеверными идеями, которые устанавливают ложные ассоциации между определенными стимулами и ожиданием награды. Ложная ассоциация пытается предсказать причинно-следственную связь, несмотря на неоднократное отсутствие вознаграждения. В частности, это выражается в убеждении наркоманов, что употребление наркотиков необходимо им для выживания.

Многочисленные исследования на животных и людях показали, что ключевым фактором в предрасположенности к развитию аддиктивного поведения является дефицит эндогенной тонической

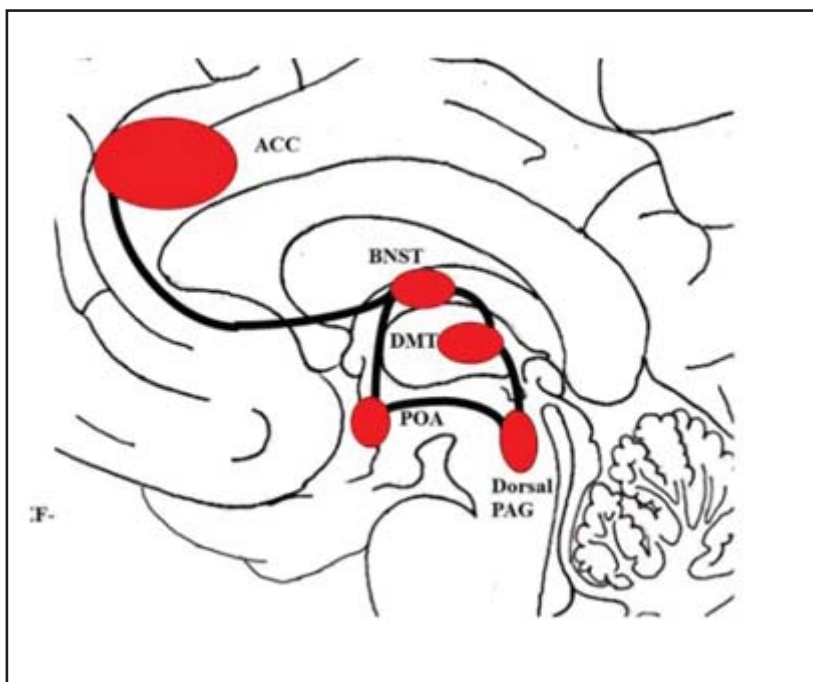

Рисунок 2. Система ПАНИКА/ГОРЕ
(Fuchshuber & Unterrainer, 2020)

влекают ситуации и окружение, в которых легко развить зависимость, а другие держатся от них подальше или не испытывают к ним влечения (Alcaro et al., 2021).

активности мезолимбической дофаминергической системы, а значит, гипоактивность сети ПОИСК (Alcaro et al., 2021). В свою очередь, это приводит к снижению способности искать вознаграждение во внешнем мире. Если эта способность снижена, то человек постепенно узнает, что только чрезмерные всплески возбуждения, вызванные дофамином, как это происходит под воздействием наркотиков, позволяют достичь приятных объектов во внешнем мире. Такая гипотеза объясняет, почему одних людей при-

Система ПАНИКА/ГОРЕ

Джон Боулби описал реакции детей на разлуку с воспитателями, которые характеризуются специфическими поведенческими и нейрофизиологическими состояниями, объединенными в три фазы, связанные с прогрессом разлуки (Bowlby, 1980) (рис. 2). Боулби определил первую фазу как «протест», где происходит активный поиск ребенком отсутствующего воспитателя. Если разлука продолжается и ребенку не удается добиться близости с искомым родителем, наступают фазы «отчаяния», а затем «отстранения».

Это описание процесса отделения было подкреплено идентификацией специфической нейронной цепи, регулирующей процесс сепарации, которая называется системой ПАНИКА/ГОРЕ (Panksepp & Biven, 2012). Паника соответствует первой фазе отделения, а горе – второй.

Эта система развивалась для того, чтобы укреплять социальные связи, прикрепляя матерей (и в меньшей степени отцов) к своему генетическому потомству, а потомство – к своим основным опекунам (Solms et al., 2015). И более широко – родственников друг к другу. Цена, которую нам приходится платить за это эволюционное преимущество, помогающее выживать в этом мире, – это боль от потери близкого человека.

Помимо удовольствия от близости избегание такой боли также помогает нам оставаться вместе.

Центральное место в нейрехимии этой системы занимает эндогенная опиоидная система (Ringwood, 2021). Когда родитель находится рядом с ребенком, возникает приятное психическое состояние, которое в значительной степени определяется высвобождением эндогенных опиоидов на мю-рецепторах. Разлука с опекуном или другим значимым человеком вызывает тревогу и дискомфорт и вызывает истощение этих опиоидов.

Модель опиоидного тона

В 1980 х годах Панксепп опубликовал свою «опиоидную гипотезу», которая состояла в том, что опиоиды мозга играют ключевую роль в формировании социальных привязанностей и модулируют социальные эмоции и поведение (Panksepp et al., 1980). Также он указывал, что опиаты являются первыми выявленными антидепрессантами, учитывая при этом все возможные проблемы, которые они влекут за собой.

Брайан Джонсон, психиатр из Нью-Йорка, который специализируется на исследовании и лечении зависимостей, предложил модель, которая подразумевает корреляцию между опиоидным тоном и близостью к другим людям (Ringwood, 2021) (см. рис. 3).

Если человек чувствует себя одиноким, то испытывает от этого эмоциональный дискомфорт, он находится в левой нижней части этой кривой, его опиоидный тонус низкий. Это состояние может модулироваться обществом других людей, при приятном общении с друзьями или родными настроение улучшается и опиоидный тон растет. В какой-то момент человек чувствует усталость от общения, удовольствие снижается, и большую

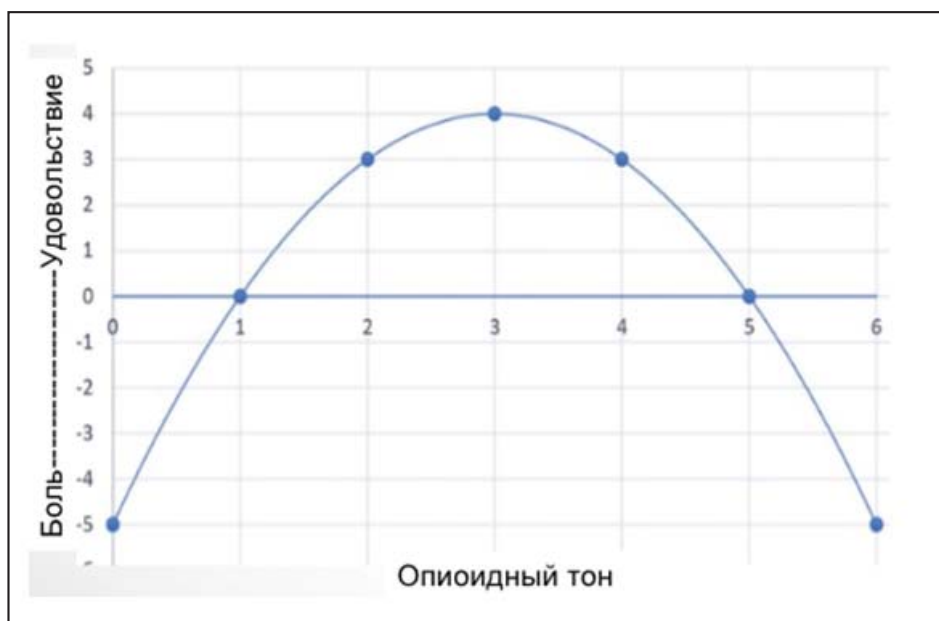

Рисунок 3. Боль/удовольствие как функция опиоидного тона (Ringwood, 2021)

радость приносят мысли об уединенном вечере на диване с книгой или телевизором. Таким образом, когда опиоидный тон начинает слишком нарастать, появляется желание побыть одному. Так происходит регуляция опиоидного тона у здоровых людей.

Однако люди, пережившие затяжную травму разлуки (как следствие у них хронически активирована система ПАНИКА/ГОРЕ), часто испытывают проблемы с доверием, опасаясь, что их снова обидят (*Ringwood, 2021*). Их психическая боль могла бы прекратиться или уменьшиться при соответствующей связи с другими людьми, но из-за недоверия им сложно вступать в отношения. Так и люди в социальной изоляции или страдающие личностными расстройствами, при которых нарушена способность формировать близкие отношения, находятся в левой части этой кривой, испытывая боль от одиночества.

Избегание этой боли и других негативных чувств является инстинктивным, употребление наркотиков может ненадолго облегчить боль при различных формах травмы разлуки. В частности, попытка модулировать опиоидный тонус с помощью химических веществ может указывать на чувство безнадежности и депрессии.

Когда пациентов лечат от зависимости бупренорфином (безопасный опиоид), который повышает уровень эндогенных опиоидов, они перемещаются в правую часть этой кривой, и тогда эмоциональный контакт начинает причинять боль (*Ringwood, 2021*). Вероятно, так же как при аутизме, когда высокий опиоидный тон создает субъективное ощущение, что человек не нуждается в близости с другими, пациенты, получающие бупренорфин начинают относиться к окружающим аутично. Избегают смотреть в глаза, часто говорят, что им не о чем говорить с людьми и их самое большое желание – пореже с ними встречаться.

Это наблюдение подтверждается данными других исследователей, которые показывают, что психотерапия с пациентами, получающими бупренорфин, неэффективна (*Johnson et al., 2022*), поскольку контакт с психотерапевтом для них является болезненным. Пациенты, которым помогают отказаться от опиоидов, внезапно ощущают прилив тревоги, связанный с низким опиоидным тонусом. Внезапное ощущение одиночества и уязвимости перед эмоциями, которые они не испытывали при приеме опиоидов, служит толчком к рецидиву. Они тоскуют по ощущению связности, которое у них было при приеме опиоидов, которые еще называют «человек в таблетке».

В Нью-Йоркской нейропсихоаналитической наркологической службе пациенты, которым помогают отказаться от приема опиоидов, ежедневно приходят на прием во время абстиненции (*Johnson et al., 2022*). Частый контакт с людьми помогает предотвратить рецидив, удовлетворяя стремление к общению, поскольку любые социальные контакты повышают опиоидный тон. Результаты исследований показывают, что социальная потеря, социальное поражение, потеря социального статуса имеют те же нейрогормональные механизмы, что и потеря любимого человека (*Mosri, 2021*).

Сходство между депрессией и зависимостью

Итак, длительная травма разлуки с опекуном связана с гиперактивацией системы ПАНИКА/ГОРЕ, снижением эндогенных опиоидов и выработкой динорфина на каппа-рецепторах (*Solms et al.*, 2015). Это, в свою очередь, через бесчисленные каппа-рецепторы, обнаруженные в мезолимбической дофаминергической системе, ингибирует выработку и высвобождение дофамина. Таким образом, гиперактивация системы ПАНИКИ/ГОРЕ в связи с травмой в системе привязанности приводит к истощению дофамина и гипоактивации системы ПОИСК. Как следствие животные и люди «сдаются» с точки зрения достижения различных видов возможных биологических целей (*Solms et al.*, 2015).

Совместный эффект дисрегуляции этих двух систем (гиперактивная ПАНИКА/ГОРЕ и гипоактивный ПОИСК) характеризует не только состояние при разлуке с опекуном, но и динамику депрессии во взрослом возрасте и расстройств зависимости (*Fuchshuber & Unterrainer*, 2020). Эмоционально это состояние переживается как отчаяние и предлагается рассматривать некоторыми исследователями в качестве общего аффективного ядра обоих расстройств. Правдоподобность этого предположения подтверждается последними достижениями в нейронауках, подчеркивающими значение дофаминовой и опиоидной систем в этиологии и лечении депрессии и расстройств зависимости, а также твердо установленной корреляцией между обоими расстройствами (*Fuchshuber & Unterrainer*, 2020).

Такая связь между этими расстройствами будет еще более наглядной, если увидеть, что процесс привязанности, инициируемый системой ПАНИКА/ГОРЕ, имеет большинство признаков зависимости.

На рисунке 4 показано сходство между зависимостью от психоактивных веществ и социальной привязанностью/потерями (*Solms et al.*, 2015). Учитывая эти аналогии, неудивительно, что опиаты исторически были первой линией для лечения депрессии.

Можно сказать, что привязанность – это первичная форма зависимости, или, возможно, более точно, зависимость – это ненормальная форма привязанности (*Solms et al.*, 2015). Порой влюбленность в кого-то сложно отличить от зависимости от него. Поэтому зависимость можно рассматривать как замену надежного объекта любви. Другими словами, наркоман на самом деле хочет не наркотик, а чувствовать себя в безопасности, тепле и заботе, как в отношениях с близким человеком (*Solms et al.*, 2015).

Роль системы ПАНИКИ/ГОРЯ в этиологии зависимости

Нейропсихоаналитические авторы полагают, что доминирующим объектом при зависимости являются не всплески дофамина, связанные с искусственно возбужденной системой ПОИСК, а попытка повысить опиоидный тон и получить ощущение связности с другими людьми (*Johnson et al.*, 2022). Иначе говоря, прием наркотиков – это попытка

ОПИОИДНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ & СОЦИАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ			
1. Зависимость от наркотиков		1. Социальная связь	
2. Толерантность к наркотикам		2. Отчуждение	
3. Отказ от наркотиков		3. Дистресс сепарации	
a. Психическая боль	—————>	a. Одиночество	
b. Слезотечение	—————>	b. Плач	
c. Анорексия	—————>	c. Потеря аппетита	
d. Уныние	—————>	d. Депрессия	
e. Бессонница	—————>	e. Проблемы со сном	
f. Агрессивность	—————>	f. Раздражительность	

Рисунок 4. Сходство между опиоидной зависимостью и привязанностью (Solms et al., 2015)

устранить базовую потребность в привязанности и не предпринимать усилий по поиску близкого человека в реальном мире (Solms et al., 2015).

Принимая наркотики, стимулирующие опиоидную систему (например, героин), человек получает иллюзию самодостаточности. Когда действие наркотика заканчивается, потребитель осознает, насколько он зависим от наркотика и от людей, от которых он их получает, и возвращается потребность в дальнейшем употреблении.

Возникает вопрос, почему некоторые потребители, страдающие от травмы разлуки, предпочитают наркотики, прямо или косвенно влияющие на систему ПОИСК. Химическая манипуляция этой системой приносит не удовольствие или вознаграждение, а надежду и позитивное ожидание (Panksepp et al., 1980). Это можно объяснить так, что затяжное чувство депрессии и безнадежности связано со снижением активности дофамина (Fuchshuber & Unterrainer, 2020). Тогда, стимулируя свою поисковую активность, человек обретает надежду, что он может взаимодействовать с миром и найти там удовлетворение своих потребностей. Ибо для воссоединения с другими людьми ПОИСК должен быть активным. Удовлетворение всех остальных потребностей зависит от работы именно этой системы.

Диагностически и клинически важна дифференциация между теми, кто ищет прямую стимуляцию системы ПОИСК и соответствующие всплески дофамина (например, через такие наркотики, как амфетамин или кокаин), и теми, кто ищет опиоидную эйфорию или облегчение боли (принимая, например, морфин, героин), т. е. воздействуя на систему ПАНИКА/ГОРЕ напрямую. Неудивительно, что второй род зависимости считается более тяжелым расстройством (Solms et al., 2015).

Таким образом, в нейропсихоанализе расстройства зависимости понимаются не просто как стратегия самолечения против негативных аффектов

в целом, как предлагают, например, авторы эго-психологии, а как отдельная копинг-стратегия против гиперактивной системы ПАНИКА/ГОРЕ и гипоактивной системы ПОИСК.

Связь между детской травмой и расстройствами зависимости

Современные исследования собрали значительное количество доказательств, связывающих травмирующее окружение в детстве с широким спектром психопатологии во взрослом возрасте (*Nierop et al., 2015*). Ученые полагают, что детская травма в значительной степени связана со структурными изменениями в ряде областей мозга, связанных с обработкой и модуляцией эмоций (*Fuchshuber & Unterrainer, 2020*).

Переключаясь с психоаналитической теорией объектных отношений и эго-психологией, злоупотребление психоактивными веществами рассматривается как стратегия химической регуляции аффекта, замещающая надежную фигуру привязанности и действующая как искусственная «безопасная база» для потребителя (*Fuchshuber & Unterrainer, 2020*).

Рассмотрим несколько нейропсихоаналитических исследований последних лет, которые расширяют понимание связи между детской травмой и расстройствами зависимости.

В работе (*Fuchshuber et al., 2018*) исследовалась зависимость между наличием травматического опыта в детском возрасте, переживанием отчаяния в настоящее время и дефицитами структуры личности, с одной стороны, и расстройствами зависимости и депрессивными симптомами, с другой стороны. Модель этого исследования, где цифрами показана корреляция между разными переменными, представлена на рисунке 5. Результаты показали, что отчаяние очень точно предсказывает депрессию, а зависимое поведение может рассматриваться как компенсаторная стратегия против дефицитов структуры личности, как предлагают эго-психологи.

Работа Мосри (*Mosri, 2021*) называется «Вклад аффективной нейронауки в лечение зависимости: роль социальных инстинктов, удовольствия и ПОИСКА». В ней подчеркивается социальная природа мозга человека, поскольку четыре из семи аффективных влечений являются просоциальными (ПАНИКА/ГОРЕ, ВОЖДЕЛЕНИЕ, ИГРА и ЗАБОТА) и представляют собой четыре возможные формы отношений. Когда безопасная привязанность к основному опекуну не сформирована, остальные социальные инстинкты также могут не работать, поскольку человек начинает «искать маму» в сверстниках, в паре и даже в своем потомстве.

Автор этого исследования рассматривает две формы затянувшейся детской травмы от дистресса разлуки, каждая из которых приводит к повышенной уязвимости к формированию зависимости (см. *рис. б*). Первый вид травмы относится к экстремальной брошенности, отвержению и/или жестокому обращению. Второй вид травмы связан с амбивалентными и непоследовательными отношениями с основными опекунами, в которых периоды жестокого обращения могут сменяться проявлением любви и заботы.

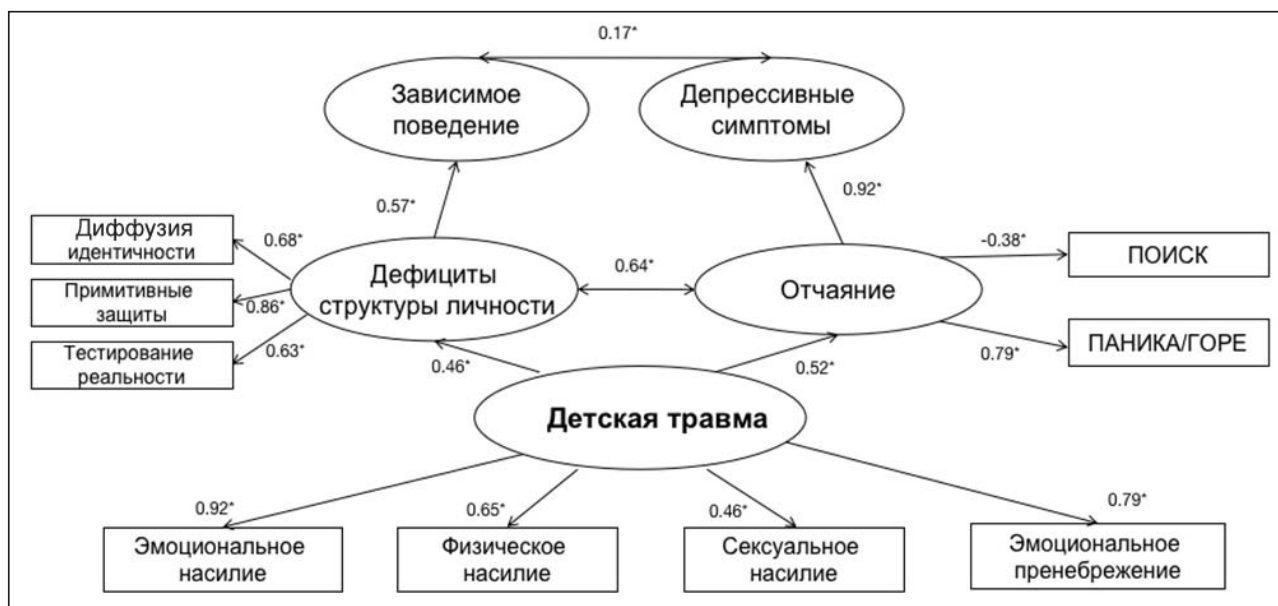

Рисунок 5. Модель исследования (Fuchshuber et al., 2018)

Оба вида травмы, в отсутствие безопасной, надежной привязанности, вызывают гиперактивацию системы ПАНИКА/ГОРЕ, гиперактивацию системы ЯРОСТЬ (вследствие фрустрации от невозможности получить любовь и заботу основного опекуна), гиперактивацию системы СТРАХ, снижение активности социальных влечений (ИГРА, ВОЖДЕЛЕНИЕ, ЗАБОТА) и также гипоактивацию ПОИСКА. Экстремальный контекст ранней заброшенности и/или плохого обращения может чаще приводить к клинической депрессии, в то время как амбивалентный контекст часто порождает латентные депрессии, которые легко пропустить при

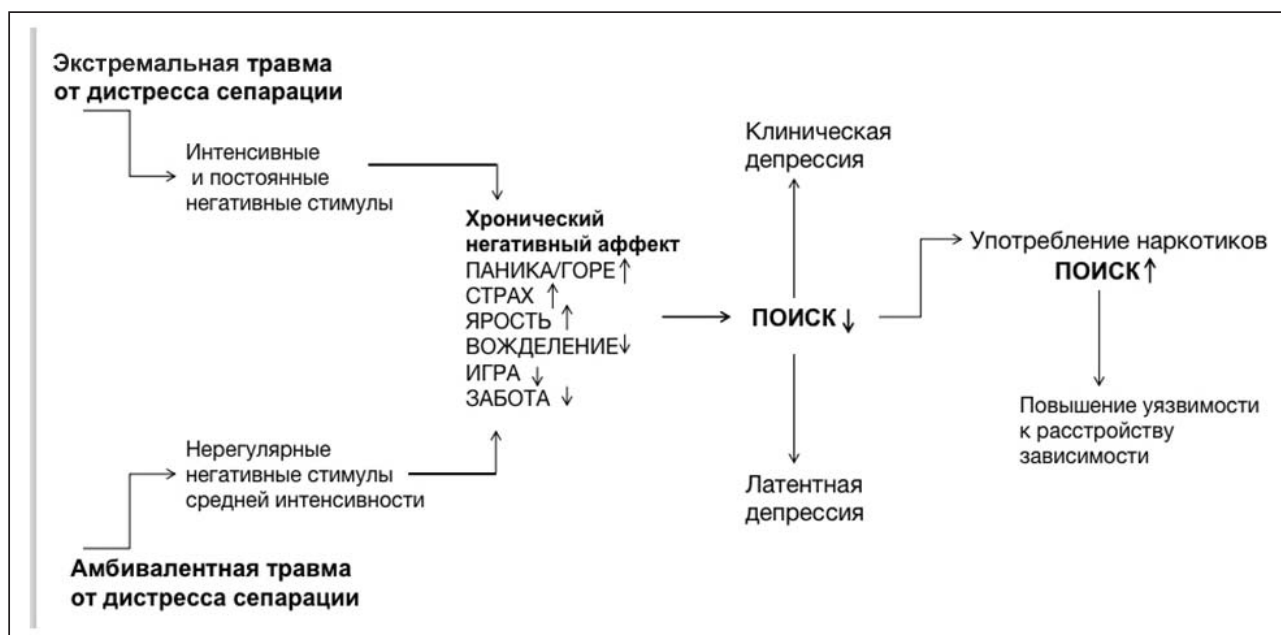

Рисунок 6. Вклад детской травмы в повышение уязвимости к зависимости (Mosri, 2021)

клинической оценке. Таким образом, ранняя травма связана с нейробиологической дисрегуляцией всех влечений, что выливается в затяжные негативные аффективные состояния и предрасположенность к формированию зависимости.

В исследовании Фухшубера (*Fuchshuber et al., 2019a*) изучалась связь между детской травмой, типом привязанности взрослого, дефицитами структуры личности и функционированием первичных аффективных систем (см. *рис. 7*).

Это исследование, в частности, показывает, что дефициты в структуре организации личности связаны с гиперактивацией системы ЯРОСТЬ, что свидетельствует об эмпирической поддержке концептуализации Кернберга о важности интеграции агрессивных импульсов для здорового личностного функционирования.

В другом исследовании этих же авторов (*Fuchshuber et al., 2019b*) также выявляется принципиальная роль системы ЯРОСТЬ в этиологии РЗ (на втором месте после вклада системы ПАНИКА/ГОРЕ). Это перекликается с теоретическими соображениями, которые связывают злоупотребление психоактивными веществами с аутоагрессивным поведением против негативных репрезентаций внутреннего Я и объектов, связанных с травмирующими отношениями в детстве (*Rosenfeld, 1960*). На этой основе в исследовании Фухшубера и Унтеррейнера (*Fuchshuber & Unterrainer, 2020*) предлагается нейропсихоаналитическая модель этиологии РЗ, в которой предполагается, что влияние детской травмы на развитие симптомов РЗ

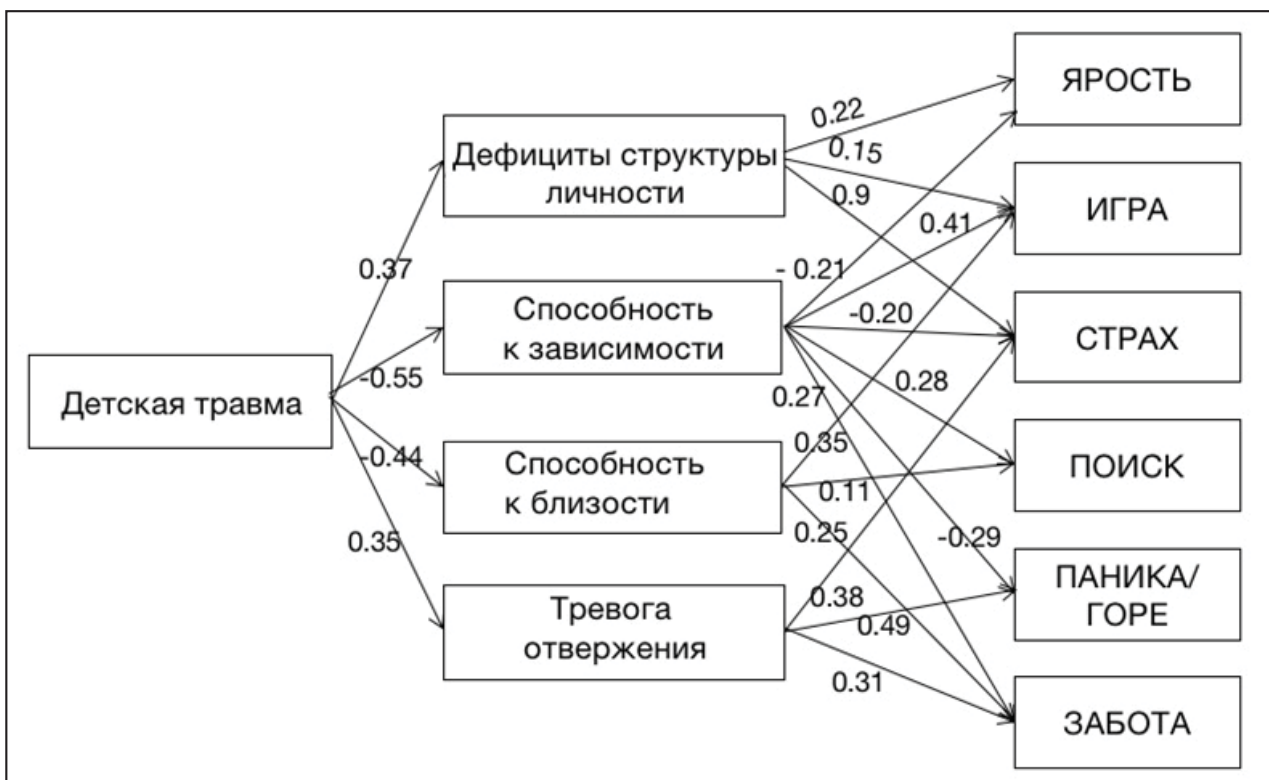

Рисунок 7. Модель исследования (*Fuchshuber et al., 2019a*)

опосредовано увеличением дефицитов в структуре личности, а также увеличением диспозиций системы ПАНИКА/ГОРЕ в фазе печали и системы ЯРОСТЬ (см. рис. 8).

Заключение

Итак, нейропсихоаналитические авторы рассматривают зависимость как расстройство привязанности. Неспособность зависеть от других, чувства изоляции, потери и печали приводят к зависимости от психоактивных веществ или поведенческим зависимостям.

Исследования подтверждают, что неблагоприятные условия окружающей среды в детском возрасте, связанные с хроническими и неконтролируемыми стрессами, социальной изоляцией и травмирующими отношениями с основными опекунами, приводят к

- дисрегуляции первичных аффективных систем (в первую очередь, гиперактивируются системы ПАНИКА/ГОРЕ и ЯРОСТЬ и гипоактивируется система ПОИСК) (Fuchshuber & Unterrainer, 2020);

- дефицитам в структуре личности (диффузии идентичности, преобладанию примитивных защитных механизмов, слабому контролю импульсов) и небезопасному стилю привязанности (Nierop et al., 2015).

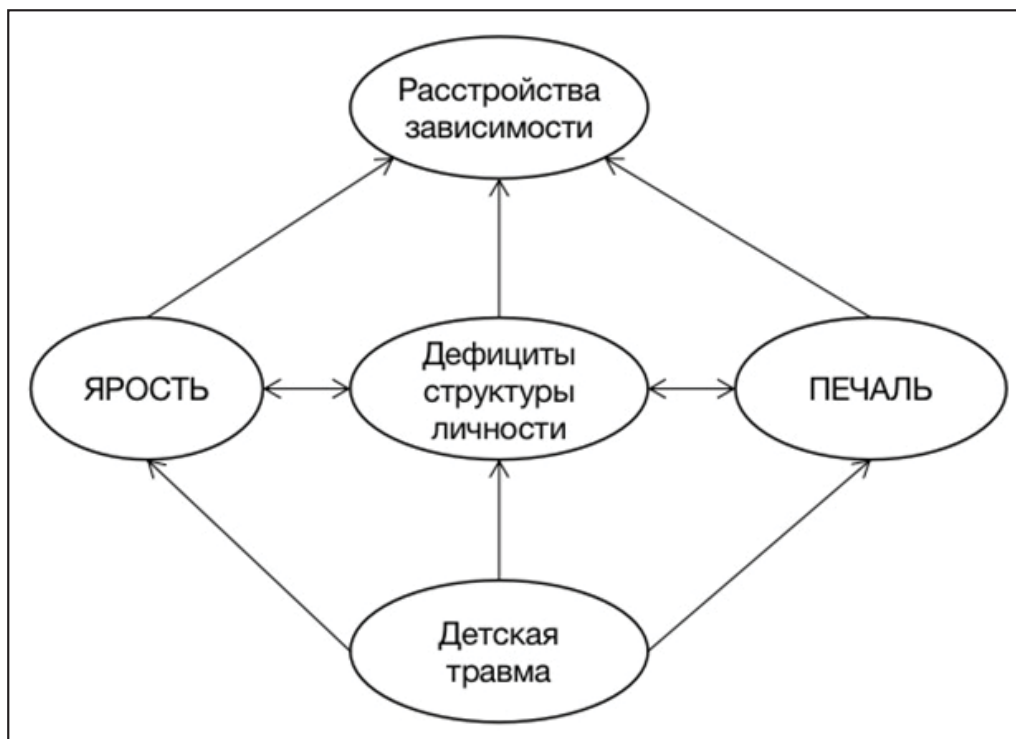

Рисунок 8. Нейропсихоаналитическая модель этиологии расстройств зависимости (Fuchshuber & Unterrainer, 2020)

Эти факторы, в свою очередь, приводят к хроническому негативному аффекту, низкой способности регулировать свое эмоциональное состояние и формировать надежные отношения привязанности, что существенно повышает уязвимость к формированию зависимости.

Люди используют наркотики, чтобы облегчить эмоциональную боль, вызванную дистрессом разлуки, и одновременно пытаются почувствовать мотивацию к взаимодействию с внешним миром. Однако ввиду того, что наркотики десенсибилизируют дофаминовые механизмы, они препятствуют поиску других удовлетворяющих объектов, которые могли бы привести к удовлетворению потребностей в привязанности и подлинному вознаграждению. Пытаясь выжить, зависимые пациенты одновременно убивают себя.

Выводы для лечения с помощью психотерапии

В 1898 году Фрейд писал: «<...> [Успех лечения наркомании] будет лишь кажущимся, пока врач довольствуется изъятием наркотического вещества у своих пациентов, не заботясь об источнике, из которого протекает их настоящая потребность в нем... Всякий раз, когда нормальная сексуальная жизнь уже не может быть установлена, мы можем с уверенностью рассчитывать на рецидив у пациента» (*Freud, 1898*).

Кажется, что если мы сейчас расширим понятие «нормальной сексуальной жизни» до «здоровых отношений привязанности и социальной интеграции», то этот тезис, сформулированный более 120 лет назад, будет по-прежнему верным (*Solms et al., 2015*).

Одна из главных проблем лечения зависимостей – это тот факт, что зависимые люди редко обращаются за помощью, поскольку это находится в конфликте с продолжением употребления. В этом смысле зависимость – это самоблокирующее заболевание (*Mosri, 2021*). Однако, если они все-таки приходят в психотерапию, важно оказать им помощь с учетом понимания этиологии их расстройства.

Техники когнитивно-поведенческой терапии доказали свою эффективность для выявления триггеров, провоцирующих употребление, и выработки эффективных стратегий борьбы с ними (*Mosri, 2021*). Однако для предотвращения рецидивов в психотерапии необходимо также фокусировать внимание на внутреннем стимуле употребления наркотиков – депрессии из-за отсутствия близких надежных отношений привязанности. В частности, при работе с зависимыми пациентами важно решать такие терапевтические задачи:

- прорабатывать примитивные защиты (отрицание, расщепление, всемогущий контроль, минимизация и проч.), не позволяющие пациенту увидеть, какой вред он себе наносит;
- анализировать перенос для выявления деструктивных паттернов пациента по выстраиванию отношений;
- способствовать формированию безопасного стиля привязанности;
- способствовать формированию интегрированного и реалистичного образа себя и других;

– способствовать развитию способности к эмоциональной саморегуляции;

– повышать доступность зрелых защитных механизмов и способствовать развитию более последовательных нарративов идентичности;

– способствовать социальной интеграции пациента.

Постепенное решение этих задач позволит пациенту улучшить его способность формировать надежные отношения привязанности, повысит ощущение «агентности» в своей жизни, позволит более эффективно справляться с негативными аффектами. Это, в свою очередь, значительно повысит шансы пациента на излечение от зависимости, предотвращение рецидивов и удовлетворяющее качество жизни во всех областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alcaro A., Brennan A., Conversi D.* (2021) The SEEKING Drive and Its Fixation: A Neuro-Psycho-Evolutionary Approach to the Pathology of Addiction. *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 21.
2. *Bowlby J.* (1980) Attachment and Loss. In Vol. 3: Loss, Sadness and Depression. New York: Basic Books.
3. *Davis K., Montag C.* (2018) Selected Principles of Pankseppian Affective Neuroscience. *Frontiers in Neuroscience*. Vol. 12 (1025).
4. *Freud S.* (1898) Sexuality in the Aetiology of the Neuroses. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 3. P. 259–285.
5. *Freud S.* (1905) Three Essays on the Theory of Sexuality. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 7. P. 123–246.
6. *Freud S.* (1914) On narcissism: An introduction. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 67–102.
7. *Freud S.* (1915) Instincts and their vicissitudes. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 11–27.
8. *Fuchshuber J., Hiebler-Ragger M., Kresse A., Kapfhammer H.-P., Unterrainer H.F.* (2018) Depressive symptoms and addictive behaviors in young adults after childhood trauma: The mediating role of personality organization and despair. *Front Psychiatry*. Vol. 9 (318).
9. *Fuchshuber J., Hiebler-Ragger M., Kresse A., Kapfhammer H.P., Unterrainer H.F.* (2019a) The influence of attachment styles and personality organization on emotional functioning after childhood trauma. *Front Psychiatry*. Vol. 10 (643).
10. *Fuchshuber J., Hiebler-Ragger M., Kresse A., Kapfhammer H.P., Unterrainer H.F.* (2019b) Do primary emotions predict psychopathological symptoms?: A multigroup path analysis. *Front Psychiatry*. Vol. 10 (610).
11. *Fuchshuber J., Unterrainer H.F.* (2020) Childhood Trauma, Personality, and Substance Use Disorder: The Development of a Neuropsychanalytic Addiction Model. *Front Psychiatry*. Vol. 11(531).
12. *Johnson B., Brand D., Zimmerman E., Kirsch M.* (2022) Drive, instinct, reflex-Applications to treatment of anxiety, depressive and addictive disorders. *Front Psychol*. Vol. 13.

13. *Moccia L., Mazza M., Di Nicola M., Janiri L.* (2018) The Experience of Pleasure: A Perspective Between Neuroscience and Psychoanalysis. *Front Hum Neurosci.* Vol. 12 (359).
14. *Mosri F.* (2021) Affective Neuroscience Contributions to the Treatment of Addiction: The Role of Social Instincts, Pleasure and SEEKING. *Front Psychiatry.* Vol. 12.
15. *Nierop M., Viechtbauer W., Gunther N., van Zelst C., de Graaf R., ten Have M.* (2015) Childhood trauma is associated with a specific admixture of affective, anxiety, and psychosis symptoms cutting across traditional diagnostic boundaries. *Psychol Med.* Vol. 45(6).
16. *Panksepp J., Biven L.* (2012) *The Archaeology of Mind: Neural Origins Of Human Emotion.* United Kingdom: W. W. Norton.
17. *Panksepp J., Herman B., Vilberg T., Bishop P., and DeEsquinazi F.* (1980) Endogenous opioids and social behavior. *Neurosci. Biobehav. Rev.* 4, 473–487.
18. *Rado S.* (1933) The psychoanalysis of pharmacothymia (drug addiction). *Psychoanal Q.* Vol. 2(1).
19. *Ringwood T. Jr., Cox L., Felldin B., Kirsch M., Johnson B.* (2021) Drive and Instinct-How They Produce Relatedness and Addiction. *Front Psychol.* Vol. 10.
20. *Rosenfeld H.* (1960) On drug addiction. *Int J Psychoanal.* Vol. 41. P. 467–475.
21. *Solms M.* (2021) *The Hidden Spring: A Journey to the Source of Consciousness.*
22. *Solms M., Pantelis E., Panksepp J.* (2015) Neuropsychanalytic notes on addiction. In: Solms M, editor. *The feeling brain: Selected papers on neuropsychanalysis.* London: Karnac Books. P. 109–119.
23. *Solms M., Turnbull O.* (2002) *The Brain and The Inner World: An Introduction to the Neuroscience of Subjective Experience.* New York: Other Press.
24. *Westhuizen D., Solms M.* (2015) Basic emotional foundations of social dominance in relation to Panksepp's affective taxonomy. *Neuropsychanalysis.* Vol. 17(1). P. 19–37.
25. *World Drug Report 2023.* (2023) United Nations publication.
26. *Wurmser L.* (1978) *The Hidden Dimension: Psychodynamics in Compulsive Drug Use.* Lanham: J. Aronson.
27. *Yovell Y.* (2008) Is There a Drive to Love? *Neuropsychanalysis.* Vol. 10(2). P. 117–144.

A neuropsychanalytic perspective on substance use disorder

A. V. Sokolova

Sokolova Anna V., PhD, clinical psychologist, psychoanalytically oriented psychotherapist, certified TFP therapist, clinical fellow of The Neuropsychanalysis Association (NPSA), member of the International Society of Transference-Focused Psychotherapy (ISTFP).

This article discusses the views of neuropsychanalysis on the etiology of substance use disorder. Neuropsychanalysis explores the relationship between recent advances in neuroscience and psychoanalytic models of the human mind. It revises psychoanalysis' perspective on disturbances in human development and functioning based on a new understanding of how the brain works. Neuropsychanalysis' views on the etiology of addiction disorders grow out of affective neuroscience and the seven emotional drives identified by neuroscientist Jak Panksepp. The paper discusses those emotional drives that contribute most to the formation of addiction. It also analyses the similarities between depression and addiction and reviews recent empirical research on the relationship between childhood trauma, emotional drives and personality structure. Finally, a conceptual neuropsychanalytic model of the etiology of addiction disorders and implications for treatment with psychotherapy are discussed.

Keywords: substance use disorder, addiction, neuropsychanalysis, affective neuroscience, childhood trauma, personality structure, attachment, psychotherapy.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИЙ

Психоаналитические аспекты эмоционального выгорания

М. Ю. Стависский, А. В. Захарюта

Стависский Михаил Юрьевич – магистр делового администрирования, магистр психологии, магистр экономики и финансов, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, супервизор, член экспертного совета национальной Федерации коучей и менторов.

Захарюта Анастасия Викторовна – магистр психологии, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант.

Эмоциональное выгорание – популярное понятие в нашем современном мире. На сегодняшний день основным объектом изучения выгорания является его симптоматическая сторона. Как правило, определения сводятся к объединению симптомов, возникающих в контексте рабочей деятельности. В данной статье представлены психоаналитические аспекты выгорания. Было проведено исследование существующих психоаналитических концепций выгорания. На основе анализа разных точек зрения на выгорание, а также анализа интервью выгоревших специалистов мы проследили причинную динамику выгорания в отношениях между субъектом и другим. Существуют различные динамические процессы, вызывающие выгорание, и схожие симптомы могут говорить нам о разной динамике его возникновения. В ходе исследования мы пришли к важному выводу, что выгорание возникает в результате определенной совокупности организационных и личностных факторов, которые могут являться индивидуальными для каждого индивида. Психоаналитические концепции отражают глубинный аспект явления выгорания, связанный с конфликтом между сознательными потребностями и бессознательными стремлениями.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, выгорание, психоаналитические аспекты, психоанализ, психоанализ организаций.

В последние годы выгорание стало одной из самых обсуждаемых трудностей психического здоровья. Выгорание широко освещается в средствах массовой информации и научно-популярной тематике, и общественный интерес к этой теме вызывает широкое распространение. В настоящее время не существует общепринятого, согласованного на международном уровне определения выгорания. И, как правило, определения сводятся к объединению симптомов, возникающих в контексте рабочей деятельности.

Нам же интересно проанализировать работы, в которых была бы исследована не симптоматическая и описательная сторона эмоционального выгорания, а изучена причинная динамика его возникновения.

Психоаналитические концепции выгорания относительно редки (например, *Berger, 2000; Cooper, 1986; Fischer, 1983; Pines, Yanai, 2001; Freudenberger, 1990; Grosch and Olsen, 1994; Vanheule, 2003*), но ученые всегда пытались понять процесс, при котором оно происходит.

Ученые в этих исследованиях выделяют два основных аспекта выгорания:

- 1) выгоревшие профессионалы испытывают межличностные трудности;
- 2) выгоревшие профессионалы сталкиваются с вопросом о профессиональной идентичности.

Межличностные трудности (сложные отношения с коллегами, начальством, клиентами или пациентами) представляют сторону, которая тесно связана с проблемой выгорания. В этом контексте решающее значение имеет ощущение, что человека недостаточно ценят за выполняемую работу (*Cherniss, 1995; Firth, 1985*). Чернисс, например, указывает, что люди, которые чувствуют себя измотанными, страдают от того, что считают себя недостаточно признанными. Интересен вывод Ферт о том, что за расплывчатыми жалобами на стресс кроется идея о том, что человека любят только за его деятельность, или что зачастую за проблемами в корпоративных отношениях стоит страх быть обманутым. Она пришла к выводу, что чрезмерная вовлеченность и переутомление, неуверенность в ожиданиях других или чрезмерное беспокойство на работе совпадают с сомнениями в признании со стороны других людей, а также с идеей, что человека любят только за то, чего он добивается.

Люди, склонные к выгоранию, похоже, озабочены не только идеей, что они должны доставить удовольствие значимым другим, но и ощущением, что другие не верят в их профессиональную грамотность (*Cherniss, 1995*).

Нарушение профессиональной идентичности раскрыл в своих исследованиях Холлстен. С помощью глубинных интервью он выявил, что выгоревшие люди очень дорожат высокими результатами, которые они достигают. Их собственная идентичность сильно зависит от их достижений. Они хотят доказать свою компетентность своими достижениями и ощущают, что обязаны помогать другим (*Hallsten, 1993*). Фишер использует концепцию выгорания для обозначения группы людей, которые полагают, что их работа является единственным источником нарциссического

удовлетворения, при этом неудача в работе ощущается как личная неудача (*Fischer, 1983*).

Нарушение идентичности и межличностные трудности очень взаимосвязаны: значительное, но неудовлетворенное желание признания и поддержки со стороны других оказывается связано с ощущением выгоревших людей, что их идентичность находится под угрозой, а также с их ослабленным чувством собственного достоинства и эффективности (*Cherniss, 1995; Vanheule et al., 2003*).

Стейн Ванхеле обращает свое внимание на работы Лакана, в которых он исходит из предпосылки, что у людей нет изначальной или внутренней идентичности, а напротив, ядро идентичности составляют внутренняя нехватка или пустота. Как следствие, люди стремятся заполнить эту пустоту, обращаясь на поиски этого дополнения. Лакан говорит, что внутренняя нехватка движет желанием субъекта дополнить ее. Люди обычно стремятся преодолеть свою нехватку, обращаясь к другим. И когда они мыслят подобным образом, их желание быть признанными является наиболее фундаментальным, потому как оно действует как средство приобретения большей субъективной завершенности. И когда другой его признает, то это отчасти восполняет нехватку идентичности субъекта: благодаря социальным взаимоотношениям человек как минимум понимает, кем он приходится по отношению к другому. Следовательно, наличие идентичности не является естественным условием. Это социальная конструкция. Решающее значение для этого рассуждения имеет идея о том, что субъективное положение субъекта формируется исходя из того места, которое он приписывает другому. Люди приобретают идентичность, не столько принимая определенные характеристики, сколько приписывая характеристики кому-то другому и позиционируя себя по отношению к таким характеристикам (*Vanheule, 2003*).

Профессиональную работу можно рассматривать как культурно и субъективно важную среду, с помощью которой может быть достигнуто такое признание (*Vanheule, 2004*).

Согласно Лакану, такое символическое признание является основой интерсубъективности. Только потому, что они признаны другими, люди могут занять место в социальной сети. Лакан добавляет к этому, что «первый объект желания человека – быть признанным другим». Без интерсубъективного признания человеческие существа в социальном плане ничего не достигают и не имеют собственной идентичности.

Ванхеле, используя психоаналитические теории Фрейда и Лакана в качестве отправной точки, рассмотрел выгорание как процесс, происходящий в рамках структурных отношений между субъектом и Другим, которые составляют основу идентичности субъекта.

Сосредоточившись на выяснении причинной динамики выгорания, проанализировав психоаналитическую литературу и результаты своего собственного исследования, в которых 30 респондентов описали свои взаимоотношения с другими людьми и проблемы, с которыми они сталкиваются, Ванхеле заключает, что лежащая в основе динамика может быть понята как конкретный сбой в отношениях между субъектом выгорания и

Другим в отношении того, как субъект пытается ответить на желание этого Другого. Таким образом, выгорание влияет на личность испытуемого.

Исходя из этого он резюмирует, что полученные данные соответствуют трем динамическим подпроцессам выгорания:

1) выгорание как результат истощения в результате нарциссической идеализации или мазохистического подчинения;

2) выгорание как результат признания недействительным Идеала Эго по отношению к значимому Другому;

3) выгорание как результат торможения из-за несовместимых импульсов.

Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. Выгорание как результат истощения в результате нарциссической идеализации или мазохистского подчинения

Характеристики первого динамического подпроцесса отчасти перекликаются со взглядом Фройденбергера на выгорание – он рассматривал его как хроническое состояние, вызванное истощением в результате чрезмерной приверженности. Фройденберг отмечал нарциссический характер процесса.

Согласно Фройденбергеру, кандидаты на выгорание – это «стремящиеся и успешные», которые не признают своих ограничений и склонны ставить перед собой невыполнимые задачи (*Freudenberger, 1982*). Типичную жертву выгорания описывают как харизматичную, энергичную, нетерпеливую и склонную к высоким стандартам, бросающуюся во все, что она делает, изо всех сил, ожидая, что это принесет вознаграждение, соразмерное затраченным усилиям (*Freudenberger, Richelson, 1980*). Основное их желание, кажется, состоит в том, чтобы проявить себя по отношению к другим.

Фройденберггер считает, что проблема лежит на уровне Эго. Когда человек длительное время живет в соответствии с навязанными стандартами, он начинает отрицать свое истинное Я, в результате чего он теряет связь со своим «собственным подлинным голосом и чувствами» (*Freudenberger, 1982*). С динамической точки зрения, основой такого процесса становится иллюзия нарциссической грандиозности (*Fischer, 1983*). И Фройденберггер, и Фишер считают, что в основе этого стремления лежит страх неполноценности в сравнении с другими. Эти пациенты изнуряют себя отрицанием собственных слабостей и много вкладывают в свою работу, чтобы обрести чувство идентичности (*Freudenberger, 1982; Fischer, 1983*).

Лакан отмечает, что в случае нарциссической идентификации идеализируемый объект сначала возвышается, преодолевая нарциссический недостаток, – только для того, чтобы отразить субъекту идеализированный образ его Эго, но в процессе идеализации объект интересен и привлекателен только до тех пор, пока он дает желаемое отражение. Цель возвышения состоит в том, чтобы отразить желаемый образ самого себя. Посредством идеализации у человека создается впечатление, что его идеальное Эго

находится в пределах досягаемости. Это идеальное Эго следует понимать как успешную версию самого себя. В этом воображаемом процессе всегда присутствует самообман. Человек обманывает себя, поскольку субъективная нехватка остается на заднем плане (*Vanheule, 2002*).

Согласно Фрейдю (1914), идеализация возможна как в отношении Эго-либидо, так и в отношении объектного либидо. Люди, уязвимые к истощению из-за нарциссизма, похоже, считают своим объектом собственное Эго. Они обещают себе великое будущее, чтобы победить свои повседневные невзгоды. Таким образом, они нацелены на восстановление нарциссической полноты. Более того, они склонны использовать свою работу (например, контакты с пациентами) для создания нарциссически приятных переживаний (*Cooper, 1986; Grosch, Olsen, 1994*).

Фрейд пишет, что «формирование идеала усиливает требования Супер-Эго и является самым мощным фактором, способствующим вытеснению».

Фрейд указывает, что идеализация увеличивает притязания Супер-Эго. Поскольку Супер-Эго сообщает Эго, что разрыв между фактическим Эго и идеальным Эго сохраняется, следует ожидать истощения, когда человек чрезмерно идеализирует себя посредством своей работы и, соответственно, пытается походить на эту идеализированную картину.

Лакан относит идеализацию к воображаемому процессу (*Lacan, 1992*), при помощи которого субъект идентифицирует себя с объектом, для того чтобы преодолеть свою внутреннюю пустоту. Сначала объект перевозносится, а затем ожидается, что этот идеализированный объект будет отражать образ завершенности, возвращаемый субъекту. Таким образом, субъект предвкушает чувство завершенности.

В процессе идеализации объект интересен и привлекателен только до тех пор, пока он дает желаемое отражение. На самом деле объект всегда имеет нарциссические корни. Субъект отождествляется с отражающим объектом и на этом пути предвкушает чувство завершенности. Цель состоит в том, чтобы отразить желаемый образ самого себя. Таким образом, идеализирующий человек амбициозен; он хочет допустить субъективную ситуацию полноты. Он строитель воздушных замков. Посредством идеализации у человека создается впечатление, что его идеальное Эго находится в пределах досягаемости. Он будет чувствовать себя цельным и уверенным в себе, потому что его ждет славное будущее. В этом воображаемом процессе всегда присутствует самообман. Испытуемый обманывает себя, поскольку субъективная нехватка остается на заднем плане.

Многие исследования выгорания акцентируют внимание на нарциссическом характере процесса, но современные авторы отмечают влияние внешних культурных факторов и мазохистических защит.

Люди, подверженные истощению из-за мазохистического подчинения, кажется, идеализируют другого как объект. При этом стремясь исполнять то, что, как они думают, хочет от них Другой. Тем самым они как бы становятся решением проблемы Другого. Человек считает, что он является тем, чего недостает Другому, это предполагает идеализацию на уровне субъекта.

Бергер отмечает тревожное взаимодействие между требовательной средой и тенденциями самонаказания и страха наказания у людей с эмоциональным выгоранием. Самонаказующих людей легко соблазнить изнурять себя работой. Вне зависимости от того, насколько они стараются выполнять свою работу, их Супер-Эго, которое выражает волю руководителя, постоянно будет указывать на то, что их выполнение рабочих функций не является в достаточной мере хорошим результатом (*Berger, 2000*).

Психоаналитики в целом приходят к заключению, что профессионалы, склонные использовать мазохистические и нарциссические защиты, будут наиболее расположены к выгоранию. Личности нарциссические склонны к выгоранию из-за идеализации объекта, что имеет тенденцию терпеть неудачу. Мазохистические личности склонны к выгоранию в той мере, в какой они становятся в положение жертвы. Они жалостливы к себе и «готовы обречь себя на относительно безрадостное профессиональное существование, чтобы отвести внутренний упрек в адрес своего таланта или мастерства» (*Cooper, 1986*). Они с легкостью истощают себя работой.

В отличие от нарциссических личностей, такое истощение возникает не из-за стремления произвести идеальный образ. А вероятнее всего это является результатом безмерной преданности кому-то и покорности воле и потребностям руководителя или любого значимого Другого.

Купер считает, что нарциссическая и мазохистическая патологии тесно взаимосвязаны. Их объединяет безмерная подчиненность, зависимость от кого-то, через которую они выполняют свое призвание. Для Фрейда такой односторонний либидозный выбор подразумевает субъективную опасность. «Как осторожный бизнесмен избегает вкладывать весь свой капитал в одно предприятие, так, возможно, житейская мудрость советует нам не искать полного удовлетворения в одном стремлении». Вследствие нарциссической идеализации и рабского подчинения люди, расположенные к выгоранию, надеются получить полное удовлетворение от своей профессиональной деятельности (*Hallsten, 1993*). Как в нарциссической, так и в мазохистической патологии такой процесс способен вызвать истощение, так как люди принимают свои стремления за истинные. Такой подход становится явным во взаимоотношениях с другими людьми. Негативную оценку, критику и отрицательные высказывания значимых коллег или клиентов они могут счесть за агрессию, нападение, ощущая это крайне болезненно (*Vanheule, 2003*).

Клинико-эмпирический материал свидетельствует о том, что эти люди чрезмерно увлечены своей работой и хотят выполнять свою работу идеально, чтобы достичь желаемого имиджа себя – быть идеальным или лучшим. В этом кроется воображаемая ожидаемая завершенность Эго. Более того, в своем стремлении эти люди, кажется, имеют ясное представление о том, как все должно идти. Они располагают воображаемым сценарием, в котором они, как и другой, играют определенную роль. Они хотят быть лучшими, первыми, теми, кого предпочитают другим. Поэтому им нужна

уверенность в том, что их любят и ценят. От людей, вовлеченных в эту динамику идеализации, следует ожидать истощения, поскольку невозможно достичь зеркального отражения.

Применяя эти идеи в отношении субъектов к их работе, можно предположить, что субъект будет заниматься определенной работой надолго, только если эта работа обещает реализовать идеал Эго. Работа имеет привлекательную ценность только в том случае, если предполагается, что она обладает потенциалом для реализации желаемого способа отношения к большому Другому. Эта искомая связь – отношения, желаемые с точки зрения Идеала Эго.

Для таких людей характерна попытка стереть себя ради других. Они чувствуют, что другой чего-то от них хочет, и пытаются удовлетворить это желание. Они пытаются быть тем, чего не хватает другому, воплощая, насколько это возможно, ту роль, которую, по их мнению, другие ожидают от них. Можно заметить, что эти люди – перфекционисты и их не устраивают частичные ответы. Они убеждены, что их долг – удовлетворять желания других людей. С точки зрения Лакана, подобная система вступления во взаимоотношения соответствует рабу, который служит господину насколько совершенно, насколько это возможно, при этом отождествляя себя с ролью слуги.

Люди в этом процессе ощущают собственную неэффективность, опустошенность, происходит стирание границ между собой и другими, они жалуются на недомогание и истощение. Становится сложно разграничить личное время и рабочее. Выполнение рабочих функций требует больших усилий. Профессиональные трудности они трактуют как признаки личных неудач.

Психоаналитики в целом согласны с тем, что работа связана с реализацией идеалов и идентификацией.

2. Выгорание как результат признания недействительным Идеала Эго по отношению к значимому Другому

Во втором динамическом подтипе выявленные особенности следует определять, исходя из психоаналитической идеи об Идеале Эго, согласно которой Идеал Эго теряет свою посредническую функцию между субъектом и Другим. Можно допустить, что из-за подобной потери субъект теряет уверенность в своей идентичности по отношению к объекту. С экономической точки зрения необходимо отказаться от первоначального вложения в Идеал Эго. Это может привести к болезненным состояниям, которые могут оказаться близки к депрессии.

Основываясь на интервью, которые соответствуют этому второму динамическому подтипу, Ванхеле делает вывод, что выгорание может возникнуть, когда в контексте работы у человека создается впечатление, что тот, от которого он ожидает признательности, нападает на Идеал Эго субъекта. В этом процессе идеализированное сообщение, исходящее от Другого, внезапно вызывает недоумение и лишается своей

посреднической функции. Те вложения, которые субъект сделал в идеал, теперь ему кажутся высмеянными Другим. Поскольку именно посредством Идеала Эго субъекты обретают чувство единства, вопрос об Идеале Эго жестоко ставит субъекта перед лицом изначального отсутствия у него идентичности. Согласно Лакану, чистыми результатами являются чувства деперсонализации и субъективной дезинтеграции всякий раз, когда субъект больше не может держаться за свой Идеал Эго. В этом случае субъект теряет идентичность, поскольку он совершенно теперь не понимает, что Другой хочет от него и что ему необходимо делать. И вместе с тем он теперь больше не понимает, кем он сам приходится по отношению к Другому (*Vanheule, 2001*).

Поскольку именно через Идеал Эго субъект обретает чувство единства, сомнение и исчезновение Идеала Эго сталкивают субъекта с недостатком себя и Другого. В этом случае можно ожидать чувства деперсонализации и тревоги.

Это подтверждается результатами исследований, согласно которым люди с выгоранием воспринимают других как источник угрозы и интерпретируют критические мнения других как свидетельство собственной несостоятельности.

Утрачивая часть своей идентичности по отношению к этому Другому, субъект встречается с ощущением внутренней пустоты.

Другой, ранее считавшийся благоприятным, которому можно было доверять, теперь внезапно становится угрожающим. Другой выглядит как жестокий человек, действующий за счет субъекта и которому полагается недозволенное наслаждение. Эта динамика дает объяснение этому наблюдению: когда Идеал Эго подвергается радикальному сомнению, Другой появляется как угрожающий агент.

Это может выражаться в таких фразах, как «меня обманывают, используют, эксплуатируют, я обижен и безразличен, ощущение безнадежности».

Обесценивание Идеала Эго может проявиться как постепенно, так и внезапно. Этот подтип характеризуется клинической картиной, в которой человек прекращает «попытки добиться успеха в ситуациях, которые кажутся безнадежными» (*Farber, 2000*). У людей, которые со временем утратили Идеал Эго, формируется ощущение, что их мотивация опиралась на иллюзию. Теперь им кажется неуместным делать то, что они делали прежде.

Если сравнить этот подтип с первым, описанным выше, можно сказать, что пациенты первого типа все еще цепляются за свой Идеал Эго и становятся истощенными из-за своей попытки осознать невозможное. Напротив, пациенты второго подтипа сдались – это сам Идеал Эго теряет свою функцию. Следовательно, этот подтип оказывает более серьезное влияние на субъективное переживание идентичности, хотя и ограничивается профессиональной областью.

В этом процессе люди чувствуют разочарование, они теряют желание инвестировать в свою работу, они чувствуют бессмысленность в своих действиях и безнадежность, может вырасти подозрительность. Это может

выражаться следующими словами: «меня не принимают во внимание, руководитель недоволен мной, у меня больше нет уверенности в себе».

3. Выгорание как результат торможения из-за несовместимых импульсов

Склонность относиться к пациентам/клиентам безлично и отстраняться от близости, при этом поступая с ними как с объектами. Эти признаки являются примером торможения, которое встречается у выгоревших профессионалов (*Maslach, Jackson, 1981; Maslach, Schaufeli, 1993*).

Ванхеле заметил, что все опрошенные выгоревшие профессионалы не могут мириться со своей собственной амбивалентностью. Он заключает, что это приводит к торможению. С помощью этого защитного механизма можно избежать ситуаций, которые могут вызвать неприятные чувства.

Торможение следует понимать как особую операцию, посредством которой субъективная идентичность по отношению к Другому сохраняется. В этом основное отличие от предыдущего подтипа. С другой стороны, попытки реализовать Идеал Эго прекращаются. В отличие от первого подтипа здесь прекращается стремление субъекта к Другому.

Согласно Фрейду, невротическое торможение – это «выражение ограничения Эго-функции». Работа – одна из этих функций Эго. На феноменологическом уровне множество нарушений в выполнении какой-либо функции можно рассматривать как запреты. Примеры, которые приводит Фрейд, включают уменьшение удовольствия от выполнения функции, снижение способности выполнять функцию или негативные реакции (например, тревога) при выполнении функции.

Запреты обычно основаны на динамическом процессе защиты. Фрейд объясняет, как тормозящее Эго уклоняется от функции, для того чтобы не встретиться с конфликтом, который связан с противостоянием внутренних стремлений: внутри Эго и противоречащим влечением. Человек избегает этого конфликта и уменьшает связанную с ним Эго-функцию. Получается, что влечение давит через функцию, но это противоречит идеационному контексту Эго, то есть субъективной идентичности. Не выдерживая это давление, Эго уклоняется от функции, чтобы была способность сохранять субъективную идентичность. Такое самоограничение говорит нам о скрытом конфликте. Следовательно, личность как таковая остается неизменной, потеря касается функционирования. Это может, например, снизить производительность труда.

Для Лакана торможение является следствием введения желания в функцию, которое отличается от желания, которое функция обычно удовлетворяет (*Lacan, 1992*).

При деперсонализации или физическом и/или умственном уходе от контактов с пациентами, клиентами, коллегами человек отказывается делать то, что он раньше ценил или по-прежнему ценит, сознательно. Фрейд определяет основной источник запретов как избегание сексуальных и враждебных импульсов. Человек отказывается от деятельности, поскольку ее выполнение выражает импульсы, от которых он хочет убежать.

В некоторых своих заметках Фрейд размышлял о проблеме торможения в работе и интеллекте. Здесь он связывает торможение с неудовлетворительной природой влечения. «Для полной разрядки и удовлетворения всегда чего-то не хватает». По его словам, торможение – это реакция на неудовлетворенность.

Торможение – это попытка убежать от болезненной встречи со своими собственными амбивалентными чувствами, т. е. с внутренним конфликтом. Торможение предотвращает формирование симптомов, которые позволили бы символически выразить конфликт. Торможение – это попытка убежать от конфликта, и оно может предшествовать вытеснению.

Фактически торможение подразумевает двойное избегание. С одной стороны, это стратегия избегания репрессий, но с другой – предотвращение репрессий уже само по себе является избеганием. В конце концов, подавление – это стратегия, позволяющая избежать влечения, провоцирующего тревогу, путем привязки его к смыслу. Симптом – это ответ на вызывающую тревогу загадку, которую влечение подразумевает для субъекта. Этот ответ обречен на неудачу, поскольку подавленный импульс постоянно возвращается. Более того, с симптомом импульс получает некоторое удовлетворение.

Рассматриваемый конфликт – это конфликт между двумя внутренними тенденциями: с одной стороны, у нас есть тенденция внутри Эго (например, желание делать добро), а с другой стороны, противоречащий импульс (например, желание плохо обращаться с другим). Субъект предпочитает избегать этого конфликта и ограничивает связанную с ним Эго-функцию. Это самоограничение, следовательно, служит указанием на скрытый конфликт, которого нужно избежать. Деперсонализацию можно понимать как эффект запрета, когда профессионал отказывается от столкновения со своими дурными наклонностями по отношению к клиентам. Лакан не связывал фрейдистское торможение с отказом от заботы, но он указывает на аналогичные механизмы: «Соппротивление заповеди "люби ближнего как самого себя" и сопротивление, которое прилагается, чтобы помешать его доступу к удовольствию. Я отказываюсь любить своего ближнего как самого себя, потому что есть что-то, что вовлечено в какую-то форму невыносимой жестокости. В этом смысле любовь к ближнему может быть самым жестоким выбором» (Lacan, 1992).

Эмоциональное истощение с психоаналитической точки зрения

С психоаналитической точки зрения истощение можно рассматривать как энергетическое следствие двух механизмов. С одной стороны, постоянно подчиняясь все возрастающим командам Супер-Эго, человек истощается, поскольку неизбежно, что, несмотря на все усилия, идеал никогда не будет достигнут. Это может привести к чувству бессилия и подчинению. С другой стороны, истощение можно ожидать как следствие подавления противоречивых импульсов посредством торможения. Согласно Фрейду, подавление аффектов, несовместимых с Эго, истощает Эго. В этом случае Эго «теряет столько энергии, которая находится

в его распоряжении, что ему приходится сокращать ее расход сразу во многих точках». Непрерывная защита потребляет психическую энергию (*Vanheule, 2001*).

Подобного истощения также следует ожидать в результате радикального сжатия Идеала Эго, приводящего к утрате идеала. Согласно Фрейдю, такая потеря приведет к работе горя, которая поглощает Эго: «Все либидо должно быть изъято из его привязанности». Эта работа оплакивания также истощает человека, поскольку потребляется большая часть доступной психической энергии. Если следовать этой цепочке рассуждений, неудивительно, что после завершения работы горя можно потерять интерес к деятельности, которая вначале была связана с идеалом (например, оказание профессиональной помощи). В конце концов, как только идеал потерян, ничто больше не связывает человека с предполагаемой деятельностью (*Vanheule, 2001*).

Различие выгорания от депрессии

Важно отметить, что выгорание часто сравнивают с депрессией, ведь симптомы этих состояний действительно во многом схожи.

Стейн Ванхеле отмечает, что депрессия, как и выгорание, может быть спровоцирована потерей на уровне Идеала Эго. Когда Идеал Эго обесценивается, недостаток как в человеке, так и в Другом выходит на первый план. Такой недостаток – это тревожная внутренняя пустота в символике, с которой субъект сталкивается как в состоянии выгорания, так и в состоянии депрессии. Но исследования показывают, что в случаях выгорания, в отличие от депрессии, всегда преобладает Другой как сущность, доставляющая удовольствие. Субъект выгорания в значительной степени проецирует пережитое недовольство на Другого, которого обвиняет в потере на уровне Идеала Эго (*Vanheule, 2003*).

В депрессии происходит наоборот, в связи с тем что депрессивный субъект склонен винить себя в том, что что-то идет не так. В депрессии человек приписывает себе испытываемую странность, при этом он обеспокоен странным внутренним наслаждением. Следовательно, на воображаемом уровне мы наблюдаем снижение самооценки и дезинтеграцию прежнего представления о себе. Более того, как следствие типичных прогнозов, выгорание более локализовано в одной сфере жизни, в то время как депрессия имеет более общий характер (*Maslach, Schaufeli, 1993*). Выгоревший субъект может обвинять одного конкретного Другого в одном конкретном контексте, таким образом защищая себя в других областях. В депрессии дело обстоит иначе.

Профилактика и работа с выгоранием

Для работы с выгоранием в организациях интересно рассмотреть социоаналитические методы. По мнению Джима Кранца, все социоаналитические методы имеют одну общую линию – все они направлены на создание рефлексивных пространств в группах и организациях. Рефлексия и

анализ рабочей культуры могут дать возможность открыть новые знания и понимание организации, которые позволят людям приобрести глубокое понимание системных факторов и бессознательных процессов, которые способствуют образованию выгорания. Социоанализ давно признал, что индивидуальное и организационное развитие неразрывно связаны. Понимая системы, в которых работают люди, специалисты по социоанализу научаются распознавать то, что лежит в глубине и влияет на их способность выполнять свою рабочую функцию (Кранц, 2021).

Социоанализ строится на понимании, что организационный мир находится между системной теорией и психодинамикой.

К части психодинамики относятся те психоаналитические концепции, которые дают понимание бессознательных аспектов индивидуальных, групповых и социальных процессов. Бессознательные процессы могут значительно воздействовать на производительность организации, а также на эмоциональное и психологическое состояние ее сотрудников, в том числе на возникновение выгорания сотрудников.

Лежащие на поверхности организационные сложности на самом деле могут выражать неосознаваемые эмоциональные конфликты. Устранение симптомов ничего не дает и даже может усложнить ситуацию, потому что симптомы могут являться защитой от тревог, вызванных истинными проблемами. Осознание и решение скрытых конфликтов и тревог может оказать влияние на функционирование организации в целом, а также на эмоциональное благополучие ее сотрудников.

Социоаналитический подход подразумевает, что мышление клиента развивается в результате совместного исследования во взаимодействии клиент – консультант. Каждый привносит свой опыт в решение проблемы. Для понимания и решения проблемы в работе используются перенос и контрперенос.

С целью создания условий для такого взаимного исследования следует провести анализ культуры, собрав необходимые данные, выдвинув гипотезы, создав рабочие заметки и определяя последующий диалог. Также в основе социологических методов лежит создание творческого рефлексивного пространства в организациях.

Для сбора данных чаще всего проводят серию интервью (возможно, как групповых, так и индивидуальных). Это может быть дополнено просмотром архивных материалов; наблюдением за встречами и другими важными событиями; исследованием проблем, связанных с используемыми технологиями, и т. д. Также могут быть использованы проективные методы.

Целью сбора данных является разработка гипотез, которые будут активировать рефлексивность и рассуждения, о которых клиент ранее не догадывался в контексте данной ситуации. Эти гипотезы могут выявить несоответствия, они позволяют связывать данные иначе, что создаст возможность взглянуть на ситуацию под другим углом.

Эти исследования помогают клиенту обрести более цельное осознание проблем, что может иметь важное значение для преодоления выгорания.

Часто в организациях проводится ложное разделение между человеком и организацией. По мнению Кранца, создание рефлексивного пространства важно тем, что в такой среде люди могут размышлять о своем опыте и использовать свой опыт в понимании задач, своей роли и организационной системы. Благодаря этому люди действуют из депрессивной позиции, что приводит их к более глубокому взаимодействию с самими собой и своими коллегами и дает им более полную картину их способностей, и в то же время это позволяет приблизить их ожидания к реальности.

Также рефлексия помогает в управлении организационными изменениями. Изменения внешней среды оказывают влияние на организацию в целом и на психологическое состояние ее участников. Если происходит отрицание потерь, работа горя не может быть эффективно пройдена, в связи с этим люди не могут принять новые данные. В этом случае рефлексия помогает открыть новые возможности для решения проблем.

Рефлексия дает возможность людям лучше понять свою организацию, более полно осознать сложные динамические силы, с которыми им приходится справляться. У организаций появляется больше возможностей влиять на психическое истощение или удовлетворение сотрудников.

Рефлексивное пространство создает возможность посмотреть на ситуацию по-новому, оно дает более полное внутреннее представление о системе, в которой работают люди, что способствует более ясному пониманию факторов, которые формируют и влияют на их идентификацию на работе. Это помогает тревогу преобразовать в знания и осмысленные действия, появляется возможность связать интуитивную часть опыта с целенаправленным организационным поведением (Кранц, 2021).

Вывод эмпирической части исследования

В ходе эмпирической части проведено исследование организации с высоким показателем выгорания сотрудников. Была рассмотрена структура организации; изучены внешний и внутренний контекст, особенности рынка, где работает компания, история организации, организационные факторы, приводящие к выгоранию сотрудников, организационные последствия выгорания. Были проведены индивидуальные интервью с выгоревшими сотрудниками компании и произведен анализ результатов этих интервью.

Респонденты также прошли тест на выгорание FADE от «Экопси». На основании ответов тест FADE формирует отчет, отображающий результаты, из которых мы узнаем не только уровень профессионального выгорания сотрудника, но также какие из его рабочих потребностей находятся в зоне неудовлетворенности. Тест оценивает компоненты выгорания и его причины. С помощью теста было измерено четыре компонента выгорания: недовольство условиями (неудовлетворенность условиями работы), отстраненность от организации (безразличие или негативное отношение к организации), эмоциональная усталость (чувство истощения, желание заниматься чем-то другим), формализм (формальное отношение к своим задачам). На основании результатов теста сформирован

график, отображающий уровень удовлетворенности рабочих потребностей сотрудника и уровень значимости каждой из них для него. Выявлены потребности, которые значимы, но не удовлетворены.

В результате анализа проведенной работы были выявлены последствия выгорания сотрудников, отразившиеся на производительности и репутации организации, а также возможные организационные факторы, влияющие на возникновение выгорания у сотрудников.

В ходе проведения и анализа интервью удалось рассмотреть, как внутренний конфликт влияет на возникновение выгорания.

Клиентский кейс 1 показал, как, реализуя свою внутреннюю нехватку в любви и принятии, клиентка формирует идеальный образ себя и через служение и удовлетворение потребностей значимого другого стремится наполнить свой внутренний дефицит. Столкнувшись с обесцениванием значимого другого, она теряет свою идентичность, вследствие чего возникает чувство внутренней пустоты и истощения.

В клиентском кейсе 2 удалось увидеть у клиента сильное, но неудовлетворенное желание признания со стороны авторитетных других, при этом он считал, что другие ожидают от него совершенства. Чтобы получить признание, он стремился к тому, чтобы выполнять свою работу идеально. Но в то же время ощущал, что авторитеты не верят в его профессиональную компетентность. И чем больше его хвалили, тем больше он ощущал собственную недостойность и неэффективность и тем больше старался достичь идеала. В итоге эта гонка за идеальным образом себя привела к чувству истощения и последующему снижению производительности и вовлеченности.

Эмпирическое исследование согласуется с теоретическими выводами о том, что для эффективной работы с выгоранием необходимо понимание бессознательных аспектов индивидуальных, групповых и социальных процессов. Бессознательные процессы могут значительно воздействовать на производительность организации, а также на эмоциональное и психологическое состояние ее сотрудников, в том числе на возникновение выгорания сотрудников. А также становится понятно, что индивидуальные и организационные процессы неразрывно связаны.

Заключение

В данной статье были исследованы существующие психоаналитические концепции выгорания. Во многих теоретических концепциях принимается какой-то один главный аспект выгорания. Анализ разных точек зрения на выгорание, а также анализ интервью выгоревших специалистов приводят нас к важному выводу, что есть различные динамические процессы, вызывающие выгорание, и схожие симптомы могут говорить нам о разной динамике его возникновения.

Ограничивая анализ возможных причин выгорания только организационной средой, мы можем столкнуться с ложными интерпретациями, которые могут увести от реальной причины выгорания. Выгорание возникает

в результате определенной совокупности организационных и личностных факторов, которые могут являться индивидуальными для каждого индивида.

Исследование психоаналитических аспектов выгорания и анализ эмпирического исследования дают нам понять, что в основе выгорания лежат проблемы формирования субъектности, которые приводят к кризису идентичности в интересующих взаимодействиях. Это говорит о том, что причины выгорания лежат не только в профессиональной плоскости. Психоаналитические концепции отражают глубинный аспект этого явления, связанный с конфликтом между сознательными потребностями и бессознательными стремлениями.

На основе этого психоаналитического анализа было сделано два важных вывода. Во-первых, выгорание следует понимать как проблему, возникающую во взаимоотношениях между субъектом и Другим и, таким образом, влияющую на идентичность субъекта. Во-вторых, терапевтические вмешательства должны быть направлены на проблему идентичности в отношениях субъект – Другой и особенно на ее повторение во время переноса.

В случаях эмоционального выгорания вмешательство и работа с выгоранием не должны сосредотачиваться исключительно на напряженности работы как таковой. Важно для клиента создать пространство, в котором возможно приобрести глубокое понимание системных факторов и бессознательных процессов, которые способствуют образованию выгорания.

После рассмотрения психоаналитических концепций выгорания и теорий в других направлениях психологии становится понятно, что результаты этих исследований не противоречат друг другу, а, напротив, во многом согласуются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кранц Дж.* (Анализ организационной культуры и рефлексивное пространство / Пер. с англ.: А. Гудкова, науч. ред. Е. Шаповалова // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Том II. № 2. С. 131–150.
2. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. / Пер. с нем. Г. В. Барышникова. М.: АСТ, 2019. С. 608.
3. *Berger B.* (2000) Prisoners of Liberation: A Psychoanalytic Perspective on Disenchantment and Burnout among Career Woman Lawyers. *Journal of Clinical Psychology*, 665–673.
4. *Cooper A. M.* (1986) Some limitations on therapeutic effectiveness: The «burnout syndrome» in psychoanalysts. *The Psychoanalytic Quarterly*, 576–598.
5. *Cordes C. L., Dougherty T. W.* (1993) A review and an integration of research on job burnout. *Academy of Management Review*, 621–656. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/254935115_A_Review_and_an_Integration_of_Research_on_Job_Burnout
6. *Farber B. A.* (2000) Treatment Strategies for Different Types of Teachers Burnout. *Journal of Clinical Psychology*, 675–689. [Электронный ресурс]

- https://www.researchgate.net/publication/319317345_Treatment_strategies_for_different_types_of_teacher_burnout
7. *Firth H., McIntee J., McKeown P., Britton P. G.* (1985) Maslach Burnout Inventory: Factor structure and norms for British nursing staff. *Psychological Reports*, 147–150.
 8. *Fischer H. J.* (1983) A psychoanalytic view of burnout. In *Stress and Burnout in the Human Service Professions*. New York: Pergamon, 40–46.
 9. *Freudenberger H., Richelson G.* (1990) *Burn-Out: How to Beat the High Cost of Success*. New York: Bantam Books.
 10. *Grosch W. N., Olsen D. C.* (1994) *When helping starts to hurt: A New Look at Burnout Among Psychotherapists*. W W Norton & Co Inc, 189.
 11. *Hallsten L.* (1993) Burning out: a framework, in W. Schaufeli, C. Maslach and T. Marek (eds). *Professional Burnout: Recent Developments in Theory and Research*. Washington, DC: Taylor & Francis, 95–114. https://www.researchgate.net/publication/306203099_Burning_out_A_framework
 12. *Lacan J.* (1992) *The Seminar of Jacques Lacan, Book VII, The Ethics of Psychoanalysis*. Routledge, 352.
 13. *Maslach C., Jackson S. E.* (1981) The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 99–113. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/227634716_The_Measurement_of_Experienced_Burnout
 14. *Maslach C., Schaufeli W.B.* (1993) Historical and conceptual development of burnout, in Schaufeli W.B., Maslach C. and Marek T. (Eds), *Professional Burnout: Recent Developments in Theory and Research*. Taylor & Francis, Washington, DC, 1–16. [Электронный ресурс] <https://www.wilmarschaufeli.nl/publications/Schaufeli/043.pdf>
 15. *Pines A. M., Yanai O. Y.* (2001) Unconscious determinants of career choice and burnout: Theoretical model and counseling strategy. *Journal of Employment counseling*, 170–184. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/264509235_Unconscious_determinants_of_career_choice_and_burnout_Theoretical_model_and_counseling_strategy
 16. *Vanheule S.* (2001) Burnout: Literature Exploration from a Clinical Psychology Perspective. *Journal of Clinical Psychology*, 132–154. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/293028990_Burnout_literatuurexploratie_vanuit_een_klinisch_psychologisch_perspectief
 17. *Vanheule S.* (2002) Qualitative research and its relation to Lacanian psychoanalysis. *Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society*, 336–342. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/237774835_Qualitative_Research_and_Its_Relation_to_Lacanian_Psychoanalysis
 18. *Vanheule S., Lievrouw A., Verhaeghe P.* (2003) Burnout and Intersubjectivity: A Psychoanalytical Study from a Lacanian Perspective. *Human Relations*. 321–338. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/241128282_Burnout_and_Intersubjectivity_A_Psychoanalytical_Study_from_a_Lacanian_Perspective

Psychoanalytic Aspects Of Emotional Burnout

M. Yu. Stavisskiy, A. V. Zakhariuta

Stavisskiy Mikhail Yu., Master of Business Administration, Master of Psychology, Master of Economics and Finance, psychoanalytically-oriented business consultant, supervisor, member of the Expert Council of the National Federation of Coaches and Mentors.

Zakhariuta Anastasiia V., Master of Psychology, psychoanalytically-oriented business consultant.

Emotional burnout is a popular concept in the modern world. To date, the main object of studying burnout has been its symptomatic side. As a rule, definitions are reduced to combining symptoms that arise in the context of work activity. This article presents the psychoanalytic aspects of burnout with a study of existing psychoanalytic concepts of burnout conducted. Based on the analysis of different points of view on burnout, as well as the analysis of interviews with burned-out specialists, we traced the causal dynamics of burnout in the relationship between one agent and another. There are various dynamic processes that cause burnout and similar symptoms can tell us about different dynamics of its occurrence. In the course of the study we came to an important conclusion that burnout occurs as a result of a certain set of organisational and personal factors that may be individual for each person. Psychoanalytic concepts reflect the deeper aspect of the phenomenon of burnout associated with the conflict between conscious needs and unconscious aspirations.

Keywords: emotional burnout, burnout, psychoanalytic aspects, psychoanalysis, psychoanalysis of organisations.

Контейнирование как базовая способность фаундера, необходимая для успешного построения стартапа и выдерживания высокого уровня неопределенности, тревоги и страха

*Ю. Б. Сошникова, М. А. Васильева,
М. Ю. Стависский*

Сошникова Юлия Борисовна – магистр психологии, психоаналитически ориентированный бизнес-коуч, организационный консультант, психолог.

Васильева Марина Алексеевна – магистр психологии, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, предприниматель.

Стависский Михаил Юрьевич – магистр делового администрирования, магистр психологии, магистр экономики и финансов, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, супервизор, член экспертного совета Национальной федерации коучей и менторов.

В статье рассмотрена способность к контейнированию как базовая функция для выдерживания фаундером высокого уровня неопределенности, тревоги и страха и ее важность для построения успешного стартапа. Также в статье уделяется внимание важности осознания эмоций в бизнесе при принятии стратегических решений, особенно осознания тревоги и страха, которые могут приводить к дисфункциональному поведению лидера. Авторы выделяют также несколько способов создания контейнирующей атмосферы в стартапах и проявления контейнирующего поведения фаундера. Статья основана на концепциях Уилфреда Биона и Мелани Кляйн.

Ключевые слова: контейнирование, неопределенность, стартап, фаундер, лидерство, тревога, страх, выгорание.

Стартап отличает функционирование в условиях высокого уровня неопределенности. Это, в свою очередь, означает, что фаундер и его команда должны выдерживать высокий уровень тревоги.

Фаундеры испытывают мощное психологическое давление. Они выходят за рамки обычного круга сложных задач, сложных вопросов, связанных с людьми, и высоких рабочих нагрузок. Им свойственно предъявлять высокие требования к своим последователям, что может усилить сильное внутреннее чувство ответственности. Они должны создавать уверенный образ, но при этом имеют мало возможностей без ущерба для своего Я делиться своими сомнениями и уязвимостями. Стратегические ситуации характеризуются сверхвысоким уровнем неопределенности, основанным на непредвиденном характере будущего. Это влечет за собой естественные эмоциональные реакции человека, такие как страх и тревогу, зачастую гипертрофированные.

Мы понимаем, что эмоции играют значительную роль в принятии решений человеком, однако при принятии стратегических решений влияние эмоций, особенно неконтролируемых негативных, таких как страх и тревога, по-прежнему табуировано. К настоящему времени психоаналитические исследования убедительно свидетельствуют о том, что ситуации, характеризующиеся неопределенностью и парадоксальными конфликтами, вызывают очень специфический набор эмоциональных и поведенческих человеческих реакций, связанных со страхом и тревогой. Поскольку неопределенность и парадокс являются характеристиками стратегических проблем, предположение о том, что страх и тревога играют ведущую роль в принятии стратегических решений, не является надуманным.

И тут мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, есть стереотипное представление, что решения нельзя принимать, исходя из эмоций, а с другой, фаундер практически постоянно живет с ощущением тревоги и страха. Это означает, что фаундер не может не принимать решения, отчасти основанные именно на эмоциях. Возникает закономерный вопрос: что делать фаундеру? Ведь в реальности он не должен транслировать условно негативные эмоции – это скажется на процессе, но и выключить их он не может. Но, с третьей стороны, именно тревога и страх позволяют правильно, адекватно реагировать на жизненные ситуации, но для этого они должны быть «правильно прочитаны, опознаны».

Высокий уровень неопределенности, амбивалентности происходящего вызывает у людей две основные реакции: страх и стремление к контролю. Как правило, страх вызывается внешними или внутренними угрозами и вызывает такие ответные действия, как нападение, защита (драка) или отступление (бегство). Эти угрозы могут быть реальными или предполагаемыми рисками для физической, экзистенциальной или эмоциональной неприкосновенности. В контексте бизнеса физические атаки не играют существенной роли, но важны экзистенциальная и эмоциональная неприкосновенность. Обе в некотором роде имеют дело с самооценкой и, следовательно, с идентичностью. Экзистенциальные угрозы могут быть связаны с деньгами, домом и одеждой и иметь физические последствия, в то время как эмоциональные угрозы труднее определить.

В частности, неопределенность – незнание того, что принесет будущее – может восприниматься как угроза. До определенного уровня разницы (понимаем, что у каждого свой) между изученным и новым люди реагируют с любопытством и желанием исследовать. Тем не менее, когда эта разница увеличивается до определенного уровня, первыми реакциями становятся отступление и отказ, что впоследствии может привести к экзистенциальному страху, потере способности действовать и потере контроля. Страх, особенно экзистенциальный, вызванный столкновением с вероятным крахом компании и необходимостью стратегических изменений, вероятно, присутствует у топ-менеджеров в процессе разработки стратегии.

Что происходит, когда эмоциональное давление становится слишком большим? Невыносимый уровень тревоги подталкивает их к неумелому или дисфункциональному поведению. Даже самые опытные лидеры становятся жертвами этого процесса, который может иметь разрушительные и далеко идущие последствия для них самих, их команд и компаний.

Когда лидеры чувствуют угрозу или психологически подавлены, происходит произвольный сдвиг, и они переходят от эффективного, умелого поведения к неумелому, деструктивному поведению.

Неврология показывает, что происходит с физиологической точки зрения. Небольшие миндалевидные скопления нейронов глубоко внутри нашего лимбического мозга реагируют на то, что мы воспринимаем как сигналы опасности, наполняя наши тела адреналином и другими химическими веществами. Это переводит нас в состояние полной боевой готовности, эмоционально и физически, и мы пытаемся, как и другие животные, защитить себя одним из трех способов – драться, бежать или замереть. Этот процесс запускается мгновенно, вне нашего сознания, еще до того, как рациональная часть нашего современного мозга осознает проблему. Эти три защитных механизма тесно связаны с дисфункциональными версиями трех эмоциональных профилей руководителей.

Например, высокоэмоциональные лидеры, сосредоточенные на задаче, склонны вступать в бой. Основной движущей силой их беспокойства является страх потери контроля, связанный с их стремлением к достижению. По мере того как адреналин наполняет их тела, их способность контролировать свое поведение снижается. Их энергия больше не направляется конструктивно на задачу, а изливается на других в виде вспышек гнева, чрезмерной критики, косвенных нападок, раздражительности или нетерпения. Такое плохо контролируемое поведение порождает страх, негодование, недоверие и «культуру обвинения» в их организации.

Дисфункциональное поведение лидеров, ориентированных на отношения, принимает форму бегства. Основной движущей силой их беспокойства является страх потерять одобрение окружающих. Их сочувствие по отношению к коллегам больше не направлено конструктивно на помощь людям в выполнении их задач. Острый дискомфорт, вызванный конфликтными ситуациями в коллективе, приводит к избегающему поведению – они откладывают принятие трудных решений или не могут настоять на своем в важных вопросах. Такое поведение создает неуверенность

и разочарование в их организации, поскольку сотрудники будут чувствовать себя уязвимыми и никем не управляемыми, а внутренние конфликты будут развиваться, чтобы заполнить вакуум власти.

Другой тип лидеров, основной движущей силой беспокойства которых является боязнь эмоционального подавления, становится еще менее эмоциональным и впадает в ступор. Их спокойный и взвешенный подход к делу теперь становится скомпрометированным. Их способность распознавать свои собственные чувства и общаться с другими людьми отключается, они замыкаются в себе эмоционально и часто физически, а окружающие воспринимают их как отдаленных, необщительных и равнодушных. Такое поведение лидеров порождает неуверенность, разочарование и низкий моральный дух в их организации, поскольку сотрудники чувствуют себя проигнорированными и демотивированными.

Тревога и страх являются запретными темами в менеджменте (*Nagel, 2014*), хотя они являются естественными биологическими реакциями на ситуации неопределенности. Типичной ожидаемой реакцией на неопределенность в управлении является осуществление контроля, который понимается как часть роли менеджера. Тем не менее при разработке стратегии планирование часто перекрывает стратегическое мышление (то есть проще сконцентрироваться на плане действий, чем размышлять над разными сценариями будущего компании, особенно если они не очень радужные), которое представляет собой первую, распространенную и институционализированную защитную реакцию на причиняющие боль и страх неопределенность. Безусловно, это происходит потому, что они тесно связаны в мозге, как объясняют нейробиологические исследования: в лобной доле мозга область восприятия тревоги и страха как чувства (сознательного процесса) связана с областью, отвечающей за планирование – компетентность. Человеку необходимо чувствовать, что он контролирует ситуацию, чтобы не возникло беспомощности, беспокойства и депрессии (*Petriglieri et al., 2019*). Менеджеры являются хорошим примером необходимости контроля в условиях неопределенности; их способ борьбы с этим страхом заключается в осуществлении мер контроля и планирования, часто связанных с личным плотным графиком, не оставляющим места для развития или переживания страха и беспокойства. Эти меры планирования и контроля создают иллюзию контроля над ситуацией; они уменьшают лежащий в основе страх, делают менеджера способным к действию (мантра менеджера – действовать) и, кажется, помогают обеспечить экономический успех.

Если чувство страха подавлено, не только индивидуум, но и компания не могут адекватно реагировать на внешние угрозы, вызывающие этот страх. Этими внешними угрозами могут быть, например, изменение рыночных условий, вызванное появлением нового конкурента. Таким образом, подавленный страх может вызвать переоценку положения компании на рынке и недооценку силы и успеха нового участника, что приведет к задержке инновационных усилий.

Фаундер занимает руководящую роль, и перед ним стоит очень четкая задача – давать указания, устанавливать рамки, распределять работу

и отслеживать результаты. Это работа с людьми и для людей – их мотивация, поощрение и развитие, уважение и признание их ценности, другими словами, забота о людях, которые с вами работают. Контейнирование является ключевым моментом для фаундеров в их режиме работы. Контейнирование дает людям ощущение, что «обо мне позаботились» – это особенно важно, когда никто не знает, что делать дальше и каков будет результат работы стартапа. В психологии контейнирование рассматривают как такого рода взаимодействие с другим человеком, которое помогает ему обрабатывать и преодолевать экзистенциальные кризисы.

Что же такое контейнирование в психоанализе? Модель «контейнер – контейнируемое» восходит к Уилфреду Биону, психоаналитику, который сыграл важную роль в развитии группового анализа. Блон, ученик Мелани Кляйн, считается представителем теории объектных отношений, и он разработал среди прочего эту модель, или схему, введя понятия «контейнер» и «содержимое», предполагающую, что к сознательному общению добавляются бессознательные механизмы, такие как проекции, проективные идентификации (см. ниже) и переносы (см. ниже) (*Giernalczyk et al.*, 2013). Эти элементы присутствуют не только в патологическом взаимодействии или с проблемным содержанием, но и постоянно во всех формах общения. Характерно, что они передают бессознательное содержание психики, которое не может быть передано никаким другим способом (см. там же).

Контейнирование часто рассматривают на примере взаимодействия младенца и матери. У ребенка еще нет всех синаптических связей, необходимых для управления сильными эмоциями, такими как страх или гнев. Мать, держа ребенка на руках и будучи настроенной на его болезненные эмоции, снижает тревогу и возбуждение ребенка, перерабатывая аффекты младенца и возвращая их ему в приемлемой форме. Это убеждает ребенка в том, что такие аффекты терпимы. Однако у ребенка есть только незрелые психологические защиты, чтобы справиться с дистрессом, поэтому мать, воспринимая эмоции младенца, также включает в процесс взаимодействия с ним и проекции. Поэтому матери должны сдерживать не только прогнозируемый дистресс своего ребенка, но и свои собственные эмоциональные реакции на него; в идеале они должны использовать зрелые психологические защиты, чтобы управлять этими чувствами. Матери, которые не могут этого сделать, злятся на своих младенцев, когда младенцы расстроены, не справляются со своим состоянием, могут реагировать и враждебно. Это может привести к формированию ненадежной привязанности между ребенком и матерью, что в дальнейшем может способствовать развитию устойчивых паттернов нарушенных межличностных отношений, которые часто присутствуют у людей с пограничным (или эмоционально нестабильным) расстройством личности (*Jarrett M., Vince R.*, 2017).

Схема контейнер – контейнируемое является основой любых человеческих взаимоотношений. Например, ребенок освобождается от элементов содержимого психики, которые не могут быть осмыслены на данном этапе, через механизм проективной идентификации. Контейнер – это

мать, которая принимает это содержимое психики и перерабатывает его. Благодаря своей способности мыслить и осознавать она придает им значение и возвращает их обратно ребенку, который в этой новой форме будет способен «думать» ими. Этот процесс является основой психологического контейнирования, при котором мать предоставляет свой «аппарат для думания мыслями» (*apparatus for thinking thoughts*) ребенку, который постепенно интериоризирует его, становясь все более способным выполнять самостоятельно функцию контейнирования.

Важно понимать, что контейнирование не означает лишь снижения токсичности непереносимых чувств. Существует еще одна важная особенность. Контейнирующая мать также передает ребенку способность к осмыслению, то есть помогает ему создавать мыслительные представления, понимать свои эмоции и определять таким образом то, что происходит. Это помогает ребенку становиться толерантным к отсутствию какой-либо значимой фигуры в ситуации стресса и постепенно укрепляет его способность переносить фрустрацию. Таким образом, ключевые задачи контейнирования – снять напряжение от слишком сильных дестабилизирующих или непонятных, еще неизвестных эмоций, а затем трансформировать происходящее в понятные, мыслимые понятия, знаки, слова, выводы. Фактически здесь мы обращаемся к эмоциональному интеллекту, умению работать с эмоциями, видеть их источники, называть правильно и предполагать дальнейшее поведение. Контейнирование – это общение, двустороннее взаимодействие, включающее восприятие эмоций и умение с ними работать, правильно понимать и верно использовать.

Большинство людей, работающих в стартапах, испытывают страхи и тревоги – независимо от того, говорят они об этом или нет. Испытывая страх, люди нуждаются в утешении и успокоении. Следовательно, важно, чтобы фаундер был видим и доступен как человеческий лидер.

В своей статье Клаудия Нагель предлагает несколько вариантов того, как лидер может проявить контейнирование во времена пандемии. Мы думаем, что эти методы могут быть релевантны и для фаундеров.

1. Показывать себя как человеческого лидера и рассказывать о своих представлениях, надеждах и чувствах. Важно, чтобы люди не только слышали его голос, но и видели его в коллективе. Не обязательно произносить идеальные речи, должно происходить рядовое общение, диалог.

2. Может быть полезно проводить публичный обмен мнениями с другими руководителями компаний, в каком-либо профессиональном сообществе и делиться тем, как происходит решение тех или иных задач в рамках проекта, а также как поддерживается бизнес.

3. Обращаться к эмоциональной стороне сотрудников, клиентов, поставщиков, потенциальных клиентов и т. д.

Со способностью к контейнированию связан и следующий важный момент, вероятно даже ключевой в лидерстве и восприятии лидера командой, – это его способность поступать противоречиво и при этом быть принятым командой. Умение принимать амбивалентность и двусмысленность и работать с дилеммами и парадоксами. Важно не реагировать невротически – как однажды сказал Фрейд, невроз – это неспособность

терпеть двусмысленность. Это означает, что нельзя преждевременно принимать решение или действовать – а ведь беспокойство и страх в большинстве случаев приводят к преждевременному принятию решения и последующим поспешным действиям. А отражающая способность является частью самодостаточности. Управляя своими эмоциями с помощью самосознания и саморефлексии, можно со временем добиться того, что сложные эмоции потеряют свое влияние и будет возможно избегать туннельного видения.

Разносторонность означает способность лидера делать и то, и другое, а именно творчески исследовать новые идеи, но в то же время уметь работать с долгосрочными инвестициями, навык мониторинга и контроля, долгосрочного видения. Это влечет за собой способность принимать решения «и то, и другое» вместо «или-или». Сложные ситуации – а организация и поиск финансирования для стартапа, безусловно, чрезвычайно сложный процесс – требуют такого двустороннего принятия решений.

Отчасти положение фаундера и условия его работы напоминают условия работы психиатра. В руководстве Европейской психиатрической ассоциации о роли и обязанностях психиатров особо подчеркивается, что «одно из основных ожиданий от психиатра – это их способность переносить высокий уровень тревоги в ситуациях значительной неопределенности, сохраняя при этом спокойствие команды и надежду на будущее у пациента, чтобы он мог продолжать работать над своим личным и социальным эмоциональным расстройством» (Gibson, 2019). В связи с этим контейнирование неуверенности, а также беспокойства пациента и клинической бригады является фундаментальной ролью психиатра. Его можно развить только через обучение, рефлексивную практику и опыт оказания психотерапевтической помощи пациентам. Мы считаем, что обучение и рефлексивные практики также будут полезны для фаундеров.

Чтобы фаундеры были наиболее эффективными в своей роли, они должны уметь оценивать эмоциональную и социальную «температуру» и «настроение» ситуаций и реагировать на них, а также создавать атмосферу, которая может контейнировать эмоции команды и позволять ей безопасно выражать свои эмоции (O'Sullivan, 2014). Это требует от фаундера развития высокого эмоционального интеллекта, включающего в себя многомерные качества самосознания, саморегуляции, самомотивации, социальной осведомленности и социальных навыков (Goleman, 1998, 2012). Здесь на первый план выходят психологическая зрелость и осознанность: благодаря психодинамическому коучингу и психоаналитической психотерапии у лидера появляется более глубокое понимание межличностных взаимодействий не только между собой и сотрудниками, но и рефлексия относительно бизнес-проекта, в отношениях с инвестором, так что в эмоционально заряженных ситуациях они могут использовать эти эмоции в позитивном ключе, чтобы вести переговоры, налаживать взаимопонимание и продвигать вперед «застрявшие» ситуации (Iszatt-White, 2009; Johnson, 2013).

Принятие психодинамического подхода к лидерству в командах и организациях может позволить лидерам идентифицировать бессознательное

поведение и модели, которые могут проявляться в «организационной жизни» и особенно важны для его роли как «тренера» (*Ward, 2012*). В сочетании со знаниями и опытом в различных сферах бизнеса фаундеры обладают преимуществом, которое может помочь им интерпретировать и решать сложные межличностные и ситуативные конфликты как в командных, так и в организационных условиях, и в отношениях с инвесторами.

Говоря про экстремальные эмоциональные ситуации, повышенный уровень тревоги и страха, естественно обратить внимание на то, что непроработанность таких ситуаций, накопление стресса приводит к эмоциональной усталости, выгоранию. Это естественная защитная реакция, когда уровень стресса зашкаливает, иначе организм просто погибнет. И мы понимаем, что эмоциональное выгорание, отсутствие эмоций, невозможность их воспринимать и испытывать, также крайне негативно скажется на развитии стартапа, как и переизбыток эмоций, который не дает возможности принимать адекватные решения.

Выгорание описывается как сочетание эмоциональной усталости, деперсонализации и отсутствия личного удовлетворения. Это отрицательно сказывается на команде, работе над продуктом и взаимоотношениях с инвестором. Когда сотрудники работают в условиях плохой организационной культуры или в условиях слабой сплоченности в командах, они могут чаще страдать от выгорания и быть менее вовлеченными в проект (*Galang et al., 2016*).

На начальных стадиях развития стартапы сталкиваются с жесткой финансовой экономией или даже отсутствием финансов и кризисом кадров. Неудивительно, что в сочетании с сильным стремлением создать высококачественный и инновационный продукт возрастающее давление на фаундера и его команду способствует стрессу и выгоранию (*Ingram et al., 2016*). Однако было также высказано предположение, что отсутствие вознаграждения за помощь и организационный климат, поддерживающий несправедливость, могут иметь большее влияние на выгорание среди персонала, чем даже высокая нагрузка; поэтому руководство, которое может решить эти проблемы, поможет обеспечить некоторую форму контейнирования для персонала (*Lasalvia et al., 2009*).

Нужно не забывать, что для фаундера, действующего в качестве защитного фактора против выгорания в многопрофильной команде, это сопряжено с рисками, как для человека, который часто сдерживает эмоции команды и несет ответственность за проект.

Отметим, что, говоря о важности фаундера быть способным к контейнированию, важно также понимать, что нельзя решить все проблемы эмоциональной составляющей деятельности стартапа только за счет ресурса фаундера. Это неприемлемо и в целом неэкологично.

Фаундерам следует поддерживать помощь в развитии их эмоционального интеллекта в качестве средства противодействия выгоранию (*Weng, 2011*), но это не устраняет необходимости в культурных изменениях, чтобы гарантировать воплощение лидерства на организационном уровне. Они позволят фаундерам управлять своими эмоциями и высказывать опасения в психологически безопасной среде, где их тревоги могут

также контейнироваться, а бремя ответственности распределяется между командой и всей организацией через понимание и внедрение справедливой культуры (Lasalvia, 2009).

Не менее важным, чем повышенный уровень тревоги, в деятельности стартапа является фактор страха. Страх – это по большому счету индикатор опасности во внешней среде, маячок, сигнализирующий о том, на что обратить внимание, чтобы повысить эффективность, избежать ошибок, исправить их заранее. Если чувство страха подавлено, не только индивидуум, но и компания не могут адекватно реагировать на внешние угрозы, вызывающие этот страх. Этими внешними угрозами могут быть, например, изменение рыночных условий, вызванное появлением нового конкурента. Таким образом, подавленный страх может вызвать переоценку собственного положения компании на рынке и ведет к недооценке силы и успеха нового участника, что приведет к задержке инновационных усилий.

Итак, мы говорим о том, что лидеру, руководителю, фаундеру важно научиться работать с эмоциями: знать их, видеть, уметь определять их источники, трансформировать в понятные и принимаемые командой элементы. Эмоции – это двигатель развития, это более древние психические элементы, досознательные, но при этом способные координировать поведение еще до того, как сознание включило событие в картину реальности. Цель эмоций прогностическая – сориентировать в текущей и будущей обстановке и предупредить.

Работа с эмоциями лучше всего может быть описана как удержание напряжения, его перенаправление, а не его избегание. Это требует высокой эмоциональной зрелости и способности к личному поиску вызывающих тревогу аспектов в ситуации стратегического выбора, ассоциаций, сопровождающих стратегический выбор, а также ожидаемых результатов и исходов. Что именно вызывает эти чувства, необходимо выяснить. Трудность здесь состоит в том, чтобы обнаружить и признать собственную защиту. Опытный менеджер может справиться с этим интрапсихическим личным процессом в одиночку, но большинству менеджеров трудно справиться с неизведанной территорией беспокойства и страха. Поддержка на начальном этапе внешнего специалиста, психоаналитически ориентированного консультанта или коуча, может помочь составить более глубокую и ясную картину вызывающего тревогу стратегического ландшафта и парадоксов внутри него.

На когнитивном уровне, который должен поддерживаться эмоциональной способностью удерживать напряжение, должно помогать парадоксальное мышление – это способность сопоставлять, исследовать и интегрировать противоречия в активном мышлении, воспринимать эти противоположности или противоположные идеи как одинаково верные. Для Ротенберга (1979) это не только общая черта творческих гениев, но и основной источник творческих инноваций (Ingram, Lewis, Barton & Gartner, 2016). Как предполагают исследователи, управлять парадоксами можно с помощью взаимосвязанных способностей (1) принятия, (2) приспособления или противодействия, (3) дифференциации/интеграции (Lewis, 2000; Smith, 2014) и (4) преодоления (Lewis, 2000).

Принятие парадоксов означает «научиться жить с парадоксом» (Lewis, 2000) и проработать его. Приспособление включает в себя определение новой творческой синергии, которая объединяет оба противоположных элемента. Конфронтация состоит из обсуждения напряженности, логики и опасений, а также использования юмора (Lewis, 2000). Дифференциация включает в себя разделение отдельных элементов и уважение их различий, тогда как интеграция предполагает создание связей и синергии (Smith & Tushman, 2005; Smith, 2014). Трансцендентность представляет собой способность мыслить парадоксально (Lewis, 2000), поскольку приемы парадоксального мышления, такие как «янусианское мышление», состоят в творческом и одновременном формулировании противоположных элементов, так что нечто новое, реальная третья позиция, развивается творчески, выходя за пределы обычной логики (Lewis, 2000; Schad et al., 2016). Для всех людей – в стратегии или в обычной жизни – задача жизни состоит в том, чтобы постоянно прогрессировать путем уравнивания, интеграции и создания новых возможностей в качестве возможной третьей позиции. Таким образом, диалектическое напряжение и присущая ему амбивалентность могут быть пережиты только сознательно, так, что появится новый творческий способ обращения с амбивалентной ситуацией.

Подводя итоги, заключаем, что психодинамика тревоги и страха влияет на индивидуальное стратегическое мышление, поскольку эти чувства являются результатом когнитивной и эмоциональной неопределенности из-за непредвиденного будущего и природы парадоксального выбора. Через когнитивные предубеждения, эвристику и интуитивные рассуждения они вторгаются в наше мышление и процесс принятия решений – в основном из-за ограничивающей неспособности видеть всю стратегическую ситуацию. Поэтому важно, чтобы менеджер был в состоянии знать об этих влияниях и оценивать их.

Эмоциональное напряжение, связанное с неопределенностью стратегической ситуации и парадоксальным выбором, может быть полезным для организации, если менеджер, разрабатывающий стратегию, обладает саморефлексией, эмоционально и когнитивно способен справляться с этим напряжением, восприимчив к интуитивным суждениям, основанным на обширных знаниях и опыте, когда придумывает новые творческие решения для стратегического выбора.

Невозможно переложить работу с эмоциями только на лидера, фаундера. Это неэффективно, потому что это не ключевая его задача, хотя значительно облегчает его деятельность, но это просто одна из функций.

Следовательно, с психодинамической точки зрения можем говорить о необходимости хотя бы на каком-то этапе временной интеграции третьей позиции через «объективного наблюдателя», который передает свое восприятие, представляет собой решение для преодоления индивидуальной слепоты, односторонности или эмоциональной рассеянности. Возможность прислушиваться к наблюдениям и восприятиям третьих лиц обеспечивает требуемое самосознание и саморефлексию с течением времени. Психотерапевты, психоаналитики и коучи с психоаналитическим

образованием могут обеспечить эту третью позицию на этапе обучения или в качестве супервизии, потому что они специально обучены не путать свои собственные эмоциональные реакции с эмоциональными реакциями фаундера как клиента. Эта компетенция является ключевой, потому что отрицательные эмоции и защитные реакции нелегко обнаружить, и они могут сначала спровоцировать реакцию отрицания и отторжения со стороны фаундера, прежде чем новая точка зрения может быть принята и интегрирована. Со временем фаундер выявляет свой индивидуальный паттерн в эмоциональных реакциях на стратегические решения в периоды высокой неопределенности.

Следовательно, для лиц, принимающих стратегические решения, не только имеет смысл, но и должно быть обязательно иметь возможность интегрировать влияние эмоций и связанных с ними аспектов в стратегический процесс посредством самосознания и саморефлексии, чтобы не подвергаться бессознательному влиянию и принимать лучшие стратегические решения. Без этого процесса осмысления и интеграции невозможно активно справляться с трудностями во времена неопределенности.

Основное требование состоит в том, чтобы вынуть тревогу и страх из ящика управленческих табу и использовать их для принятия более эффективных стратегических решений. Менеджеры должны распознавать свои негативные эмоции, привыкать к ним и даже извлекать из них выгоду (Lewis, 2000). Это влечет за собой эмоциональную и когнитивную способность справляться с парадоксальными конфликтами и напряженностью и получать доступ к творческой и инновационной власти, которую допускает наличие противоположностей в сознании организации. Богатое энергией напряжение может породить совершенно новую ситуацию, что-то отличное от противоборствующих сторон, может быть достигнут новый уровень, или результатом будет рождение чего-то творческого и другого – если во избежание конфликта не пытаться разделять противоположности (Юнг, 2021).

С психодинамической точки зрения важны три различные базовые компетенции на управленческом и организационном уровнях, соответствующие трем общим динамическим способностям восприятия, схватывания и реконфигурации.

1. Лидер должен быть осведомлен об интрапсихических влияниях на принятие решений – с теоретической точки зрения, а также с индивидуальной точки зрения – о бессознательных предпочтениях и избегании и лежащих в их основе эмоциях. Ему необходимо знать, понимать, интегрировать и работать над ролью негативных эмоций, таких как страх и тревога, возникающих из-за неопределенности стратегического выбора, в результате личных (иногда невротических) моделей защиты, а также когнитивных предубеждений и эвристики. Таким образом, на индивидуальном уровне когнитивные и эмоциональные способности к саморефлексии и парадоксальному мышлению должны быть сосредоточены и интегрированы в структуры отбора, обучения и вознаграждения.

2. Для использования стратегических возможностей, угроз и стратегического выбора должна быть создана специальная рабочая атмосфера

на уровне команды. Можно назвать это «пространством стратегического мышления», в котором возможны размышления на различных уровнях команды. Стратегический дискурс, предшествующий стратегическому выбору, также требует эмоционально открытого, эмпатического и уважительного способа обмена идеями, взглядами, предположениями и выводами для разработки общих ментальных моделей реальной ситуации, а также общих ментальных моделей воображаемого будущего проекта. Это также включает в себя способность к парадоксальному мышлению на командном уровне. Развитие способности эффективно создавать общее рефлексивное пространство для разработки стратегии является ключом к преодолению возможного негативного и неосознанного влияния социальных защит на уровне управленческой команды.

3. Успешная реконфигурация во многом зависит от базовой способности лидера и команды справиться с фундаментальным напряжением и измениться. Локальные взаимодействия – это динамические силы, постоянно колеблющиеся между стабильностью и изменением. Для этих локальных взаимодействий все, что сказано, является ключевыми предпосылками, а под пунктами 1 и 2 учитываются ключевые факторы успеха. Кроме того, организационный дискурс для размышлений будет способствовать стратегическим изменениям и реконфигурации активов. Это требует активного рассмотрения культурных комплексов, рациональной эвристики, а также активного решения стратегических дилемм и принципиальных противоречий. Это также означает активное установление обратной связи в организации вперед и назад, вверх и вниз по организации, чтобы гарантировать, что сопротивление и защита могут быть восприняты иотреагированы на раннем этапе. Успешная оркестровка новых активов будет возможна только в том случае, если эмоциональное и бессознательное сопротивление изменениям не будет слишком сильным, чтобы его можно было преодолеть. Активное обращение и интеграция страха и беспокойства, возникающих из-за неопределенного будущего, также являются ключевым фактором успеха на этом уровне.

Для лидера в общении важно сочетание рациональных объяснений, которые нравятся взрослой стороне, и эмоционально разогревающей, заботливой реакции, которая заботится об «испуганной детской» стороне. Это означает, с одной стороны, дать возможность открыто справиться с трудными чувствами, подчеркнуть их нормальность, но также и возможность вместе преодолеть кризис, помогая друг другу.

В данной статье мы коснулись таких вопросов, как: понятие и основы способности контейнирования, ее значение для развития фаундера и стартапа, важность и необходимость поддержки «третьей стороны», специалиста, способного помочь в развитии и укреплении этой способности у фаундера.

Для развития способности к контейнированию у фаундеров и в самой организации можно использовать следующие способы.

1. Психодинамический коучинг или психоаналитическую психотерапию непосредственно для фаундера.

2. Участие в балинтовских группах с другими фаундерами поможет развить чувство «я» отдельно от проекта (стартапа), что также может улучшить способность размышлять о взаимодействиях с другими партнерами и кофаундерами, командой и инвесторами.

3. Создание рефлексивного пространства в самой организации – например проведение ретроспективных митингов по методологии agile.

4. Распределение ролей, обязанностей и границ в стартапе.

5. Построение корпоративной культуры, которая признает важность эмоций в бизнесе. И в целом уделение целенаправленного внимания корпоративной культуре и эмоциональному климату в команде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К. Г. Структура и динамика психического. Институт общегуманитарных исследований, 2021.
2. Galang A. J. R., Castelo V. L. C., Santos L. C., III, Perlas C. M. C., & Angeles M. A. B. (2016). Investigating the pro-social psychopath model of the creative personality: Evidence from traits and psychophysiology // *Personality and Individual Differences*, 28–36.
3. Gibson R., Till A. & Adshead G. (2019). Psychotherapeutic leadership and containment in psychiatry. *BJPsych Advances*. Vol. 25, 133–141.
4. Giernalczyk T., Lohmer M., Albrecht C. (2013). Psychodynamische Zugänge zur Coachingdiagnostik. In H. Möller & S. Lotte (Hrsg.), *Diagnostik im Coaching. Grundlagen, Analyseebenen, Praxisbeispiele*, 17–31.
5. Goleman D. (1998). *Working with Emotional Intelligence* // Random House LLC, 75–98.
6. Goleman D., Welch S. & Welch J. (2012). *What Makes a Leader?* Findaway World, LLC, 177.
7. Ingram A. E., Lewis M. W., Barton S., & Gartner W. B. (2016). Paradoxes and innovation in family firms: The role of paradoxical thinking. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 161–176.
8. Iszatt-White M. (2009). Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practices. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/247765378_Leadership_as_Emotional_Labour_The_Effortful_Accomplishment_of_Valuing_Practices. (дата обращения: 10.02.2022)
9. Jarrett M., Vince R. (2017). Psychoanalytic theory, emotion and organizational paradox. In W. Smith, M. Lewis, & A. Langley. *Handbook of organizational paradox: Approaches to plurality, tensions and contradictions*. Oxford University Press, 48–65.
10. Johnson D. W., & Johnson R. T. (2013). The impact of cooperative, competitive, and individualistic learning environments on achievement. In J. Hattie & E. Anderman (Eds.), *International handbook of student achievement*. New York: Routledge, 372–374.
11. Lasalvia A., Bonetto C., Bertani M., Bissoli S., Cristofalo D., Marrella G., Ceccato E., Cremonese C., De Rossi M., Lazzarotto L., Marangon V., Morandin I., Zucchetto M., Tansella M. and Ruggeri M. (2009). Influence of

- perceived organisational factors on job burnout: survey of community mental health staff. *The British Journal of Psychiatry*, 537–544.
12. *Lewis M. D.* (2000). Emotional self-organization at three time scales. In M. D. Lewis & I. Granic (Eds.), *Emotion, development, and self-organization: Dynamic systems approaches to emotional development*. Cambridge University Press, 37–69.
 13. *Nagel C.* (2014). Behavioral Strategy. Thoughts and Feelings in the Decision-Making Process. *The Unconscious and Corporate Success*. *Unternehmermedien*, 247.
 14. *O'Sullivan M. & Ekman P.* (2014). Facial Expression Recognition and Emotional Intelligence, in: G. Geher ed. *Measuring Emotional Intelligence: Common Ground and Controversy*. Nova Science Publishing, 91–111.
 15. *Petriglieri G., Ashford S. J. & Wrzesniewski A.* (2019). Agony and ecstasy in the gig economy: Cultivating holding environments for precarious and personalized work identities. *Administrative Science Quarterly*, 64(1), 124–170.
 16. *Schad J., Lewis M., Raisch S., & Smith W. K.* (2016). Paradox research in management science: Looking back to move forward. *Academy of Management Annals*, 10, 5–64.
 17. *Smith W. K.* (2014). Dynamic Decision Making: A Model of Senior Leaders Managing Strategic Paradoxes. *The Academy of Management Journal* 57(6), 1592–1623.
 18. *Ward L. C., Bergman M. A., Hebert K. R.* (2012). WAIS-IV subtest covariance structure: Conceptual and statistical considerations. *Psychological assessment*, 328.

Containment is a fundamental skill for a founder and is necessary for successfully building a startup and navigating high levels of uncertainty, anxiety, and fear

***Yu B. Soshnikova, M. A. Vasileva,
M. Yu. Stavisskiy***

Soshnikova Yuliia B., Master of Psychology, psychoanalytically oriented business coach, organizational consultant, psychologist.

Vasileva Marina A., Master of Psychology, psychoanalytically oriented business consultant, entrepreneur.

Stavisskiy Mikhail Yu., Master of Business Administration, Master of Psychology, Master of Economics and Finance, psychoanalytically oriented business consultant, supervisor, member of the expert council of the National Federation of Coaches and Mentors.

The article considers the containment ability as a basic function for a founder to withstand a high level of uncertainty, anxiety and fear and its importance for building a successful startup. The article also focuses on the importance of awareness of emotions in business and in making strategic decisions, particularly anxiety and fear, which can lead to dysfunctional leader behavior. The authors also identify several ways to create a containment atmosphere in startups and manifest the founder's containment behavior. The article is based on the concepts of Wilfred Bion and Melanie Klein.

Keywords: containment, uncertainty, startup, founder, leadership, anxiety, fear, burnout.

ПРОБЛЕМЫ САМОАНАЛИЗА

Неэффективность самоанализа без предварительной индивидуальной работы с психоаналитически ориентированным специалистом

О. В. Медведева

Медведева Ольга Владимировна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Цель статьи – популяризация индивидуальной работы с психоаналитически ориентированным специалистом и повышение психологической грамотности у тех, кто не решается обратиться за поддержкой к профессионалу и занимается самоанализом. В настоящей статье я исследую эффективность и значимость «первичного» самоанализа Фрейда и подробно рассматриваю бессознательные инструменты и их влияние на аналитический процесс в индивидуальной работе со специалистом. Также считаю необходимым показать неэффективность самоанализа Ницше на примере ранних и более поздних работ философа, как пример индивидуального поиска самости и попытки воссоздания аналитического разума через искусство преодоления разделенного Я. С точки зрения практической значимости статья может быть полезна как психоаналитически ориентированным специалистам для дополнительной аргументации и понимания пользы диадического аналитического процесса, так и для пациентов, которые считают факт самоанализа лечебным и эффективным, что чаще всего таковым не является.

Ключевые слова: психология, философия, самость, самоанализ, искусство преодоления, психологическая грамотность, индивидуальная работа, поддержка, эффективность, неэффективность, новая реальность, информационный поток, цифровизация, психологические технологии.

«Человек всегда больше того, что он знает о себе».
К. Ясперс

Самоанализ – причина возникновения и становления не только психологии, но и любой другой науки. Современный интерес к самоанализу связан с увеличением периода накопления жизненного опыта, а также структурной перестройкой экономики в направлении индивидуального жизненного пути. Повышенный уровень тревожности и неопределенности из-за цифровизации и массивного информационного потока заставляет многих из нас обратиться к психологии для поддержания психического благополучия. Современный представитель – это человек без лица (Дадашова, 2020). При этом индивидуум не приобщен к единой этике, и для мыслящего представителя религиозность, национальность или политические взгляды скорее являются номинальными. Актуальными событиями присущи индивидуальная незначимость, отсутствие морали и стабильности. Человек живет в режиме свободного падения. Привычный образ жизни и ее понимание более не соответствуют интересам переменчивого общественного строя. В современных условиях наиболее остро ощущается изолированность и мысленный поток самоанализа становится новой реальностью.

Необходимость самоанализа чаще всего возникает в периоды раннего и среднего этапов взросления, как стремление исследования жизненных ситуаций и выявления очевидного фактора влияния актуальных изменений на дальнейшее личностное развитие. Люди пытаются найти простое и наивное решение многолетним проблемам/конфликтам. Ввиду того что решающие изменения вызывают стресс, обращение к самоанализу вызвано отсутствием осознанного смысла жизни. В ход идут все быстрые решения, что предлагает рынок: популярная психология, прочитал книгу и сам разрешил свой конфликт, прошел марафон и сразу же стал успешным миллиардером, сходил на одну консультацию к психологу, эвакуировал тревоги и далее со всем проблемами разобрался самостоятельно.

Я считаю, что нет на свете человека, который бы не занимался самоанализом в той или иной степени, сталкиваясь как с внутренними, так и с внешними конфликтами. Мир человека – это мир удвоений, регулярный повтор реальной картины в голове, где наши мысли и есть одна из этих картин, удвоение реальности в психических представлениях. Мы закладываемся внутри другого и рождаемся в пару. Наша витальная потребность – во взгляде другого, быть увиденным и желанным. Именно этот взгляд другого собирает индивидуальный образ. Возможность принятия дуальности – это переход к целостному, зрелому восприятию себя. Современная реальность с превалирующим Идеалом Я диктует нам идеализированную картинку, когда хочется все и сразу и нет возможности получать удовольствие от того, что есть, это и приводит к конфликту или неврозу. Разрешение этого конфликта возможно при развитии способности принимать свои ограничения, отказе от нарциссической позиции и воспитания наблюдающего Я.

Исследования показывают, что фокусирование внимания на себе может приобретать как адаптивные, так и дезадаптивные качества (Trapnell & Campbell, 1999), которые могут как способствовать, так и препятствовать психическому благополучию. Для обозначения этих дезадаптивных и адаптивных особенностей используется термин «парадокс самопоглощения», в связи с этим было предложено различать две формы диспозиционного самососредоточенного внимания для объяснения этого парадокса: 1) самокопание, или саморуминацию, дезадаптивную форму и 2) саморефлексию, потенциально адаптивную форму.

Саморуминация, или сосредоточенное внимание на себе связано с областью невротизма личности и включает невротическую форму самоанализа, которая приводит к хроническому негативистскому мышлению об отрицательных личностных качествах и переживаниях (Trapnell & Campbell, 1999). С другой стороны, саморефлексия связана со степенью открытости личности и предполагает включенность интеллектуальной формы самоанализа, которая сосредотачивается на исследовании новых или альтернативных представлений о себе (Trapnell & Campbell, 1999). Несмотря на то что саморуминация и саморефлексия подразумевают особое внимание к себе, между ними есть существенная разница: самокопание стимулировано «воспринимаемыми угрозами, потерями или несправедливостью по отношению к себе», а саморефлексия сопровождается «любопытством или эпистемическим интересом к себе» (Trapnell & Campbell, 1999, с. 297). Результаты исследований показывают, что основным различием является тот факт, что саморуминация связана с негативным аффектом дистресса и потери смысла жизни (Boyras & Efstathiou, 2011; Trapnell & Campbell, 1999), а саморефлексия, как правило, ассоциируется с позитивными психологическими эффектами: усилением благоприятного самопринятия и повышением осмысленности жизни (Boyras & Efstathiou, 2011; Boyras & Waits, 2015). В выборке людей, переживших тяжелую утрату, склонность к самоанализу была связана с поиском позитивного смысла в переживании тяжелой утраты (Boyras, Horne & Sayer, 2010).

Поскольку саморуминация и саморефлексия включают в себя различные эмоциональные, когнитивные и мотивационные процессы, они, вероятно, будут иметь разное влияние на эффективность самоанализа (Boyras & Kuhl, 2015). Саморуминация характеризуется тревожным и критическим отношением к себе и повторяющимися негативными мыслями о прошлом или текущем опыте (Trapnell & Campbell, 1999). Некоторые теории консультирования предполагают, что люди, которые опасаются или отвергают свои внутренние переживания, скорее всего, будут вытеснять эти переживания, используя различные защитные механизмы, такие как отрицание, искажение или проекция (Maslow, 1968). Ко всему прочему эмпирические труды свидетельствуют о том, что самокопание тесно связано с блокированием мышления (Szasz, 2009) и когнитивным, эмпирическим и поведенческим избеганием (Cribb, Moulds & Carter, 2012). Поэтому люди с тенденцией к самообвинению, скорее всего, будут использовать защитные механизмы в виде избегания или подавления внутренних пережи-

ваний, а не способы принятия и возможной переработки своих эмоций. Данные дезадаптивные процессы, скорее всего, усилят социальное отчуждение и помешают благополучному психическому самоощущению.

В отличие от саморуминации, которая характеризуется сомнениями в себе, тревожностью и пессимизмом, саморефлексия предполагает открытое и неосуждающее отношение к себе (*Trapnell & Campbell, 1999*). Учитывая, что психическое благополучие требует честного осознания собственных ограничений и принятия своего истинного Я, самоанализ может быть важным инструментом в личностном развитии, поскольку связан с интеллектуальным любопытством, ростом самоосознания и открытостью опыту (*Trapnell & Campbell, 1999*). Кроме того, было доказано, что саморефлексия связана с повышением принятия себя (*Boyratz & Waits, 2015*); следовательно, люди, склонные к саморефлексии, имеют больше смелости жить в соответствии со своими ценностями и убеждениями и отказываться от внешнего влияния.

Теперь важный вопрос: как вы поймете, какой тип самоосознания вам присущ, если находитесь в стрессе и переживаете кризис? И еще: как вы можете это понять, если не обладаете психологическими компетенциями? Очевидно, что большинство из нас считает себя лучше, чем мы есть на самом деле. Иллюзия собственного превосходства – это доказанный факт, который даже носит название «эффект Лейк-Уобегон» по названию выдуманного города из знаменитого радиоспектакля Гаррисона Кейлора. В городе Лейк-Уобегон «женщины сильные, мужчины привлекательные, а все дети обладают способностями выше среднего» (Беквит, 2018, с. 27). Как можно увидеть собственные ограничения, если для нашего внимания они недоступны?

Рассматривая механизмы получения новых знаний о себе, Бергер и Лукман раскрывают два источника – взаимодействие с другими и с собственным внутренним миром. «Конечно, я знаю себя лучше... Мое прошлое в моей памяти, и, хотя я не смогу восстановить его во всей полноте, все равно это больше, чем другой человек может сказать о нем. <...> С другой стороны, то, "каким я являюсь", не столь понятно. Чтобы понять себя, я должен остановить непрерывную спонтанность переживания и сознательно обратить внимание на самого себя. Кроме того, такая рефлексия относительно самого себя обычно вызвана тем или иным отношением ко мне другого человека» (Бергер и Лукман, 1995, с. 323). Человек – социальное существо и привык быть частью оценочного мира других лиц, начиная с детства. Такое оценочное отношение укоренено и проявляется в чувствительности к заинтересованности их персонами. Современный характер взаимодействия между людьми в настоящее время трансформируется, и, несмотря на замену реального общения дистанционным, еще больше усиливается такая чувствительность – быть интересными для других, окружающих нас. А лучшее понимание или познание других людей возможно только через познание и самоанализ. Поэтому важно сформировать собственное мнение о себе путем знакомства с собой, путем придания этому смыслу.

Ученые Вацлавик, Бивин и Джексон рассматривают смысл не в семантическом, а в экзистенциальном смысле. Они подчеркивают в своем труде, что «отсутствие смысла – это ужас экзистенциального ничто. Это то субъективное состояние, в котором реальность отступает или исчезает вообще, а с этим и любое осознание себя или других» (Вацлавик, Бивин и Джексон, 2000, с. 320). Прослеживается важность для человека сохранить субъективную внутреннюю реальность во взаимодействии с реальностью внешней среды. «Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, возможно, отбросить от себя обнаженное» (Леонтьев, 1975, с. 150). И видный ученый касается важной проблемы, возникающей на фоне самоанализа, – это принятие или неприятие себя. Такая амбивалентная проблема в психологии рассмотрена подробно, в частности из-за проявлений и использования личностью защитных психологических механизмов.

Анализируя составляющие структуры личности, Джемс (Джемс, 1991) пришел к выводу, что самым обобщающим элементом личности и при этом самым однообразным является память. За пределами окружения человек наедине не остается одиноким – у него есть он сам, его мысли, опыт, впечатления, тайны и т. д. Поэтому Хорни (Хорни, 2019) отмечает, что самоанализ, с одной стороны, это тяжелый, поэтапный процесс, он может быть болезненным и неприятным, требующим задействовать всю доступную конструктивную энергию. Авторы Головаха и Кроник (Головаха и Кроник, 2008, с. 198) в своем труде, посвященном психологическому времени личности, постулируют: «Содержание психологического прошлого определяется совокупностью так называемых реализованных связей, объединяющих между собой события хронологического прошлого. Психологическое настоящее включает в себя актуальные связи, то есть те связи, реализация которых уже началась, но еще не завершилась и которые совмещают между собой события хронологического прошлого, с одной стороны, и будущего – с другой. И наконец, психологическое будущее личности составляют потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они объединяют между собой предполагаемые события хронологического будущего».

Эти временные психологические измерения сопровождают человека в течение жизни, с рождения и до последнего момента, и имеют свою возрастную динамику проявления. В представлении Лейбина (Лейбин, 2001, с. 73–74) «прояснение проблемы прошлого и будущего было сильно задержано тем фактом, что существующее в настоящее время психологическое поле содержит также взгляды этого индивида на его будущее и прошлое. Индивид видит не только свою нынешнюю ситуацию; у него есть определенные ожидания, желания, страхи, мечты о своем будущем. Его взгляды на его собственное прошлое и на прошлое другого физического и социального мира часто неверны, но тем не менее они составляют его жизненное пространство, "уровень реального" прошлого». «Поле включает не только нынешнее положение индивида, но и его представление о своем прошлом и будущем – желаниях, страхах, мечтах, планах и надеждах. Все части поля, несмотря на их хронологическую разновременность,

субъективно переживаются как одновременные и в равной степени определяют поведение человека» (Нуркова, 2000, с. 174).

Как отмечает Нуркова, «даже в течение одной человеческой жизни время неоднородно. Время юности и время старости отличны друг от друга. Как несется время, с горечью замечает взрослый, тогда как ребенок болезненно высчитывает оставшиеся дни до начала летних каникул или до долгожданного дня рождения» (Нуркова, 2000, с. 142). Подтверждение этому факту найдено и экспериментально – путем сравнения результатов молодых и пожилых испытуемых: оказалось, что с возрастом субъективное ощущение времени ускоряется (*Wallach & Green, 1961*). Однако неравномерность восприятия времени не отражается на качестве восприятия внутреннего мира личности. По Джемсу (Джемс, 1991, с. 59), «человек в зрелом возрасте может резко отличаться от самого себя в юности, но оба они, обращаясь мысленно к тому же детству, называют это детство своим. ...Мы часто говорим о человеке: она так изменилась, что ее трудно узнать; реже <...> люди сами дают о себе подобный отклик. Изменения в личности, отмечаемые нашим Я или внешним наблюдателем, могут быть в одном случае резкими, в другом – едва заметными».

Перемены, затрагивающие внутренний мир личности, будут замечены в ее делах, действиях, в выборе сферы, в которой она стремится реализоваться. Даже философский тезис о познании человеком себя трансформировался в проблему, которую человек на основе знаний может решить. Так, Сарджвеладзе в своей монографии «Личность и ее взаимодействие с социальной средой» затрагивает проблемы внутреннего изменения личности и на этой основе самореализацию.

Ученый рассматривает особенности сознания и самосознания через сравнение выдвигаемых им тезисов, вступающих в противоречие: «Личность, с одной стороны, это относительно устойчивая и стабильная, фиксированная система установок и черт характера. Она является олицетворением взглядов и убеждений того сообщества людей, репрезентантом которого она является. Кроме того, личность – это постоянная самореализация своих возможностей. Ей свойственно постоянное становление. Она уникальна и автономна» (Сарджвеладзе, 1989, с. 17). Первый тезис, по мнению ученого, – это обобщенное представление о личности многих психологов того времени, которые фактически сводили личность к индивидуальности. Второй тезис, а скорее антитезис, выдвинут ученым при обобщении идей и взглядов отечественных и зарубежных философов и психологов о личности, характеризующейся становлением, изменениями, открытостью, самореализацией, автономностью, уникальностью, где личность – это развивающаяся система, которая находится в постоянной динамике. В рамках этого последнего подхода Сарджвеладзе ссылается на известных ученых (Когол, Франкл, Маслоу, Роджерс, Кон и Столин), которые ориентированы на понимание личности как старающейся сохранить свою уникальность и устремленной к самореализации.

Личность стремится быть и оставаться собой. Важно, насколько она стремится к индивидуации; личность не только субъект постоянного развития, важно, насколько осознанно она стремится к развитию и

становлению, осуществить личностный способ бытия с элементами автономии, насколько вообще она стремится к автономии и самостоятельности; личность – это не совокупность потенциальных возможностей, определенным образом реализуемых в течение жизни, важно, насколько она сама стремится к реализации этих возможностей (Сарджвеладзе, 1989, с. 21–22). По мнению Головахи (Головаха, 1988), если планы и жизненные цели не сбываются, наличие ценностных регистров обеспечивает личностную стойкость в момент кризиса. В обратном случае, если же запланированные задачи закрыты и дальнейшая мотивация утеряна, способность к ценностной ориентации побуждает к установке новых назначений. Этот алгоритм действует при стабильной ценностной структуре человеческого сознания и четко выстроенной ценностной иерархии.

Я считаю, что чаще всего самоанализ, без предварительной работы со специалистом, не становится эффективным анализом себя, а скорее обретает форму «самокопания», для которой характерно избегание неопределенности, «нежели открытие новых смыслов или новых моделей жизни» (Клементьева, 2013). Не зря Франкл (Франкл, 1990), Леонтьев (Леонтьев, 2000) и другие исследователями (Карпинский, 2012; Старовойтенко, 2006) считают, что «смысл жизни открывается в устремлении на что-то вне самого индивида и не обнаруживается им в самом себе. Бытие человека всегда направлено к чему-то или кому-то иному, чем он сам, – будь это смысл, который надо осуществить, или другой человек, с которым надо встретиться. Чем больше человек забывает себя – отдавая себя служению важному делу или любви к другому человеческому существу, тем более он человечен и тем более он реализует себя» (Франкл, 1990, с. 123).

Возможно ли в современной действительности провести собственный самоанализ, не прибегая к помощи специалиста? И будет ли подобный метод эффективным?

Эффективность – относительное понятие, и те, кто сосредоточен на поиске оной, всегда ее найдут. Например, Зигмунд Фрейд: можно ли сказать, что самоанализ Фрейда не был эффективным? Если учесть тот факт, что именно самоанализ стал причиной зарождения современной психоаналитической теории? Даже сейчас мы можем найти подтверждение гениальности ученого в достижениях когнитивных и нейронаук. Общество под названием «Нейропсихоанализ» под руководством Марка Солмса дало нейронаучное объяснение таким понятиям, как Ид и Эго. Исследования в области социального познания, проведенные Сьюзен Андерсон и ее коллегами, дали социально-когнитивную перспективу переноса. Эти достижения расширили сферу применения фрейдистского психоанализа.

Но так или иначе героические или эпические версии фрейдовского самоанализа, характерные для некоторых биографий и исследований по истории психоанализа, фактически препятствуют пониманию возможного вклада этого опыта в построение психоаналитической теории. Во-первых, они способствовали мистификации процесса, полагая, что самоанализ порождает исключительный опыт теоретического озарения, тем самым игнорируя важнейшую функцию, которую выполняли Флисс и историко-концептуальный контекст в производстве знания, частью

которого был сам Фрейд. Во-вторых, идеализируя процесс, они не уделяли достаточного внимания различным позициям, которые Фрейд занимал по отношению к проблеме, а также оговоркам и предупреждениям, которые он делал относительно жизнеспособности процедуры, как в терапевтическом, так и в теоретическом плане. В-третьих, они ограничились теми концепциями, которые Фрейд определил как наиболее примечательные, то есть теорией сновидений, открытием эдипова комплекса и отказом от теории соблазнения, не обращая внимания на другие актуальные темы, разработанные в тот период, включая его размышления о тревоге.

Теперь, если отказаться от претензий на превращение самоанализа в главный ключ к поиску универсального средства познания себя, этот опыт Фрейда можно рассматривать как ценный рабочий инструмент, в котором личные, теоретические и контекстуальные аспекты сходились и вели к проверке клинических гипотез и поиску ответов на его невротические дилеммы. Этот кластер воспоминаний, снов и забываний приобрел бы статус рабочего материала, который выполнял бы двойную функцию – контрастировал бы с его клиническими гипотезами и предлагал бы путь для исследования его невроза. С этой точки зрения определение, которое сам Фрейд предложил для своего самоанализа, кажется вполне оправданным: невыполнимая задача, обязательно связанная с уже приобретенными знаниями, что и приводит нас к подтверждению гипотезы о неэффективности самоанализа без предварительной работы с психоаналитически ориентированным специалистом.

Хотя справедливо будет сказать, что толкование сновидений, модификации теории истерии и первые наброски того, что станет потом эдиповым комплексом, были темами, имеющими большое значение в развитии процесса, проблема тревоги тем не менее должна быть определена как одна из фундаментальных тем, которые занимали Фрейда в его самоанализе. С этой точки зрения анализ его фобии можно рассматривать как место, в котором сошлись его субъективное беспокойство, дебаты, в которые он вступил со своими современниками по поводу психопатологии тревоги, и новые гипотезы о роли сексуальности и бессознательного в детерминации тревоги, которые начинали формироваться в его сознании.

Так, желая переформулировать традиционное отношение к сновидениям и пытаясь обновить теорию и психотерапию неврозов, Фрейд в свою очередь стремился придать новое значение феномену, который до сих пор объяснялся с точки зрения нейроанатомии и этиология которого начинала связываться с вредным воздействием современной цивилизации на нервную систему. Его целью было показать, как и в случае с неврозом и онейрическим производством, что сексуальность играет определяющую роль в этиологии тревоги и что понимание ее динамики должно основываться на предположении о бессознательном детерминизме, который не поддается логике сознательного разума.

В разных случаях Фрейд высоко оценивал самоанализ и тех, кто использует этот метод; он даже призывал своих ближайших учеников применять его. Однако с ростом психоаналитического движения его тенденция препятствовать самоисследованию наших собственных ассоциаций

только усилилась; вместо этого он призывал полагаться исключительно на помощь другого аналитика. Этот подход вырос из его оборонительной позиции в столкновении с трудностями самоисследования; он также защищал свой авторитет в политических целях, чтобы сохранить контроль над своим движением, что становилось все более важным по мере его расширения. С институционализацией движения самоанализ и исследование ассоциаций аналитика начали терять свою значимость.

Самоанализ стал все чаще рассматриваться как угроза для развития движения и положения его лидеров. Хайнц Шотт (*Schott, 1985*), ведущий исследователь фрейдовской методологии самоанализа, обнаружил, что этот метод не сыграл никакой роли в психоанализе и не оказал никакого значительного влияния на его основы. Эта тема по сути была табуирована психоаналитиками. Критика метода возникла из-за того, что психоаналитики чувствовали на себе угрозу со стороны метода. Также можно обнаружить очень тесную связь между институционализацией движения и критикой самоанализа, причем последняя становилась иногда ожесточенной, как в случае с Юнгом и Абрахамом.

Ожесточенную борьбу аналитиков против самоанализа можно понять. Игнорирование важной роли аналитика в процессе поиска самости действительно можно рассматривать как угрозу гармонизации наших отношений с другими.

Отношения «я и другие», «мое мнение» – это те отношения, которые делают самоанализ возможным. Мы рождаемся в пару: мать и дитя – отец в данном случае выступает в качестве закона и разделителя, который сепарирует ребенка от отношений слияния с матерью, для того чтобы дитя взросло и обрело свой собственный путь и индивидуальность. Путь индивидуальности и есть тот самый путь взросления. Казалось бы, причем здесь индивидуальная работа с психоаналитически ориентированным специалистом? Психоаналитический метод – это путь к свободе. Поведение человека и его внешние проявления ограничены законами, которые мы унаследовали из наших отношений с первичными объектами, назовем это законом Эдипа. Пространство психоаналитического кадра дает возможность нам безопасно в режиме свободного потока делиться всем тем, что приходит в голову. Правило говорить все, что приходит в голову, нацелено на устранение осознанного отбора мыслей, что позволяет ослабить цензуру между сознанием и предсознательным и вместе с тем одновременно выявить бессознательные защиты. В конечном итоге специалист выявляет в бессознательном клиента/пациента то, что в народе называют «шаблонами поведения».

Существует давняя традиция считать, что аналитик или психоаналитически ориентированный специалист (ПАС) используют свой ум особым образом для понимания пациента, – еще начиная с Фрейда. Далее эта идея получила развитие в следующем поколении, получив определение «слушание третьим ухом». В наше плюралистическое время, несмотря на различные способы быть аналитиком, сознание специалиста «все больше и больше становится объектом [аналитического] интереса» (*Eizirik, 2010*). То есть, когда пациент бессознательно переживает и идентифицируется с

внутренней психической работой аналитика, направленной на более глубокое понимание пациента, происходит нечто довольно загадочное, в результате чего пациент учится новому способу отношения к собственному сознанию.

Разработанное на основе устоявшихся психоаналитических знаний в различных психоаналитических культурах учение о бессознательной интерпсихической коммуникации, использование ПАС своего рецептивного психического опыта, а именно использование аналитического ума, включая соматические, бессознательные и менее доступные производные, – представляют собой важный путь исследования бессознательной психической жизни клиентов, особенно при плохо символизированных психических состояниях.

Фрейд впервые обратил внимание на роль, которую играет бессознательный инструмент аналитика, заявив следующее: «Каждый человек обладает своим собственным бессознательным инструментом, с помощью которого он может интерпретировать бессознательные высказывания других людей». Столетняя идея заключается в том, что при правильных условиях сознание аналитика и пациента могут резонировать таким образом, который позволяет аналитику эффективно интерпретировать передаваемые бессознательные сообщения. Также предлагались свободные идеи, особенно в отношении отказа аналитика от интенциональности.

Фрейд подчеркивал центральную роль психической активности аналитика и намекал на способ ее использования, рекомендуя аналитику «повернуть свое собственное бессознательное, как рецептивный орган, к передающему бессознательному пациента». Цель состоит в том, чтобы позволить бессознательному пациента воздействовать на аналитика и затем наблюдать за его последующими сознательными ментальными и эмоциональными переживаниями, не допуская «никаких сопротивлений в себе, которые удерживают от его сознания то, что было воспринято его бессознательным». Затем аналитик размышляет над этими осознанными психическими переживаниями (т. е. над «тотальным» контрпереносом) и пытается понять их значение в отношении внутренней жизни пациента. Это подразумевает поддержание внутреннего потенциального пространства, в котором бессознательная и/или инфантильная жизнь пациента может ожить в сознании аналитика, то, что Левальд (*Loewald*, 1986) назвал готовностью к контрпереносу.

Тот факт, что аналитики подвержены влиянию бессознательного своих пациентов и участвуют в переносе, основан на биологической чувствительности человека к широкому спектру семиотических систем, которые постигаются органами чувств – часто без какого-либо осознанного знания, не говоря уже о вербальных представлениях. Последние открытия в области нелинейной динамики, теории хаоса и сложности расширяют первоначальные идеи Фрейда о бессознательной коммуникации между пациентом и аналитиком. Эти выводы согласуются со следующими вкладками психоаналитиков: убеждения Винникотта о взаимном влиянии; кляйнианские взгляды на системы проективной идентификации и психологический симбиоз Ракера; функциональный симбиоз Блегера,

производный от теории связей (*teoría del vínculo*) Пишон-Ривьера; последующие представления латиноамериканской теории поля, относящиеся к бессознательным связям (*vínculos*) между интра- и интерсубъективным; фундаментальные эмоциональные связи (корпоративные образования) Саймингтона, обрабатываемые в различных каналах знания; интерсубъективный аналитический третий Огдена; субсимволический перцептивный сенсорный симбиоз Голдберга; и комменсальное «интерпсихическое» слияние Болоньини при нормальном психическом сосуществовании.

Современные аналитики разных взглядов убедительно доказывают, что психоанализ приводит к психологическому развитию, как путем открытия новой информации о себе, так и, что более важно, путем создания нового способа отношения к своему сознанию. Об этом свидетельствуют последние работы эго-психологов; британских независимых; современных кляйнианских/бионианцев; итальянских бионианцев; современных французских аналитиков, а также лаканианцев; южноамериканские теоретики динамического поля; интерсубъективные реляционные аналитики; Левальд (*Loewald*, 1986) и вдохновленные Левальдом североамериканские независимые аналитики.

Более того, в настоящее время психоанализ обычно определяется как «исследование работы психики... которая является одновременно внутренне обусловленной и реляционно отзывчивой» (*Pine*, 2011, p. 825). Хотя разные психоаналитические школы преследуют различные цели, они сходятся в том, что подчеркивают важность изменений, относящихся к психическому опыту пациентов, включая сопутствующие телесные проявления (*Diamond*, 2011).

В сегодняшней «зарождающейся области общей позиции» (*Gabbard*, 1995, p. 475) большинство аналитиков признают важность принятия своего участия в переносе пациента и признают, что их собственная текущая психическая деятельность, контрперенос, субъективность и интра- и интерпсихические переживания важны для продвижения процесса. Важная грань аналитического действия развивается из бессознательного (а иногда и сознательного) опыта пациента, когда он чувствует текущие ментальные усилия аналитика (т. е. использование разума) по использованию опыта пребывания с пациентом, чтобы способствовать более глубокому пониманию, интеграции и развитию пациента – например, когда пациент испытывает подлинное чувство понимания через неосознанное признание способности аналитика переживать и терпеть то, что проецируется.

Существует широкий консенсус в отношении того, что аналитический процесс – это практически психология двух людей, требующая интрапсихической и биперсональной модели. Бессознательные интерпсихические передачи, протекающие между сознанием пациента и аналитика, включают аффекты, фантазии и другие формы перцептивной/сенсорной коммуникации, которые часто оказывают сильное влияние на аналитический процесс и его терапевтическое действие. Это важно понимать, так как процесс самоанализа лишен всех перечисленных факторов.

Последние модели психоанализа, побужденные достижениями в теории психоаналитического поля и интерсубъективности, а также бионическими и неокляйнианскими разработками, отличаются значимостью, благодаря приписываемым и используемым событиям в восприимчивом сознании аналитика, которые выходят за рамки ассоциаций и концептуальных связей и включают в себя задумчивость аналитика, сновидения, образы, связанные с аналитическими отношениями, аффекты, телесные ощущения и негативную способность. Поскольку сенсорная и аффективная готовность и восприимчивость аналитика позволяют протоментальным коммуникациям и проекциям пациента быть более доступными для аналитика, становится все более очевидным, что психическая жизнь аналитика является, по меткому выражению Ферро (*Ferro*, 2009, p. 219), «главным рабочим инструментом». Более того, благодаря радикальной открытости аналитика и осознанию бионовской «нестабильности» аналитики способны достичь пробной идентификации со своими пациентами, и, согласно одной из традиций, возникающий в результате живой контакт между сознанием аналитика и пациента якобы является «единственным фактором роста» (*Ferro*, 2005a, p. 1541) или эффективности аналитического процесса.

Участие аналитика в переносе пациента и вездесущность контрпереноса сегодня редки. В контексте нормативной и часто продолжительной интроективной/проективной динамики большинство согласны с тем, что аналитики неизбежно вступают в схватку со своими пациентами, а затем используют свой разум для выяснения природы этой схватки.

Поиск пациента через обращение аналитика к себе и молчаливый анализ собственных реакций является общепринятым способом открытия новых аспектов себя, согласно с признанием двуличных форм индуцированных состояний, проективных и интроективных идентификаций, а также коммуникации посредством языка действий, в сфере слабо представленного материала. Когда мы обращаемся к своему внутреннему содержанию, чтобы понять пациента, всегда есть этический и клинический компонент в определении того, как быть психоаналитиком с каждым неповторимым пациентом.

Как и в случае с любой технической инновацией, особенно с акцентированным в настоящее время использованием психического опыта аналитика, существует постоянная опасность неправильного использования, а также возможного нарушения этических норм. Если довести ее до крайности, это может увести в сторону от психологии пациента и сосредоточиться на аналитике или на диадическом процессе как таковом. Внимание к внутреннему миру аналитика может просто прикрыть нарциссизм аналитика, рискуя при этом «поймать аналитика... в ловушку того, что Лакан называет Воображаемым порядком» (*Bernstein*, 1999, p. 291). Воодушевляясь и принимая двухперсональную, интерпсихическую модель, мы не должны забывать ни о ценности одноперсональной модели, ни о важности многих путей или стадий, где происходит аналитическая драма.

Учитывая распространенность заблуждения *pars pro toto*, «все в совокупности», на протяжении всей истории психоанализа, необходимо помнить, что интерсубъективное/интерпсихическое поле существует не за счет, а в дополнение к интрапсихическому пространству. Признание пространства аналитического поля, в котором развиваются феномены между двумя участниками, не противоречит ни специфической динамике и фантазиям каждого члена пары, ни привилегиям техники, которая обращается в основном к этому полю и поэтому рассматривается как самоцель. Поскольку аналитическое использование ума является повсеместным, оно обычно действует бессознательно, вне осознания аналитика (и пациента), поэтому можно задать вполне разумный вопрос: при каких обстоятельствах «использование ума» аналитика становится более осознанным для аналитика?

Внимание к своей психической деятельности часто становится более осознанным, когда человек теряет или не может обрести эмоциональный контакт с пациентом, а также когда такой контакт вызывает у аналитика крайне холодные и/или неприятные чувства. Обычно это происходит, когда пациент страдает от последствий непредставленных или слабо представленных психических состояний, которые не символизируются и не ментализируются, а вместо этого воплощаются в соматические симптомы, деструктивные поведенческие паттерны и проблематичный выбор – часто, когда пациенты не могут удержать в уме образ присутствующего объекта, когда объект отсутствует. Таким образом, чтобы преобразовать психические процессы, происходящие в областях, в которых нарушены символические процессы, в нечто, что можно представить и о чем можно думать, аналитик должен сознательно размышлять о том, что спонтанно и незапланированно возникает в его/ее собственном сознании в результате интерпсихической коммуникации.

Как правило, психическое состояние аналитика наиболее рельефно проявляется при работе с невротическими, непредставленными и слабо представленными, протопсихическими, досимволическими, доконцептуальными, дооперациональными психическими элементами, отражающими отсутствие символических или сформулированных мыслительных элементов, которые, таким образом, ближе к действию. Эти процессы в основном проявляются в сфере дефицитарного функционирования, особенно при травматически обусловленном актуальном неврозе, а не когда мы работаем с невротическими, конфликтными структурами. Эта «препсихическая» сфера подразумевает «рану в сознании... производящую кровотечение репрезентации, боль без образа раны» (*Green, 1998, p. 658*), и более вероятна при работе с высокопримитивными, регрессивными патологическими состояниями, возникающими в крайне дезорганизованных секторах психического функционирования, когда диссоциативные защиты и адгезивные процессы доминируют в периоды травматического перепроживания или соматических срывов или в аутистических, пограничных и психотических состояниях, использующих изолирующие, ригидные защитные функции.

Тем не менее даже у самого здорового невротика есть участки психики, в которых неструктурированные, плохо представленные элементы Ид требуют от аналитика использования сознательного разума, поскольку вербализации пациента «предназначены для того, чтобы что-то сделать или вызвать что-то, а не сообщить что-то» (Busch, 2009, p. 55), так что сознание аналитика находится в осаде со стороны вторгающегося объекта. Такие незаполненные области возникают у всех пациентов, особенно когда они нетерпимы к аффективной близости в аналитической диаде. В этих обстоятельствах, помимо тех, когда пациент освобождает себя от участия в работе, задача аналитика состоит в том, чтобы предложить пациенту использовать аналитический разум для развития мыслей, чувств и психических состояний, а также проработать вновь сформированные психические элементы и связать их друг с другом. Значительные затраты и расход психической энергии в работе по связыванию и ассоциации требуются от аналитика, чтобы связать несформированное, протоментальную систему. Например, Ботелла и Ботелла (Botella & Botella, 2005) утверждают, что для доступа к тому, что лежит за пределами мнемического следа, наглядные образы в сознании аналитика, близкие к дримингу, позволяют элементам, находящимся за пределами репрезентации, трансформироваться в конденсированные эвокативные образы – то есть «образность» создает условия для символизации.

Использование разума аналитика или психоаналитически ориентированного специалиста (ПАС) в обращении к разуму клиента является движущей силой психоаналитической техники и ее главной гранью терапевтического действия. Аналитик или психоаналитически ориентированный специалист обязан создать необходимое внутреннее рефлексивное пространство, которое использует то, что было стимулировано внутри, чтобы понять клиентов и их бессознательные переносы. Саморефлексивное отношение аналитика к собственному сознанию как субъективному объекту, используемому для продвижения аналитического процесса, представляет собой важное место в интерпсихическом, аналитическом поле, которое открывает пространство для символического функционирования. Сам факт, что аналитик размышляет над реверси, ощущениями, чувствами, мыслями, теориями и их эквивалентными неконкретными способами функционирования с равномерно парящим вниманием, приводит к появлению дополнительного элемента, лежащего ближе к сознанию, который врывается в диадическое поле двух лиц, состоящее из бессознательного воздействия пациента, аналитика и совместно конструируемого аналитического третьего (Diamond, 2011).

Хронические акты возникают, когда аналитическая диада оказывается втянутой в слитые, двойственные отношения, скрывающие основную треугольную ситуацию, поскольку отсутствие треугольного пространства препятствует формированию символов, создавая «не-сны для двоих» (Civitaresse, 2013; Cassorla, 2005, 2012). Таким образом, использование сознания аналитика, в частности создание внутреннего разделения (Racker, 1968), часто является решающим в создании пространства для третичности, выходящего за рамки пространства, удерживаемого аналитической

парой, которое часто принимает форму отцовского присутствия с его символическим законом (*Heenen-Wolff, 2007*).

Подобно «закону отца» Лакана (*Lacan, 2006*) использование сознания аналитика служит в качестве разделяющего агента – большого Другого – Воображаемого порядка, который нарушает и отказывается от диадического слияния. Следовательно, полный переход в Символический порядок с его символическим функционированием может привести к установлению более прочного «Закона» (*Birksted-Breen, 2012*).

Рассматривая сознание аналитика как объект, Огден (*Ogden, 1994, p. 17*) ввел понятие аналитического третьего, которое служит для демонстрации того, что совместно создает аналитическая пара. Этот третий как объект, включая принятие и использование аналитиком «очевидно самопоглощенных [нарциссических] блужданий», особенно полезен для понимания сознательного и бессознательного опыта пациента. С этой точки зрения, то, что находится на пути к репрезентации, не принадлежит ни исключительно пациенту, ни аналитику, а скорее третьему или аналитическому полю. Таким образом, как и напоминает нам Огден (*Ogden, 1994, p. 12*), наш дриминг не просто отражает «невнимательность, нарциссическую вовлеченность в себя... [или] неразрешенный эмоциональный конфликт», а скорее непредставленные, протопсихические элементы, которые могут стать репрезентированными в результате работы, начинающейся в сознании аналитика, и являются важными техническими инструментами, облегчающими понимание пациента.

Тем не менее эмоциональный опыт, происходящий в межпсихическом поле, часто имеет подчиняющую природу (*Ogden, 1994*). Например, может действовать иллюзия всемогущества, когда ни один из членов аналитической пары не может думать о том, что бессознательно происходит между ними, и психологически работать с этим опытом.

Нелегко развить способность переносить и ценить необходимую неопределенность в аналитическом процессе, а также сдерживать интенсивные аффективные состояния. Часто бывают длительные периоды незнания, которые требуют терпимости к двусмысленности, бессмысленности и способности выдерживать потребность в связности без преждевременного закрытия сознания – то есть способности поставить себя в положение незнания, чтобы получить то, что остается неизвестным, неопределенным и загадочным, что можно описать термином негативная способность.

Ожидание в контексте неизвестности частично отражено английским словом *abide*, которое означает выдержку, способность не сдаваться. Восприимчивая ментальная позиция ожидания позволяет потенциальным новым способам понимания развивать сознание и помогает преодолеть тупик и тупиковую ситуацию. Активная психическая работа необходима для того, чтобы войти в рефлексивное состояние, в котором тревога от незнания и «неприятное чувство, порождаемое... тем, что пациент отвергает себя как неприятное» (*Faimberg, 1992, p. 545*), достаточно терпимы для аналитика, чтобы сориентироваться в том, о чем он пока не имеет представления. Чтобы оставаться открытым и сохранять «веру» в свои

более интуитивные модальности – временность, обозначаемую временем отстранения и задумчивости, может потребоваться терпимость к здоровому состоянию темноты, особенно в работе со слабо представленными или травмированными состояниями сознания.

Часто требуется значительный психический труд, чтобы принять интенсивный, эмоционально обусловленный психический опыт, не говоря уже о неопределенности застревания в негативной, регрессивной близости». Когда аналитик может это сделать, это можно сопоставить с опытом матери с младенцем – когда восприимчивость, спокойная материнская задумчивость позволяют проводить детоксифицированную переработку хаотических психических элементов пациента (бета) в форму, о которой можно думать, символизировать и метаболизировать (то есть использование альфа-функции аналитика). И все это создает в сознании пациента содержащий объект, который позволяет пациенту чувствовать себя полно и понятно и учиться на данном опыте (*Bion, 1962*).

Соответственно, сознание пациента развивается благодаря постоянному контакту с «контейнирующей функцией» аналитика в течение длительного периода времени. Это возникает из опыта пациента, а также бессознательной идентификации с бессознательным аналитика – нахождения пациентом «дома» в сознании аналитика, где пациент существует как внутренний объект. Это наиболее очевидно во время сдерживания аналитиком интенсивных контрпереносных аффектов, фантазий и импульсов под воздействием проецируемого материала пациента и последующего воспроизведения аналитиком этих аффектов частичными, тонкими способами через формулировку интерпретации, тон голоса, бессознательное невербальное поведение или выбранный тип интерпретации. Тот факт, что аналитика затрагивает проецируемый материал и он пытается это вынести и понять, говорит о том, что проекция пациента по сути терпима. Затем пациент способен признать, что он/она воздействует на аналитика, но подобно тому, что происходит с достаточно хорошей матерью, акты отказа аналитика удерживают пациента (как младенца) от подавления преждевременным агрессивным или сексуализированным ответом проецируемого материала.

В целом, в постепенном процессе идентификации с функцией использования сознания аналитика в качестве сдерживающего объекта и интроекции в него, пациенты свободно используют четыре акта: 1) восприятие психических усилий и активного бессознательного аналитика; 2) ощущение того, что аналитик находится под воздействием интенсивного и/или дезавуированного аффекта; 3) признание того, что аналитик не защищается, чтобы дезавуировать свой собственный интенсивный аффект; и 4) наблюдение за тем, как аналитик пытается переносить интенсивный опыт плохо символизированного, дезавуированного или спроецированного аффекта, а затем передает его значение в попытке быть наиболее полезным. По сути путь самоанализа – это попытка переработать не только свои переживания, но и всемогущее желание метаболизировать психические процессы и за материнский объект, что создает потенциальную удвоенную нагрузку на психический аппарат. В данном случае можно

только предполагать, насколько травматичными могут быть последствия, при неразвитой контейнирующей функции у индивидуума.

Пациенты бессознательно выдвигают требование психической работы со стороны бессознательного аналитика, и поэтому аналитики должны выйти за рамки терпимости и сдерживания того, что исходит из сознания пациента – в частности эмоций, вызванных пациентом, – чтобы проработать то, что исходит из бессознательного пациента и достигает собственного сознания аналитика. Аналитик неизбежно участвует в установлении преимущественно неосознаваемых измерений аналитической связи, или *vinculo* (связи), с пациентом, чтобы создать необходимые условия для работы с бессознательными психическими функциями пациента. Одновременно или, как правило, вскоре после этого аналитик направляет свой взгляд извне, как участник-наблюдатель, на природу взаимодействия и выдвигает гипотезу о границе между внутренним и внешним миром, чтобы определить местонахождение бессознательного функционирования пациента.

Ряд развитых психических функций, включая проницательность, саморефлексивность или рефлексивное самосознание, – часто называемые ментализацией, рефлексивным функционированием, инсайтом и теорией разума, – включают сознательное размышление о работе своего сознания во всей его сложности, для того чтобы способствовать овладению психической саморегуляцией.

Терапевтическое действие разворачивается вполне естественно, хотя и не без конфликтов и борьбы, когда кадр достаточно стабильный, аналитическая установка аналитика в основном сохраняется, а аналитический процесс работает эффективно – то есть когда психические элементы адекватно представлены, символически инвестированы, ассоциативно связаны друг с другом и таким образом способны быть втянутыми в конфликт. Однако это не причудливый идеал, а использование аналитиком своих психических переживаний неизменно сопряжено с борьбой, конфликтами и тяжелой работой, которая отнимает время на протяжении всего аналитического процесса.

Самоанализ, соответствующее, но более широкое понятие, требует способности к исследованию собственной внутренней жизни; более того, работа над сопротивлением пациента самоанализу рассматривается как важная особенность процесса прекращения терапии.

Тяжелую работу, которая производится психически, сложно увидеть, но если рассуждать с позиции определения «психической гигиены», то становится понятней, что данное важно и ценно абсолютно каждому человеку. Мы же обращаемся за пломбой к стоматологу, а не ставим ее себе самостоятельно? Неужели стоматология – это более тонкая работа, чем психологическое консультирование? Почему многие из нас считают, что могут претендовать на те же условия самоанализа, какие были, например, у Фрейда? Или, может, каждый из нас обладает таким же высоким полетом философской мысли, как Ницше?

Библиографическое исследование работ Ницше – «О пользе и вреде истории для жизни», «О будущем наших учебных заведений»,

«Шопенгауэр как воспитатель», «Человеческое, слишком человеческое», «Утренняя заря, или Мысли о моральных предрассудках», «По ту сторону добра и зла», «Сумерки идолов: как философствовать при помощи молота», «Рождение трагедии» и других – дает возможность наблюдать то, самое терапевтическое искусство самосовершенствования (*Bildung*) через призму эллинистической философской традиции и анализ концепции самоанализа.

В ранних и более поздних работах Ницше исследует важность бессознательного, утверждая, что свобода воли, желание и сознание – это иллюзорные понятия, встречающиеся в примитивных формах психологии, основанных на определенных теологических и метафизических идеалах. Для контекстуализации исследования Ницше о самости я обратилась к его динамичному описанию эстетических, метафизических и психологических противоположностей Аполлона и Диониса из его труда «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм». Эти диаметрально противоположные импульсы или движущие силы искусства, человека и жизни развиваются через использование греческих «божеств искусства» в виде Аполлона и Диониса. Как и в древнегреческой религии, каждое божество имеет набор функций и характеристик, так и в данном случае Ницше ассоциирует Аполлона со снами, иллюзией и визуальным обликом, в то время как Дионис, напротив, связан с неискаженной реальностью, переживаниями, природой и естественным плодородием. Природа этих противоположностей исследуется Ницше с эстетической, метафизической и психологической точек зрения, что приводит к абстрактному смягчению рационального, соединенного с аполлоническим импульсом или драйвом, и иррационального, или инстинктивного, соединенного с дионисийским импульсом или влечением. В то время как метафизика и метафизик ищут знания о жизни и мире, которые априори познаваемы и, следовательно, считаются неизменными, Ницше придерживается обратной точки зрения. Для Ницше наша жизнь и собственное существование в ней субъективно интерпретируются а *posteriori* (по факту). Метафизический комфорт, найденный в ранних работах Ницше, и вытекающие из него теологические и метафизические основания старого примитивного психологического Я как устоявшегося были заменены новым психологическим Я, которое является динамичным. И философ достоверно признает, что Я состоит из множества конкурирующих бессознательных и произвольных влечений, которые находятся в постоянном движении. В некотором смысле это важнейшая отправная точка Ницше в его концепции самовоспитания (*Bildung*), которая тесно связана с трудным и болезненным трудом самоанализа.

Ницше опирается на эллинистическую традицию философии, чтобы концептуализировать терапевтическое искусство самосовершенствования, где жизнь человека является его произведением искусства. Именно поэтому средний период творчества Ницше – начиная с произведения «Человеческое, слишком человеческое» и последующие – демонстрирует его приверженность психологическому подходу к самоинтеграции, самосозиданию и овладению собой. Действительно, психоаналитическая

терапия, или психология Ницше, возникает из его серьезного ответа на дельфийскую заповедь «познай самого себя», которая, в свою очередь, требует необходимости освободиться от нарциссизма и его патологических симптомов, особенно если мы хотим достичь умеренного и зрелого Эго, полезного как для себя, так и для других. Чтобы добиться этого, Ницше разрабатывает способ самовоспитания (*Bildung*), который тесно связан с мучительным трудом самоанализа в надежде перехода Я от горячих переживаний к более умеренным и выносимым. Однако этого перехода недостаточно, поскольку он требует искусства познания «нового» бессознательного Я, которое мы подавляли и пресекали, а также психопатологии, которую оно порождает, например бредовой формы самообмана. В одном смысле выведение метафизической философии за скобки – это часть продвижения к «здоровью» или искусству «созидания себя». В другом смысле метафизика служит катализатором для освещения нашего бессознательного Я и парадоксальной функции сокрытия и проецирования на других сконструированного любимого другого в постоянном отрицании нашего истинного Я. Определяя нарциссическую любовь как патологический симптом, Ницше ставит перед собой цель вылечить ее недуги, вернуть Я к психологическому здоровью.

Психологический подход Ницше, его идеи о нашем поведении и сознании заблаговременно предвосхитили последующие открытия «науки о душе», хоть и оказанное влияние на Зигмунда Фрейда так и осталось официально непризнанным.

Психическая болезнь философа стала своеобразным символическим примером, где творчество (искусство) берет вверх над жизнью и приводит к реальной личной катастрофе, исполняя пророчество из «По ту сторону добра и зла»: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать таковым...»

Самоанализ Ницше – свидетельство индивидуального опыта всемогущества, который проявляет наиболее значимую человеческую потребность – «океанического чувства» тотальной любви к себе, но уже в реальности, где обнаружен другой. Непростое и практически невыполнимое условие, где уже невозможно нивелировать присутствие и поддержку другого. Таким образом подтверждается гипотеза, что самоанализ неэффективен без предварительной работы с психоаналитически ориентированным специалистом (ПАС).

Процесс самоанализа говорит о состоянии ума, включающем специфические функции Эго, осуществляемые в уединении. Психоанализ развивает инструменты для обдумывания мыслей, так что вместо предпочтения содержаниям и воспоминаниям приоритет отдается развитию аппарата для сновидений, чувств и мышления. Как точно подметил Буш (*Busch*, 2009), развитие способности к самоанализу зависит от метода анализа, включая стремление клиента к аналитическому процессу. Более того, чем больше ПАС уделяет внимание тому, как анализ помогает клиентам разобраться в себе, тем понятней становится сам процесс исследования, что и является успешным показателем аналитического процесса.

Суммарное влияние бессознательных факторов психоаналитически ориентированного специалиста и клиента создает опыт полного и цельного мышления, сочетающего противоречивые аспекты и постепенно приводящего к успешному нахождению самости. Аналитическая пара, таким образом, выступает как дарующая возможность принятия ограничений и подлинное ощущение уникальности и свободы в правде о себе. В заключение, процитирую известную фразу Ухтомского: нет субъекта без объекта, как нет объекта без субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беквит Г.* Продавая незримое. Руководство по современному маркетингу услуг, Альпина Пабlishер, 6-е издание, М., 2018. С. 27.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
3. *Вацлавик В., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 320.
4. *Головаха Е.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988.
5. *Головаха Е., Кроник А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. С. 198.
6. *Дадашова С.* Фридрих Ницше: по ту сторону религии и морали. 2020. [Электронный ресурс] DOI: 10.21146/2074-5869-2020-25-1-39-48
7. *Джемс У.* Психология / Под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991.
8. *Карпинский К.* Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы / Под ред. Н. А. Логиновой. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 423 с.
9. *Клементьева М.* Исследование биографической рефлексии в ситуации биографического кризиса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 341–351.
10. *Лейбин В.* Словарь-справочник по психоанализу. СПб.: Питер, 2001. С. 73–74.
11. *Леонтьев А.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 150.
12. *Леонтьев Д.* Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. С.18.
13. *Нуркова В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
14. *Сарджвеладзе Н.* Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989.
15. *Старовойтенко Е.* Отношения личности: Философско-психологические и рефлексивные модели // Мир психологии. 2006. № 4. С. 26–38.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 368.
17. *Хорни К.* Самоанализ. СПб.: Питер, 2019.
18. *Bernstein J. W.* (1999) Countertransference: our new royal road to the unconscious? *Psychoanal. Dialogues*, 9:275–299.

19. *Bion W. R.* (1962a) *Learning from Experience*. London: Heinemann.
20. *Bion W. R.* (1962b) The psycho-analytic study of thinking: II. A theory of thinking. *Int. J. Psychoanal.* 43:306–310.
21. *Birksted-Breen D.* (2012) Taking time: the tempo of psychoanalysis. *Int. J. Psychoanal.*, 93:819–835.
22. *Botella C. & Botella S.* (2005) *The Work of Psychic Figurability: Mental States without Representation*. Hove, UK/New York: Brunner Routledge.
23. *Boyras G. Horne S. & Sayger T.* (2010) Finding positive meaning after loss: The mediating role of reflection for bereaved individuals. *Journal of Loss & Trauma*, 15, pp. 242–258. <http://dx.doi.org/10.1080/15325020903381683>
24. *Boyras G. & Efstathiou N.* (2011) Self-focused attention, meaning, and posttraumatic growth: The mediating role of positive and negative affect for bereaved women. *Journal of Loss & Trauma*, 16, pp. 13–32. <http://dx.doi.org/10.1080/15325024.2010.507658>
25. *Boyras G. & Waits J. B.* (2015) Reciprocal associations among self-focused attention, self-acceptance, and empathy: A two-wave panel study. *Personality and Individual Differences*, 74, pp. 84–89. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2014.09.042>
26. *Boyras G. & Kuhl M. L.* (2015) Self-focused attention, authenticity, and well-being. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.029>
27. *Busch F.* (2009) On creating a psychoanalytic mind. *The Scandinavian Psychoanalytic Review*, 32:2, 85–92. DOI: 10.1080/01062301.2009.10592651
28. *Cassorla R.* (2015) From bastion to enactment: the “non-dream” in the theatre of analysis. *Int. J. Psychoanal.*, 86:699–719.
29. *Cassorla R.* (2012) What happens before and after acute enactments? An exercise in clinical validation and the broadening of hypotheses. *Int. J. Psychoanal.*, 93:53–80.
30. *Civitarese G.* (2013) *The Violence of Emotions: Bion and Post-Bionian Psychoanalysis*. London: Routledge.
31. *Cribb G., Moulds M. L., & Carter S.* (2012) Rumination and experiential avoidance in depression. *Behaviour Change*, 23, pp. 165–176. <http://dx.doi.org/10.1375/bech.23.3.165>.
32. *Diamond M. J.* (2011) The impact of the mind of the analyst: from unconscious processes to intrapsychic change. In *The Second Century of Psychoanalysis: Evolving Perspectives on Therapeutic Action*, ed. M. J. Diamond & C. Christian. London: Karnac, pp. 205–235.
33. *Eizirik C. L.* (2010) Panel report – analytic practice: convergences and divergences. *Int. J. Psychoanal.*, 91:371–375.
34. *Faimberg H.* (1992) The countertransference position and the countertransference. *Int. J. Psychoanal.*, 73:541–547.
35. *Ferro A.* (2005a) Bion: Theoretical and clinical observations. *Int. J. Psychoanal.*, 86:1535–1542.
36. *Ferro A.* (2009) Transformations in dreaming and characters in the psychoanalytic field. *Int. J. Psychoanal.*, 90:209–230.
37. *Gabbard G. O.* (1995) Countertransference: the emerging common ground. *Int. J. Psychoanal.*, 76:475–485.

38. *Green A.* (1998) The primordial mind and the work of the negative. *Int. J. Psychoanal.*, 79:649–665.
39. *Heenen-Wolff S.* (2007) From symbolic law to narrative capacity: a paradigm shift in psychoanalysis? *Int. J. Psychoanal.*, 88:75–90.
40. *Lacan J.* (2006) *Écrits: The First Complete Edition in English*, trans. B. Fink. New York: Norton.
41. *Loewald H. W.* (1986) Transference-countertransference. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 34:275–287.
42. *Maslow A. H.* (1968) *Toward a psychology of being* (2nd ed.). New York, NY: Van Nostrand Reinhold.
43. *Ogden T. H.* (1994) The analytic third: working with intersubjective clinical facts. *Int. J. Psychoanal.*, 75:3–19.
44. *Pine F.* (2011) Beyond pluralism: psychoanalysis and the workings of mind. *Psychoanal. Q.*, 80:823–856.
45. *Racker H.* (1968) *Transference and Countertransference*. New York: Int. Univ. Press.
46. *Schott H.* (1985) *Zauberspiegel der Seele. Sigmund Freud und die Geschichte der Selbstanalyse*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
47. *Szasz P. L.* (2009) Thought suppression, depressive rumination and depression: A mediation analysis. *Journal of Cognitive and Behavioral Psychotherapies*, 9, pp. 199–209. (Retrieved from <http://scipio.ro/documents/13115/0343a103-f729-4b59-bd1a-b302863d9eab>).
48. *Trapnell P. D. & Campbell J. D.* (1999) Private self-consciousness and the five-factor model of personality: Distinguishing rumination from reflection. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76, pp. 284–304. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.76.2.284>.
49. *Wallach M., Green L.* (1961) On age and the subjective speed of time. *Journal of gerontology*. Vol. 16. No. 1.

Ineffectiveness of Self-analysis without Preliminary Individual Work with a Psychoanalytically Oriented Counsellor

O. V. Medvedeva

Medvedeva Olga V., psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

The purpose of this article is to popularize preliminary individual work with a psychoanalytically oriented counsellor and to increase psychological literacy among those who do not seek support from a professional and are engaged in self-analysis. In this article I explore the effectiveness and significance of Freud's "primal" self-analysis and examine in detail the unconscious tools and their influence on the analytic process in individual work with a professional. I also want to show the ineffectiveness of Nietzsche's self-analysis through the example of the philosopher's early and later works, as a model of the individual self-search in the process of introspection and the analytic mind reconstruction through the art of overcoming the divided self. In terms of practical relevance, the work can be useful both to psychoanalytically oriented professionals for additional argumentation and understanding of the usefulness of the dyadic analytic process, and to potential clients who find the fact of self-analysis therapeutic and effective, which most often can be ineffective. Keywords: psychology, philosophy, self, introspection, coping art, psychological literacy, individual work, support, efficiency, inefficiency, new reality, information flow, digitalization, psychological techniques.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Нарциссизм в романе Мигеля де Сервантеса Сааведры «Дон Кихот»

Е. А. Костюк

Костюк Екатерина Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психолог.

Нарциссическое расстройство личности – патология нашего времени. Слово «нарцисс» в отношении личности стало употребляться чаще чем когда либо, при этом человек, который его произносит, в большинстве случаев не до конца понимает его значения и что за ним стоит. Аналитики все больше внимания уделяют нарциссическому расстройству личности, много о нем говорят и пишут, так как эта патология стала встречаться чаще других. В статье упоминаются основные психоаналитические концепции нарциссизма. Рассмотрена и проанализирована биография испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры и ее связь с героем его знаменитого романа, Дон Кихотом. Особое внимание уделено «рыцарю печального образа» и его взаимодействию с основными персонажами романа. В статье отражен основной момент нарциссической личности – невозможность существовать без объекта, в глазах которого она находит свое отражение и подтверждение своего существования. Дон Кихот и Санчо Панса – две половинки одного целого – продолжения друг друга.

Ключевые слова: нарциссизм, нарциссическое расстройство личности, моральный нарциссизм, Дон Кихот, Сервантес, сепарация, материнский объект, сублимация, меланхолия.

В наши дни слово «нарциссизм» настолько инкорпорировано в повседневную речь, что оно потеряло свое первоначальное значение, приобретя банальный смысл и множество определений, которые не обязательно перекликаются с точкой зрения психоаналитиков, психиатров или философов, от которых, собственно, оно и пошло. Мы адаптировали это понятие под

нашу эпоху и используем его для описания повседневной жизни людей, не подозревая, какую патологию нарциссизм может в себе содержать.

Для понимания, что каждый отдельный человек имеет в виду под нарциссизмом, необходимо слушать и слышать его, как это делает аналитик в своем кабинете, помогая создать безопасное пространство для свободы выражения. Аналитику необходимо сохранять нейтральность и абстрагироваться от ярлыков, навязанных обществом, чтобы увидеть за ними личность, которой нужна помощь. Нет волшебных рецептов, нет абсолютно-го знания и уверенности в чем-то, психоаналитическое пространство наполнено неопределенностью, вечными вопросами, сомнениями и не перестает удивлять.

Нарциссизм – популярный термин в психоанализе, так как характеризует один из основных этапов развития человеческой личности, в связи с чем и существует такое множество концепций, которые развивались и дополнялись с течением времени: первичный и вторичный нарциссизм З. Фрейда (Фрейд, 1989), объектные отношения М. Кляйн (1997), либидинальный и деструктивный нарциссизм Розенфельда (*Rosenfeld*, 1964), стадия зеркала Ж. Лакана (1999), нарциссическое расстройство личности Х. Кохута (2017), нормальный и патологический нарциссизм О. Кернберга (1985), телесный, интеллектуальный и моральный нарциссизм А. Грина (*Simpson*, 2003) и др. Но у всех этих концепций есть один важный момент, который их объединяет, – неоспоримый факт существования Другого. Нарциссизм – это не отрицание инаковости другого, а, наоборот, основа, на которой он зиждется. Без инаковости нет существования, без существования нет нарциссизма. Основа нарциссизма – Другой, который признает и подтверждает наше существование. И очень точно об этом сказал испанский поэт Антонио Мачадо: «Глаз, который ты видишь, не называется глазом, потому что ты его видишь, это глаз потому, что он видит тебя» (*Castro*, 2006, p. 33).

Уже в течение многих лет психоаналитики замечают, что пациенты, которые страдают от классического невроза, описанного Фрейдом, сменяются пациентами, у которых наблюдаются неопределенные симптомы: чувство пустоты, дезориентация, нехватка мотивации, чувство неудовлетворенности, скука, сложности в коммуникации, мысли о суициде и другие. Все эти симптомы характерны для нарциссического расстройства личности.

Нарциссизм – это термин, которым можно охарактеризовать нынешнее общество. Мы живем в эпоху высоких технологий и социальных сетей, которые наделяют нас мнимым чувством всемогущества, так как мы можем с легкостью контролировать свою жизнь и показывать то, что посчитаем нужным, а именно свою идеальность, которая помогает питать наш нарциссизм; там же мы находим убежище от пугающей реальности и все больше погружаемся в фантазийный мир, в котором как будто бы все наши влечения и желания могут быть удовлетворены легким нажатием одной клавиши. Однако со временем чувство неудовлетворенности может нахлынуть как волна, и суровая реальность пробьется через эту стену виртуальной жизни и разрушит хрупкий нарциссизм личности, что и

было замечено в романе «Дон Кихот» знаменитого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры, о котором далее и пойдет речь в статье.

Следует отметить популярность романа среди психоаналитиков, многие упоминают его в своих трудах. Не секрет, что Сервантес и его «Дон Кихот» повлияли на становление юного Фрейда, который, будучи подростком, выучил испанский язык, для того чтобы читать роман в оригинале. Фрейд был настолько увлечен чтением Сервантеса, что не смог толком написать любовное письмо своей будущей жене, прося прощения, что не пишет ей часто, так как очень увлечен чтением «Дон Кихота» до самой ночи. Фрейд сравнивал себя с этим рыцарем печального образа, так как тоже когда-то был благородным рыцарем в поисках своей Дульсинеи и «сражался» с реальным миром, иногда неверно понимая простые вещи и преувеличивая многое. Фрейд писал, что Дон Кихот – фигура серьезная, далекая от юмора сама по себе, но которая доставляет нам удовольствие своей непосредственностью и вызывает улыбку (*Freud, 1960*).

То, что начинается как, казалось бы, веселое и забавное приключение немолодого господина, ведущего закрытый образ жизни и живущего в мире своих фантазий, позже превращается в трагифарс, в котором действует герой с нарциссическим расстройством личности, проблемами идентичности, мазохизмом, влечением к смерти. Сервантес помогает читателю погрузиться в глубокий мир человеческой души, познать ее, осознать ее хрупкость и увидеть, насколько сурова и беспощадна реальность, которая может с легкостью ее разрушить, если с самого рождения не был заложен крепкий фундамент нарциссизма.

Но прежде чем погрузиться в анализ главного героя романа, предлагаю сначала уделить внимание жизни и творчеству создателя этого шедевра, Мигеля де Сервантеса Сааведры. В отличие от судьбы его современника Лопе де Веги, который с юных лет был успешен как драматург и поэт, жизнь Сервантеса была наполнена нарциссическими ударами и представляла собой череду семейных и профессиональных неудач. Плен, тюрьма, публичные унижения, вечные проблемы с доходом – фортуна была не на его стороне.

Четвертый из мальчиков многодетной семьи, где было еще три брата и три сестры, Сервантес родился в 1547 году в семье хирурга и дочери дворянина, потерявшего свое состояние. Растить в семье, где есть еще шесть детей, уже означает выдерживать конкуренцию и лишения, нужно мириться с тем, что мать никогда не будет принадлежать только тебе одному и, родившая еще троих до тебя, наверняка чувствует себя изможденной. Можно предположить, что на Мигеле могло закончиться инвестирование матери в ребенка в связи с ее опустошенностью. В XVI веке отношение к ребенку нельзя было назвать эмпатичным: дети подвергались насилию и физическому, и сексуальному, их туго пеленали, оставляли долгое время одних в кроватках, иногда мокрых и голодных, было принято иметь кормилицу, которая давала свое молоко младенцам, поэтому, возможно, Сервантесу пришлось редко соприкасаться со своей матерью. Все эти обстоятельства могли стать причиной недостатка первичного нарциссизма, который очень важен на пути становления личности. Вначале либидо

аккумулируется в Оно, а Я в этот момент еще очень слабое и находится на стадии формирования. Оно инвестирует часть либидо в эротические объектные катексисы, а окрепшее Я пытается присвоить это либидо и навязать себя как объект любви. Таким образом, нарциссизм Я вторичен и достигается путем отказа от объектного либидо. Ведь именно на стадии первичного нарциссизма его «величество младенец» (Фрейд, 1989) должен ощущать себя всемогущим и все его потребности должны удовлетворяться по первому зову, что вряд ли было возможно в те времена, когда младенческая смертность была высока и этому не придавали особого значения. Уход за младенцем был не особо пристальным, к потребностям ребенка не было должного внимания, и скорее дети были предоставлены сами себе. Отсюда возникает необходимость чрезмерно галлюцинировать, уходить от травмирующей реальности, и появляется один из первофантазмов – возвращение в потерянный рай, что Сервантес и демонстрирует, выбирая изначально профессию военного и участвуя в боях, рискуя жизнью в попытках найти спокойствие и умиротворение, как и его герой Дон Кихот. И если Дон Кихот все же ломается под тяжестью реального мира, Мигель, напротив, мужественно справляется со всеми тяготами и находит дело всей своей жизни – писательство, которое в итоге приносит то, что он так долго искал – признание.

Судьба Сервантеса была предрешена судьбой его отца, который сбежал из-за накопившихся долгов из одного города в другой, процветающий, чтобы начать там новую жизнь, но в итоге все же провел семь месяцев в тюрьме за неуплату. Хоть отец его и не отличался особой образованностью, но в образование своих детей очень вкладывался. Мигель был не по годам развит и умел прекрасно читать, как и его сестры, что по тем временам было очень необычно (*Fernández, 2004*). В целом семья всегда находилась в поиске доходов и в связи с этим была вынуждена постоянно переезжать. Удивительно, что Сервантес не сходил со своего курса бедности и неудач в течение всей жизни, учитывая многие его выдающиеся дела.

В свои 17 лет Мигель был очень застенчивым заикающимся подростком. В 23 года Сервантес пошел служить и стал участником знаменитой битвы при Лепанто, в которой испанцы нанесли поражение турецкой флотилии. Победа в этой битве принесла немедленную славу всем участникам, включая Сервантеса, который был трижды ранен и у него отнялась левая рука. Но он не унывал и позже, после успеха первой части «Дон Кихота», говорил, что потерял левую руку ради славы правой. Сервантес мечтал добиться более высокого социального и экономического статуса в своей военной службе, именно для этого он направился после очередной битвы на родину вместе со своим младшим братом, который был с ним бок о бок все это время. По дороге домой на корабль напали и двух братьев взяли в алжирский плен. Выкуп назначили непосильный для семьи Сервантеса. Мигель пытался несколько раз бежать, но все попытки были неудачными. На второй год пребывания в плену мать и сестры накопили денег на выкуп младшего брата Родриго, а Мигель продолжил оставаться в плену. В общей сложности он пробыл там пять лет,

пока его мать не придумала план освобождения и не насобирала денег на его выкуп (*Fernández, 2004*).

О любовных похождениях Сервантеса известно немного, во время службы он встречался с молодой дамой, от которой у него родился сын. По возвращении из плена 33-летний Мигель завел роман с замужней женщиной, которая родила ему дочь. И, наконец, в возрасте 37 лет он женился на юной дворянке 18 лет и прожил с ней до конца своих дней, детей у пары не было (*Fernández, 2004*). Можно ли предположить, что в первых двух отношениях семья не сложилась ввиду появления детей, что означало для него превращение женщины в материнский объект, с которым запрещено выстраивать любовные отношения? Возможно, здесь также наблюдается неспособность проделать сепарацию с матерью. Ведь чем хуже первичный объект, тем сложнее от него сепарироваться, так как субъект тратит почти всю свою жизнь, чтобы найти и заслужить любовь объекта. И, вероятно, Сервантес, как и его знаменитый герой, выстраивал нарциссические отношения, в которых на другого проецируется образ себя, которым субъект является, хотел бы быть или которыми были его первичные идеализированные объекты.

Интересно, что после женитьбы Сервантес углубился в писательство, как будто бы сублимировав свои сексуальные инстинкты в творчество, и через десять лет, вместо ребенка, который мог бы стать логичным продолжением его брака, на свет появилось первое важное произведение «Галатей», которое принесло ему успех. Благодаря ему он принял решение продолжать писать комедии, хотя сомневался, что сможет конкурировать с нашумевшим Лопе де Вегой. Именно так и вышло, Лопе его затмил. Сервантес написал около 30 произведений, но в итоге почти все они потерпели неудачу, что надломило его, он бросил писать на какое-то время и вернулся к этому делу только к концу жизни. Когда ему было 58 лет, вышла первая часть «Дон Кихота». В то время Сервантес был иссохшим, худощавым мужчиной, терпимым к своей нестабильной семье, неспособным зарабатывать деньги, малодушным в мирное время и решительным в военное. Слава романа не заставила себя долго ждать, но экономический эффект был едва заметный. Уже ближе к 70 годам появилась вторая часть знаменитого романа. До самой смерти Сервантес продолжал писать свои произведения.

Мигель де Сервантес Сааведра был удивительным человеком, прекрасным писателем, ветреным и мечтательным, далеким от житейских дел, что помешало ему заработать на своих военных кампаниях и произведениях. Он был искренен во всем, что делал, и не думал о корысти. Если воевать, то во всю мощь и собрав все свои силы, не обращая внимания на болезни. Если писать, то со всей пылкостью и погруженностью в фантазии и грезы, которые рождали такие гениальные произведения.

Теперь же предлагаю погрузиться в психоаналитическое путешествие по гениальному роману про Дон Кихота. Главный герой – одинокий мужчина 50 лет по имени Алонсо Кихано, живущий в XVI веке в Испании. По тем временам он считался уже старым, так как доживали тогда примерно до 40 лет. Семья Алонсо состояла из племянницы, домработницы

и разнорабочего. Алонсо держался довольно обособленно от своей многочисленной «семьи» и всегда пренебрегал их желаниями во благо своего комфорта и безопасности. Он принадлежал к среднему классу и получал доход от собственности, которой владел. Так как распоряжение имуществом было его единственной работой, она не занимала особо много времени, и он предпочитал проводить свободное время в своей библиотеке. У Алонсо не было особых обязательств перед кем-либо, как у наемных работников перед работодателем, поэтому он жил без определенной цели в реальном мире. Этот факт лишал его возможности развития в какой-либо области, отнимая шанс преуспеть в чем-то. Он не особо интересовался религией, но регулярно общался с местными священниками.

Все свое время Алонсо Кихано уделял чтению рыцарских романов и пристально изучал всех героев. Он настолько увлекся чтением, что начал продавать свое имущество, чтобы покупать книги. Как только он заканчивал одну книгу, тут же переключался на другую. Такое стремление больше походит на Obsессию, и она только на время заполняет пустоту в жизни Алонсо. После длительного погружения в рыцарские романы Алонсо вдруг решил, что его призвание по жизни – рыцарство. Вдобавок ко всему, одержимый желанием исполнить свою миссию, он чувствовал, что время поджидает и он стареет, а не молодеет.

С самых первых частей романа становится понятно, что у Алонсо недостаточно опыта в межличностных отношениях, как внутри своей «семьи», так и за пределами. У него были все средства, чтобы содержать семью, но он предпочитал не жениться и не заводить детей. Хотя в обществе его уважали и считали образованным, его изоляция от всех не давала ему возможности заводить друзей. Он поддерживал отношения лишь со священником и цирюльником для выполнения определенных функций, а они по итогам объединились с племянницей и домработницей Алонсо и решили устранить из его жизни «дьявольские» романы. Алонсо закрылся от них, поскольку они ущемляли его свободу, и решил перевоплотиться в Дон Кихота, таким образом отгородившись от мучительной реальности. Целомудренный образ жизни Алонсо, его воздержание от брака и сексуальных отношений, не соответствует нормальному образу жизни мужчины в те времена. Почему в романе отсутствует хоть какой-то намек на любовные отношения? Возможно, все свое либидо он инвестировал сначала в чтение романов, затем в свои приключения, чтобы не дать ни единого шанса сексуальным влечениям вырваться наружу. Можно еще также предположить, что Алонсо гомосексуален и подавляет это, чтобы не потерять уважения в обществе и исполнить роль гетеросексуального рыцаря.

Взаимоотношения Дон Кихота и Дульсиныи Тобосской, настоящее имя Альдонса Лоренсо, полностью платонические, и в них отсутствуют какие-либо физические и сексуальные подтексты. В романе не упоминается, был ли Алонсо знаком с Альдонсой, но он был уверен, что эта женщина не особо привлекательная. Тогда как Дон Кихот считает ее красоту выдающейся и описывает ее как прекрасную даму из рыцарских романов.

Образ Дульсиныи – это проекция нарциссического желания, идеальная женщина, которая существует и принадлежит только ему одному. Но этот образ выдуман Дон Кихотом, а на самом деле она крестьянка из соседней деревни. На протяжении всего романа Дон Кихот бросает себе вызовы ради своей воображаемой возлюбленной, чтобы удостовериться, что он достоин ее. Она является лишь зеркалом, в которое он может проецировать свой нарциссизм, свою славу и победы. Дульсиныя выступает как средство, благодаря которому Дон Кихот завоевывает себе уважение и славу, она представляет собой нарциссический идеал, который нужно оберегать от любых намеков на плотские желания. Интересно, что в имени Дульсиныя содержатся материнские истоки, так как испанские слова *dulce* или *dulzura* (сладкий или сладость), возможно, предполагают сладость материнского молока (*Capps, 1999*). Таким образом, ее можно назвать материнской фигурой его первичного нарциссизма. Его нарциссической целью является признание значимости его образа другими через признание Дульсиныи, которая является хранительницей собственно его образа. Иными словами, его существование зависит от ее существования, как существование младенца находится в полной зависимости от матери. Когда Дон Кихот теряет Дульсиныю, он теряет всякий смысл жизни и становится жертвой меланхолии, его одиночество становится таким всеобъемлющим, что он сталкивается с абсолютно разочаровавшим его миром, который безразличен к нему.

Что касается сексуальности Дон Кихота, то кажется, что он ее сублимирует в благородные цели и его способность противостоять запретным желаниям демонстрирует его моральный нарциссизм, то есть он отказался от удовольствий во имя чести, прикрываясь ею. Моральный нарцисс всегда добровольно отказывается от удовольствия, если представляется такой шанс. Таким образом Дон Кихот причиняет себе страдания и лишения во имя идеализированного образа Дульсиныи, которой он не может обладать. Будучи моральным нарциссом, Дон Кихот все время рискует впасть в депрессию, что и подразумевает сам Сервантес, когда называет его «рыцарем печального образа», или в меланхолию, которая может возникнуть в ответ на потерю любимого объекта, который интроецируется и атакуется, а затем превращается в самонаказующую (и самонаказуемую) ненависть. Это и можно наблюдать в конце романа, когда он приходит к потере себя, своей индивидуальности, и, будучи при смерти, в ответ на уговоры Санчо Пансы не отречься от своей пусть и вымышленной личности, категорически отказывается это делать.

Алонсо Кихано никогда не был выдающимся человеком в обществе. Став Дон Кихотом, он обрел не только славу, но доминирующую позицию в отношениях с Санчо Пансой, дающую ему возможность отдавать приказы, открыто критиковать его и позволять ему брать на себя все удары в их приключениях. Дон Кихот очень ответственно подошел к выбору оруженосца, и это позволило заполучить эту доминирующую роль. Он подобрал небогатого, из рабочего класса оруженосца с низким уровнем интеллекта. Для Санчо Алонсо выглядел не просто рыцарем, а даже королем. Стратегический выбор Санчо в качестве напарника помогает

Дон Кихоту чувствовать себя хозяином положения. Несмотря на сомнительное психическое состояние Алонсо Кихано, Санчо все же соглашается быть у него в подчинении. Дон Кихот все время подчеркивает свою доминирующую роль, подшучивая и надсмехаясь над Санчо, комментируя отсутствие хороших манер и ума у него, и все последствия деяний и выбора во время их путешествий Дон Кихот перекладывает на Санчо.

Дон Кихот не всегда плохо относится к оруженосцу. Как и положено хорошему лидеру, он щедр к нему. Дон Кихот всегда следит, чтобы Санчо был сыт, и обещает ему вознаграждение в виде острова. Он также выступает в роли учителя для Санчо не только в части грамотной речи и этикета, но и в части жизненного опыта, помогая формированию его личности и идентичности. Отношения Дон Кихота и Санчо поддерживают и укрепляют старания оруженосца быть покладистым нарциссическим продолжением своего хозяина, но не просто так, а за награды (еда, вино, остров). Интересно, что до появления этого союза Алонсо был покорным, податливым по своей натуре, так как он избегал реального мира. Резкая трансформация из скромного человека в доминирующего удивительна, учитывая тот факт, что обычно личность человека не меняется на протяжении всей жизни.

Со временем взаимоотношения рыцаря и оруженосца меняются по мере того, как меняются их роли доминирования-подчинения. Это нарушает баланс мирных и симбиотических отношений. Изменения в отношениях происходят к середине романа, когда Санчо Панса становится сильнее благодаря своей преданности и легкой обучаемости. Дон Кихот же становится ведомым, когда постепенно подступает его депрессия и он устает. Из-за смены ролей возникает внутриличностный конфликт, о котором Санчо даже не подозревает, главная роль рыцаря ускользает от Алонсо в связи со старением, потерей сил и изнурительной депрессией. Смена ролей также распространяется на их представления о мире. Санчо перенимает наивность и идеалистический взгляд Дон Кихота и начинает поддерживать приключения и истории Дон Кихота, вместо того чтобы сохранять трезвость ума и подсвечивать реальность. Дон Кихот и Санчо Панса поменялись местами, как будто поменялись масками и передразнивают друг друга.

Помимо навязчивого приобретения и чтения рыцарских романов Алонсо также развивает свой странный психический мир, через призму которого он видит реальность. Основа его внутреннего мира – то, во что веришь, то и видишь, а не наоборот. Возможно, это было связано с тем, что он долгое время был погружен в чтение и представление этого книжного мира в реальности. И как следствие Я Алонсо Кихано делится на две части, и рождается Дон Кихот. Каждая часть преследует свою выгоду. Расколотое Я пытается найти себя, актуализироваться. Идентичность героя нестабильна и постоянно меняется, приводя к патологии в поведении. В результате образуется противостояние не только реальности и репрезентации реальности героя, но и современного человека и целого мира.

Дон Кихот – героическое, но нарциссическое альтер эго Алонсо Кихано. Успех Дон Кихота в достижении целей Алонсо, стремящего к чему-то

большему, имеет прямую зависимость от нарциссических характеристик и мотивов. Если посмотреть на Алонсо и его нарциссического двойника Дон Кихота с психоаналитической точки зрения, то можно сказать, что они страдают нарциссическим расстройством личности. Это расстройство включает в себя ряд признаков, которые влияют на поведение и взаимоотношения, и их можно наблюдать у Дон Кихота на протяжении всего романа. Кернберг (*Kernberg, 1985*) к таким признакам относил чрезмерный эгоцентризм, высокие амбиции, грандиозные фантазии, зависимость от признания и одобрения и неустанную потребность в поиске гениальности, силы и красоты. Он отмечает патологию внутреннего мира, несмотря на кажущуюся адаптивность в поведении. Эта патология проявляется в неспособности любить, недостатке эмпатии, вечной скуке, опустошенности, неуверенности в своей идентичности, а также использовании других. Также он подчеркивает, что в ней постоянно присутствует чувство зависти, и защитой от нее выступают обесценивание, всемогущий контроль, нарциссический отказ/уход от любых отношений.

Чтобы превратиться в рыцаря, Алонсо должен повысить уверенность в себе и искренне верить и действовать так, как будто он представляет собой грандиозную фигуру из рыцарской эпохи. Преувеличение рыцарских талантов Дон Кихота, таких как битва на мечях и благородство в бою, способствует раздуванию его Эго и самооценки. К его талантам добавляется и красноречие, которое призвано демонстрировать всем, что он образованная личность. Также Дон Кихот не забывает делать замечания при ошибках речи другим персонажам, особенно Санчо Пансе, разговаривая с ним свысока, и это длится на протяжении всего романа, даже когда Санчо становится губернатором маленького острова. При этом Дон Кихот говорит так, как будто делает ему комплимент, но на самом деле принижает Санчо. Когда у Санчо появляется то, чего нет у Дон Кихота, доблестный рыцарь атакует его эмоционально и вербально. За словами, адресованными Санчо, скрываются горечь и зависть, присущие нарциссической личности.

Раздутое Эго в случае Дон Кихота привело к усилению чувства собственного достоинства. Дон Кихот не только верит в то, что борьба за других людей идет ему во благо как странствующему рыцарю, но он также убежден, что все нуждаются в нем, мир бы просто пропал без него. На самом же деле миссия Алонсо Кихано не альтруистическая, как у рыцарей из его романов, а нарциссическая, и служит ему самому, при этом игнорируя потребности и желания других. Дон Кихот также верит в то, что широкую известность и признание можно заполучить только путем рыцарства и что он заслужил свою славу только за то, что он странствующий рыцарь и слуга народа, хотя в реальности он прославился как городской безумец. Такое внимание с негативным оттенком – это все-таки тоже внимание, и оно утоляет жажду Алонсо в признании другими и бессмертии, что является основным желанием нарцисса.

Одним из критериев нарциссического расстройства личности является использование других людей в своих личных целях, и это Дон Кихот в полной мере демонстрирует в отношениях с Санчо Пансой.

Задача Санчо – подтверждение подлинности личности его господина, доведение до людей информации, что Алонсо Кихано – действительно тот самый странствующий рыцарь. Дон Кихот также использует трактирщиков, которые, как он считает, должны его приютить бесплатно и обеспечить прекрасным обслуживанием, так как рыцари заслуживают только такого отношения. Когда же трактирщики требуют оплаты по счету, Дон Кихот допускает Санчо заплатить за это, выгнав его из-под одеяла в качестве наказания. Он считает, что может вот так просто зайти в трактир, есть, спать в нем и все якобы во имя служения народу, что в конечном итоге наносит вред людям, особенно трактирщику из рабочего класса. Это безразличие к судьбе простолюдинов имеет последствия, которые Санчо принял на себя. Он переживал мучительные унижения и оскорбления как представитель среднего/рабочего класса Испании.

Нарциссическая личность всегда завидует тому, чего у нее нет, и стремится получить желаемое любой ценой. Хороший пример зависти и погони за объектом желания Дон Кихот демонстрирует в случае с цирюльником. Когда Дон Кихот замечает человека с блестящим металлическим тазом на голове, используемым для бритья, он восклицает, что это знаменитый шлем Мамбрина (вымышленный король из рыцарского романа). Этот шлем делает Мамбрина неуязвимым. Что же делает наш доблестный рыцарь, который страстно желал заполучить этот шлем? Он без зазрения совести угрожает беззащитному цирюльнику, и тот в ужасе бросает таз и убегает. Дон Кихот не испытывает никакого чувства вины по поводу насильственного захвата чужой вещи, а заявляет, что он это сделал во имя народа, вернув ему важную историческую реликвию.

Еще одним признаком нарциссизма Дон Кихота являются его постоянные оправдания и обвинения чародеев во всех его неудачах, чтобы ни в коем случае не взять это на себя. Если он допустит какие-то ложные заявления, то он будет скомпрометирован, а нарциссическая личность никогда не ошибается. Хотя оправдания Дон Кихота далеки от истины, он считает, что они, несомненно, правдивы.

И даже в конце своей жизни Алонсо Кихано своими нарциссическими и манипулятивными действиями ранит свое окружение и близких ему людей. Верный оруженосец героя в который раз терпит болезненные последствия нарциссических потребностей хозяина. Вспышка гнева, с которой Дон Кихота обрушивается на Санчо, была попыткой злоумышленно украсть у него все достижения и награды, присвоив их себе. Он восклицал, что оруженосец бесчувственен, безжалостен и что хлеб, милости и титул губернатора он получил незаслуженно и без хозяина он никак бы этого не достиг, все благодаря ему. Дон Кихот видит, что Санчо теперь открываются большие возможности, он научился ораторству, управлению, ну и, в конце концов, он моложе. Это страшно пугает идальго, так как он не хочет потерять последнюю ниточку признания от Санчо. Страх быть покинутым одолевает Дон Кихота.

В заключение хочется сказать, что поиск смысла там, где его нет, – основная задача как для психоаналитиков, так и для писателей. Например, навести порядок в кажущемся хаосе внутреннего мира. Это означает искать

смысл там, где здравость ума упирается в свои пределы. В том, что кажется безумием, можно найти его глубинный смысл. Тем лучше аналитик или писатель, чем ближе они подходят к душевной истине и раскрывают неочевидные смысловые связи для читателя или пациента.

В целом можно понять, почему роман имеет такую популярность сквозь века. Потому что каждый из нас немного Дон Кихот – странствующий рыцарь в суровой реальности, воображающий свои ветряные мельницы, с которыми он борется, чтобы достичь своей наивысшей цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб.: БСК. 1997. Т. 96.
2. *Кохут Х.* Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. Когито-Центр, 2017.
3. *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Логос. 1999.
4. *Фрейд З.* О нарциссизме: введение // З. Фрейд. Я и Оно. М.: Наука. 1989. С. 120–167.
5. *Capps D.* (1999) Don Quixote as moral narcissist: Implications for mid-career male ministers. *Pastoral Psychology*. Vol. 47. No. 6. P. 401–423.
6. *Castro A. L.* (2006) Antonio Machado y la búsqueda del otro // *Estudios Humanísticos. Filología*. No. 28. P. 27–48.
7. *Fernández Tomás y Tamaro E.* (2004) Miguel de Cervantes. Biografía. En *Biografías y Vidas. La enciclopedia biográfica en línea* [Internet]. Barcelona, España, Disponible en <https://www.biografiasyvidas.com/monografia/cervantes>
8. *Freud S.* (1960) Jokes and their relation to the unconscious. WW Norton & Company.
9. *Kernberg O. F.* (1985) Borderline conditions and pathological narcissism. Rowman & Littlefield.
10. *Rosenfeld H.* (1964) On the psychopathology of narcissism a clinical approach. *International Journal of Psycho-Analysis*. Vol. 45. P. 332–337.
11. *Simpson R. B.* (2003) Life Narcissism, Death Narcissism: André Green, translated by Andrew Weller. London: Free Association Books, 2001. *Canadian Journal of Psychoanalysis*. Vol. 11. No. 1. P. 246–249.

Narcissism in the novel “Don Quixote” of Miguel de Cervantes Saavedra

E. A. Kostyuk

Kostyuk Ekaterina A., Master of psychology (NRU HSE), psychoanalytically oriented psychologist.

Narcissistic Personality Disorder is a pathology of modern times. Calling “narcissus” of any body is heard more often than ever while the person who is telling it generally doesn’t understand its meaning correctly. Analysts are paying more attention to Narcissistic Personality Disorders, they talk and write a lot about it, since this pathology has become more common than others. It is mentioned the main psychoanalytic concepts of narcissism in the article. It is carried out the analysis of the life of the Spanish writer Miguel de Cervantes Saavedra and its connection with the hero of his famous novel, Don Quixote. Special attention is paid to the “knight of the rueful countenance” and his interaction with the main characters of the novel. The article reflects the main point of the narcissistic personality - the impossibility of existing without an object in whose eyes it finds its reflection and confirmation of its existence. Don Quixote and Sancho Panza are two halves of a whole - a continuation of one another.

Keywords: narcissism, narcissistic personality disorder, moral narcissism, Don Quixote, Cervantes, separation, maternal object, sublimation, melancholy.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Недостижимый Эдип в сериале «Почему женщины убивают»

Д. П. Лямин

Лямин Денис Петрович – психоаналитически ориентированный психолог (НИУ ВШЭ).

В этой статье мы проанализируем конфликты героев телесериала «Почему женщины убивают» в психоаналитическом подходе. Постараемся выделить конфликты, имеющие эдипальную причину, сделать предположения о возможных проблемах при прохождении эдипова комплекса. А также проиллюстрируем универсальность эдипова комплекса как причины конфликтов в парных и треугольных отношениях в разных временных периодах (а значит, и при разных социокультурных условиях) и у людей с разными сексуально-партнерскими ориентациями.

Ключевые слова: эдипов комплекс, Эдип, психоанализ, сериал «Почему женщины убивают».

Эдип

Имя Эдипа, убившего отца и женившегося на матери, стало именем нарицательным. Этим именем З. Фрейд назвал важнейший этап психосексуального развития, который основан на бессознательном инфантильном эротическом желании ребенка, направленном на родителя противоположного ему пола, и одновременном стремлении устранить соперника – родителя своего пола.

Эдип может иметь две формы – позитивную и негативную. В позитивном варианте любовное желание направлено на родителя противоположного пола, а агрессия (желание устранить) – на родителя своего пола. В негативной форме Эдипа желания противоположны: любовное желание направлено на родителя своего пола, а желание устранить – на родителя противоположного. Фрейд считал, что эдипов комплекс протекает в возрасте между тремя и пятью годами, затем происходит переход в

латентную стадию и затухание Эдипа. В подростковом (пубертатном) периоде происходит реактивизация эдипова комплекса, которая должна завершиться выбором сексуального объекта, противоположного или своего пола.

Эдипов комплекс является основой структурирования личности человека и базисом формирования желаний. Психоаналитики считают эдипов комплекс основной причиной психопатологии и стремятся найти причины его возникновения, во всем их многообразии, и способы его преодоления для всех видов фиксаций и неврозов. Психоаналитическая антропология считает эдипов треугольник (мать – отец – ребенок) универсальной структурой. Проявления этой структуры типичны не только для культур, в которых представлена семья в традиционном для нас понимании, основанная на брачных узах, но могут быть обнаружены и в других видах культур (Лапланш, Понталис, 2016).

Ребенок (и мальчики, и девочки) в процессе прохождения стадии инфантильной сексуальности начинает испытывать больший интерес к гениталиям и генитальной мастурбации, гениталии становятся преобладающим источником сексуального возбуждения. Фрейд назвал эту стадию развития «инфантильной генитальной организацией» или «фаллической стадией».

Сексуальность взрослого отличается от детской, появляющейся на фаллической стадии. Мальчики начинают гордиться тем, что у них есть пенис, но эта гордость одновременно и неполная, ей мешает сравнение детского пениса с пенисом отца. Фактически мальчик обижен на то, что он еще пока ребенок, а нарциссическая рана от сравнения размера пениса с отцовским порождает мысли, которые позже могут привести к невротическому чувству неполноценности, и оно больше всего проявляется после поражения от эдипального соперничества с отцом (*Freud, 1909*).

Во время прохождения фаллической стадии развития у мальчика усиливается его идентификация со своим пенисом и одновременно нарастает страх, что с этим ценным органом может что-то случиться. Это специфическое чувство называется «кастрационной тревогой». Она играет важную роль в развитии психики мальчика, но сама является следствием очень большой ценности пениса для мальчика (*Fenichel, 1934*).

Операция обрезания, другие медицинские операции в области гениталий и особенно впечатления от факта наличия большего по размерам пениса у более старших детей или у взрослых могут сформировать так называемый «женский тип комплекса кастрации». Он проявляется в виде уверенности взрослого мужчины в том, что у него слишком маленький пенис. Это тип страха может привести к появлению у мальчика идеи вести себя не как мужчина, как будто кастрация уже произошла, и тогда благодаря такому «притворству» удастся избежать риска кастрации, например, за конкурентное поведение. Из-за страха повреждения или даже потери пениса мальчик выбирает поведение с отказом от генитальных притязаний – нарциссические факторы он считает в этот период более важными, чем сексуальные желания, и само обладание пенисом как таковое является основной целью (*Freud, 1924*).

В таком раннем возрасте мальчик может понимать разницу полов только за счет обладания пенисом или его отсутствия, и разделение полов воспринимается не как мужское и женское, а только как «обладание пенисом» и «отсутствие пениса (кастрированность)» (*Freud, 1923b*). Видя существ без пениса (девочек и женщин), мальчик думает, что ранее у них был пенис, но потом они его почему-то утратили. Такой образ мыслей подтверждается аналитиками на основе клинических наблюдений, но возникает вопрос, не стали ли эти мысли следствием защитного вытеснения. Возможно, есть другая, более глубинная причина (относительно страха кастрации) бояться женских гениталий, и поэтому мальчик бессознательно отрицает их существование изначально. Такая идея добавляет дополнительную тревожность к страху кастрации: «ведь это может случиться и со мной», но создает еще дополнительный психический феномен – отрицание возможности существования пугающих своей «кастрированностью» женских гениталий (*Jones, 1933*).

В этом возрасте мальчик считает, что все остальные люди устроены так же, как он. Узнав, что есть люди, лишённые пениса, мальчик, наоборот, пугается, а не успокаивается, потому что осознает ошибочность своей идеи об одинаковости.

Девочки, так же как и мальчики, проходят фаллический период развития (*Freud, 1923b*). Девочка, как и мальчик, считает, что все остальные люди устроены так же, как она. И тогда открытие реального положения дел с обнаружением отличия, осознание неправильности первоначального предположения вызывает у нее сильную фрустрацию. Но истинная причина фрустрации, скорее всего, кроется не в самом факте анатомических отличий (*Freud, 1925*), а в понимании социальной неполноценности девочек, основанном на их уже имеющемся опыте взаимодействий (*Horney, 1932*).

Возможно, что пенис для девочки выглядит более удобным и «подходящим» для мастурбации и мочеиспускания. Но более важно уже появившееся мнение девочки, что у мальчика в семье больше привилегий, ему больше дозволено только по причине обладания пенисом (*Horney, 1924*). Поэтому девочка начинает завидовать обладанию пенисом, а клитор, которым она сама обладает, кажется ей не таким значительным, как пенис. Далее зависть может вызвать появление фантазии о том, что она наказана – ее лишили пениса. Эта фантазия похожа на страх мальчика потерять пенис, но все же имеет существенное отличие – девочка думает, что ее уже наказали и в результате пенис утрачен, а мальчик боится возможного, но еще не случившегося наказания. Дальнейшее развитие мальчиков и девочек основано на таком различии. И наша культурная традиция словно бы усиливает причины для зависти взрослеющей девочки и женщины к мужчине. Инфантильная зависть усиливается от столкновений с фрустрациями в процессе взросления.

Объектные отношения

Мать для каждого человека – первый объект для установления отношений. В начале ребенок может установить с ней только частичные отношения, например с кормящей грудью. По мере взросления ребенок воспринимает мать все более целостной, кормление ребенка представляет собой его оральные отношения с матерью. Этот первый тип отношений удовлетворяет в том числе и зарождающиеся эротические и нарциссические потребности. Конечно, мать теперь является самым важным объектом для ребенка.

Развитие объектных отношений в случае мальчиков выглядит простым, потому что мальчик в последующих стадиях развития неизменно считает мать своим единственным объектом привязанности и влечений. Первоначальный выбор объекта остается неизменным при переходе к влечениям стадии инфантильной сексуальности. В этот период любовь к матери остается доминирующей, хотя и сочетается с ненавистью к ней и с любовью к отцу. Но эти противоположные чувства сосуществуют без конфликтов в период инфантильной сексуальности.

По мере взросления и усиления Эго у мальчика начинает проявляться конфликт. Он продолжает испытывать любовь к матери и проявлять любовь к отцу, выраженную в желании мальчика стать таким же, как отец, иметь такие же права и возможности, как у отца. Мальчик начинает ощущать, что отец как будто бы имеет больше возможностей на получение внимания матери, поэтому мальчик чувствует ревность и агрессию к отцу. Такие отношения с матерью и отцом формируются приблизительно к трем годам.

Объектные отношения у девочек развиваются по более сложному пути, чем у мальчиков, им нужно отказаться от привязанности к матери, их объектом желаний должен стать объект противоположного пола – отец. Как пройдет такая смена объекта, быстро или с задержкой, зависит от переживания девочкой разочарований в матери. Девочки имеют характерную только для них и наиболее значительную причину разочарования – это зависть, возникающая у девочек при открытии существования пениса. Конечно, многие девочки в первую очередь испытывают чувство вины за то, что они как будто бы сами нанесли такие повреждения собственному телу. Но все равно девочки обвиняют мать в том, что она не дала им пенис (*Freud, 1931*). После этого девочка рассчитывает получить от отца то, что не получила от матери, а пенис в ее фантазии замещается идеей получения ребенка от отца.

Отнятие от груди, приучение к туалету и особенно рождение сиблингов – все это также возможные причины недовольства матерью у девочки. Мальчики имеют ровно такой же набор причин быть недовольными матерью, но они не отворачиваются от матери как от объекта любви.

При нормальном развитии девочка и впоследствии женщина имеет амбивалентное отношение к матери, это встречается даже чаще, чем аналогичное отношение у мальчиков к отцу. Более того, для девочек характерно постоянное наличие архаичной доэдиповой привязанности

(даже фиксации) к матери. Поэтому во взрослой жизни женщина зачастую выбирает объекты любви, бессознательно находя в них сходство с чертами характера матери, а не отца (*Freud, 1931*).

Фрейд выделил главное отличие развития объектах отношений у мальчиков и девочек: мужской Эдип разрешается за счет кастрационной тревоги – мальчик отказывается от влечения к матери и идентифицируется с отцом; женский Эдип начинает развитие вследствие появления комплекса кастрации – девочка переключается на отца из-за разочарования от отсутствия пениса (*Freud, 1924*).

Эдипов комплекс

Эдипов комплекс считается пиком инфантильной сексуальности у мужчин и у женщин. Различные травматичные ситуации могут быть непреодолимым препятствием для прохождения Эдипа. Непройдённый Эдип является одной из важнейших тем исследования для психоанализа. На первом месте стоят генитальные факторы. Ситуация соблазнения (чаще психическая, чем реальная), например, вызывает интенсивное внешнее возбуждение, которое ребенок не способен контролировать, и может способствовать слишком раннему переходу к генитальной сексуальности. А невозможность контроля возбуждения ребенком создает слишком высокий уровень этого возбуждения, вплоть до травматического, и в результате формируется психическая связь генитальности с угрозой. Эта фиксация ведет к тому, что любая ситуация, вызывающая страхи, способствует и вытеснению сексуальности (страх = любое генитальное возбуждение и влечение) и далее мешает протеканию эдипова комплекса. Такое воздействие имеют все события, которые ребенок воспринимает как угрозу: любые повреждения тела, смерть близких, неожиданно увиденные гениталии взрослых.

Формирование эдипова комплекса протекает под влиянием представлений и фантазий ребенка о сексуальных отношениях родителей. Эти представления могут быть основаны и на реальных наблюдениях, но чаще только на фантазиях или на неправильном понимании случайно увиденного. Если ребенок действительно наблюдал сексуальные сцены (это называется «первичными сценами»), то в его восприятии они выглядят агрессивными или садистическими, поэтому у него возникает фантазия об опасности сексуальности. Она подкрепляется тем, что наблюдение сексуального акта вызывает у ребенка сильное возбуждение, которое чрезмерно для психики ребенка и поэтому травмирует ее.

Ребенок может и не иметь опыта реального наблюдения за сексуальными отношениями родителей, но он использует любые намеки, чтобы домыслить детали и фантазировать об этом. Такая фантазия о сексуальном акте родителей называется «первичной фантазией» (*Freud, 1916–1917*). Повседневное поведение родителей тоже влияет на протекание Эдипа – говоря буквально, невротичные родители могут вырастить невротичных детей, а на то, как протекает Эдип у ребенка, влияет пройденный или непройденный Эдип у родителей. В каких-то условиях родители могут

недополучать сексуальной разрядки, остающееся сексуальное напряжение бессознательно смещается на детей, которые могут воспринимать это только как сексуальное соблазнение, которое усиливает эдипов комплекс.

Для девочек эдипов комплекс остается как будто незавершенным. Женщины могут всю жизнь сохранять привязанность к отцу, а их объекты любви имеют сходство с бессознательным образом отца. Вместо страха кастрации женщины формируют страх потери любви, который значительно сильнее, чем у мужчин (Фенихель, 2015).

Суперэго

Страх потери любви родителей и страх наказания отличаются от других типов тревог, в этом случае не требуется однозначное прекращение наказуемой активности, а ребенок может продолжать опасную активность тайно или вообще притвориться. Но наступает момент в развитии психики ребенка, когда ранее высказанные те или иные запреты родителей принимаются ребенком во внимание даже в отсутствие родителей. В психике ребенка появляется некий внутренний наблюдатель, который теперь вместо родителей предупреждает о том, что определенное поведение может привести к утрате материнской любви. Такой наблюдатель берет на себя важную функцию Эго – предвосхищение реакций внешней реальности на действия ребенка. Таким образом, часть Эго интроецирует родительский объект.

Вначале ребенок, конечно, хочет вести себя так, как ведут родители, делать то, что делают родители, и таким образом идентифицироваться с ними, а принимать запреты родителей он не хочет. Но постепенно, по мере идентификации с родителями, ребенок начинает соглашаться и принимать их и представления о том, что правильно, а что нет, и уже позднее правила и запреты ребенок принимает и ощущает как собственные. Желание ребенка быть как можно более похожим на родителей облегчает ему и принятие их правил и запретов. Принятые ребенком правила и запреты родителей являются предтечами Суперэго, но они еще не очень сильны, ребенок может их нарушать и обходить, например, когда родителей нет рядом или еще по каким-либо удобным поводам. В этот период первоначальные функции Суперэго ребенок может спроецировать на объекты во внешнем мире.

Объектные отношения эдипова комплекса замещаются идентификациями (*Freud, 1923a*), что способствует развитию Эго и усложняет его. Та часть Эго ребенка, которая теперь содержит интроецированные образы родителей (их правила и запреты), пока не может объединиться с остальным Эго, потому что собственное восприятие своего Эго ребенком сильно отличается от «добавленных» к Эго родительских объектов. Далее Эго ребенка как бы занимает у родительских объектов силу и с ее помощью подавляет эдипов комплекс. Такое подавление Эдипа позволяет Эго сделать самый важный шаг для развития, и возникшая структура уже включает в себя Суперэго.

Сформировавшееся Суперэго замещает тревогу чувством вины, а причиной страха может быть фантазия о возможности утратить любовь. Взаимодействие Эго с Суперэго выглядит так же, как ранее ребенок взаимодействовал с родителем, который любил, наказывал и прощал. Также появляется желание избежать наказания. При этом возникает и специфическое желание наказания, оно является формой избегания наказания: акт наказания, кратковременное страдание от него воспринимается допустимым и даже желанным, потому что после краткого страдания прекратится намного превосходящее по длительности страдание из-за чувства вины. Потребность в наказании – это выбор меньшего из двух зол, принесение малой жертвы вместо кастрации.

Выбирая, какие влечения допустимы, а какие нет, Суперэго руководствуется не только реальностью, но и «ощущениями» иррационального «внутреннего представителя» реальности. Теперь ребенку становятся важны хорошие и плохие отношения не только с родителями, но и с Суперэго. Ранее ребенок получал чувство удовольствия и безопасности от любви родителей, сейчас он может получить эти чувства еще от выполнения требований Суперэго. Если же сопротивляться Суперэго, то возникают такая же вина и укоры совести, как у ребенка, которому кажется, что его больше не любят. Строгость Суперэго в целом воспринимается так же, как строгость родителей. Но Суперэго связано с Оно, и поэтому его строгость зависит еще и от инстинктивной активности ребенка. Бессознательная ненависть к родителям может проявиться через страх наказания от Суперэго и даже через получение этого наказания. Чем больше было у ребенка агрессии к родителям, тем более строгим будет Суперэго.

То, как протекал эдипов период, непосредственно влияет на особенности психического функционирования личности, и он отличается у мужчин и женщин. Мальчики отказываются от влечений Эдипа, опасаясь кастрации, а у девочек отказ от влечений происходит из страха потерять любовь, из-за разочарования и стыда. Эти факторы оказывают на девочек меньшее воздействие, чем страх кастрации на мальчиков, поэтому девочки преодолевают Эдип постепенно и неокончательно.

Если доступные функции Суперэго ограничены только лишь вытеснением эдиповых влечений, то в дальнейшем в психике индивида часто проявляется чувство несостоятельности из-за неудач инфантильной сексуальности, формируется нарциссическая травма, которая будет основой невротического чувства неполноценности.

У женщин западной культуры можно отметить особенности в наборе идеалов, запретов и принятых моральных норм: запрет на проявление агрессии, ограничение сексуальных проявлений и вообще ограничения на все формы влечений. Ожидается, что девочка станет доброй, застенчивой, неагрессивной, чистоплотной. Часто встречается общественная установка, что девочка потом будет заботиться о своей матери, то есть станет матерью для нее.

Очевидно, что ценностные идеалы у мужчин и женщин различаются, и, следовательно, различие в идеалах неизбежно приведет к различиям

в функционировании Суперэго (*Bernstein, 1983*). Необходимо уточнить, что различие здесь не в силе или слабости Суперэго, а в том, как оно проявлено – «жестко» или «адаптивно». Иногда более предпочтительна гибкая, адаптивная структура Суперэго, которая способна адекватно приспособиться к реальной ситуации. Есть существенная разница в том, как решить моральную дилемму: мужчины будут придерживаться абстрактных законов и правил, а женщины будут руководствоваться пониманием, что будет лучше для сохранения отношений (*Gilligan, 1982*).

Если развитие Эдипа происходит на основе постоянной и сильной ненависти к матери, то Суперэго будет очень враждебным, критичным и карающим. Девочка может справляться с этими чувствами при помощи реактивных образований, но это не облегчает развитие Эдипа. В таком варианте развития девочка может остаться зависимой от матери на всю жизнь.

Половое созревание

Спокойствие и равновесие латентного периода сменяется увеличением сексуальных желаний, вызванных началом периода полового созревания. В этот период большая часть психической активности направлена на восстановление нарушенного равновесия. Страх перед возрастающей сексуальностью требует защитного поведения, которое проявляется в аскетизме. Одновременно с этим для подростка свойственно противоречивое поведение во всех сферах: общительность и замкнутость, послушание и полное неповиновение, стремительные влюбленности и не менее быстрые разочарования, грубость и нежность и т. д.

Для избегания кажущихся опасными сексуальных объектных отношений используются дружеские отношения, которые, в свою очередь, под давлением влечений начинают приобретать сексуальную окраску. Вследствие этого у подростков возможны эпизодические попытки гомосексуальных отношений, они пока не рассматриваются как патология. Фиксация на гомосексуальном типе сексуального влечения возможна в случае сохранения значительной робости по отношению к объектам противоположного пола или в случае, когда в объектных отношениях начинает преобладать нарциссизм.

Помимо упомянутого аскетизма возможен другой способ совладать с влечениями – усиление заинтересованности подростков в интеллектуальной, научной деятельности.

Достижение зрелости предполагает определенность, принятие своих влечений. Некоторые индивиды боятся такого окончательного принятия и поэтому хотят продлить пубертатный период, не становиться взрослыми. В условиях современного общества такое поведение вполне возможно. Многие невротики не смогли принять свои сексуальные влечения и демонтируют поведение, свойственное более раннему периоду, когда реальность воспринимается как нечто предшествующее полноценной жизни в неопределенном будущем (*Фенихель, 2015*).

Сексуально-партнерская ориентация – девочки

Фрейд считал, что у девочки, в отличие от мальчика, эдиповы желания должны подавляться постепенно, иначе они могут быть вытеснены в бессознательное и послужить в дальнейшем причиной формирования невротозов. Для перехода к позитивной эдипальной позиции девочке необходимо разрешить ряд конфликтов, в процессе этого перехода может сохраняться полученная ранее триадическая гетеросексуальная конфигурация. В подростковом возрасте у девочек возрастает беспокойство по поводу происходящих изменений тела, и, по мнению Плаута и Хатчинсона (*Plaut and Hutchinson, 1986*), этот период важнее для психосексуального развития женщин, чем Эдип. В подростковом возрасте под влиянием физиологических изменений сексуальные импульсы усиливаются, и девочка вынуждена будет искать способы уйти от привязанности к отцу, что приведет ее к использованию реактивных образований. В конечном итоге девочка начнет искать объекты сексуального влечения за пределами семьи.

В подростковом периоде завершается формирование полоролевой идентичности, значительно возрастает роль сексуальности в поведении. Девушка начинает искать новые способы взаимодействия с людьми и особенно с теми, о ком она фантазирует как о возможном любовнике. Также девочка может сменить модель поведения, вместо заботливой и стеснительной девочки появляется уверенная в себе и флиртующая девочка. В некоторых случаях уверенность может перейти в надменность и садистическое поведение по отношению к сверстникам и даже к отцу. Но в начале пубертата поведение девочки с мальчиками и с отцом больше похоже на карикатуру на поведение взрослой женщины и показывает скрывающуюся за этим тревогу.

В Эдипе зарождаются все конфликты, вызванные выбором объекта, но в этот период противоречивые желания существуют одновременно, не вызывая страданий. В пубертате все тревоги и конфликты вокруг выбора объекта любви становятся основной движущей силой. Их питает связывание чувства идентичности девочки и ее сексуальных предпочтений. Поэтому сексуально-партнерская ориентация – это главная проблема и задача подросткового периода.

Гетеросексуальные фантазии и активность в бессознательном девочки могут связаться с эдипальными желаниями, что вызовет появление сильного чувства вины. Вина может заставить девочку начать избегать гетеросексуальных отношений. Если возникает преждевременная гетеросексуальная активность, то это защита от страха поглощения всемогущей доэдиповой матерью. В качестве еще одной защиты может быть выбрана модель отношений «лучших подруг», которая дает сместить регрессивное желание. В начале эти отношения могут помогать фантазированию о гетеросексуальных отношениях, но такая диадическая близость может в итоге стать причиной гомосексуальных фантазий и экспериментов. И в таком варианте развития отношений они могут стать настолько удовлетворяющими, что выбор объекта противоположного

пола может сильно задержаться или девочка вообще откажется от него (Blos, 1979).

Сексуально-партнерская ориентация имеет свой собственный долгий путь развития. Конфликты выбора объекта начинаются в эдиповой стадии, реактивируются в подростковом возрасте, и окончательная ориентация зависит от разрешения этих конфликтов в пубертате. Но и в дальнейшем возможно продолжение реактиваций и попыток разрешения конфликтов выбора объекта, и некоторые личности могут изменить сексуально-партнерскую ориентацию в позднем возрасте.

Сексуально-партнерская ориентация – мальчики

Главным препятствием в выборе сексуально-партнерской ориентации для мальчика является возможное возникновение негативной эдиповой позиции, то есть направленные на отца любовные желания. Это может произойти в процессе идеализации отца и идентификации с ним, тогда они вступают в противоречие с влечением к матери. Обычно мальчик недолго находится в позиции, где он хочет занять женскую роль, отказ от такой позиции определяется страхом потерять пенис, что станет поражением в достижении фаллического нарциссизма, важного для Эго-идеала мальчика. Также для мальчика важно сохранить восхищение и любовь отца, но отношения с отцом формируются на идеализации его мужественности и идентификации с ней, поэтому сохранение женской идентификации становится невозможным (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013).

Физиологические изменения в начале подросткового возраста вновь реактивируют конфликты предыдущих стадий развития: пассивные доэдиповы идентификации противостоят активности мужских идентификаций, эдипальные влечения возрождают страх кастрации и нарушают установки Суперэго из латентного периода. Снова становится активным конфликт выбора сексуального объекта. К нему присоединяются остальные конфликты, усиливая уровень тревоги и напряжения, Суперэго не может удерживать границы нормы и патологии четкими и неразмытыми. Например, снова активные негативные эдиповы идентификации усиливают стремление к дружеским отношениям с другими мальчиками и одновременно вызывают страх гомосексуальности.

Случайный гомосексуальный контакт может вызвать тревогу по поводу своей идентичности, страх привязанности к другим мальчиками и в итоге вызвать регрессию к доэдиповым влечениям. Регрессия такого типа еще больше осложняет конфликт сексуальной идентификации, так как реактивация конфликтов анальной фазы может вызвать страх кастрации, но уже в виде страха перед фаллическим образом матери. Далее этот страх может трансформироваться в страх перед женщинами вообще, которые идентифицируются с репрезентацией фаллической матери. Этот страх может привести мальчика-подростка к отказу от контакта с женщинами и усилить влечение к мужчинам и восхищение ими. Тем более что девочки-подростки в этом возрасте могут вести себя грубо, «преследующе», что только усиливает страх перед ними.

Случайное появление гомосексуальных отношений травмирует подростка, в результате он может попасть во «вторичную подростковую фиксацию» (Blos, 1979), то есть подросток останется в «невыбранной», но фиксированной гомосексуальной позиции. Вообще задача принятия гомосексуальной части подростковой сексуальности – это одна из важнейших задач развития, которую приходится разрешать подросткам. Окончательный выбор сексуально-партнерской ориентации зависит в том числе от того, как была преодолена эта задача.

Когда мальчик-подросток становится взрослым, как правило, он уже достиг понимания своей половой идентичности. В благоприятном случае он интегрировал мужские и женские качества, приобрел стабильные сексуальные предпочтения и представления о желаемом объекте любви.

На выбор сексуального объекта могут оказывать влияние множество факторов, некоторые из которых пока остаются непонятными, но, как правило, выбор ориентации – гетеросексуальной, гомосексуальной или бисексуальной – зависит от разрешения конфликтов на подростковой фазе развития. Разрешить эти конфликты полностью не удастся, и во взрослом возрасте они могут снова стать активными (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013).

Специфические характеристики женского эдипова комплекса

В психоаналитической литературе много обсуждается страх мужчины перед вагиной, но почти не уделяется внимания тому, как женское Суперэго взаимодействует с агрессивным отношением женщин к мужскому пенису. Тем не менее женское чувство вины не вызвано агрессивностью к пенису, хотя в сексе женщина в буквальном смысле поглощает, инкорпорирует пенис, хоть и на небольшое время. Несмотря на временность этого «поглощения», женщина имеет фантазию о постоянном овладении пенисом, более того, фантазию инкорпорировать именно пенис отца, садистически-анальным путем.

В этом желании девочка находит способ защититься от всемогущей фаллической матери и найти новый идеальный объект в отце. Желание девочки получить пенис отца заключается не в получении пениса как такового, вместо этого она имеет инфантильную фантазию о том, что она сделает ребенка из пениса отца. У девочки возникает чувство вины за инкорпорацию отцовского пениса, запрет эротического представления вагины, смещение эротического влечения на клитор. Можно сказать, что происходит вытеснение, отрицание сексуальности, вместе с вытеснением анально-садистического компонента сексуальности по сути происходит отказ от чувственного аспекта сексуальности. Последствиями этого во взрослой жизни могут быть различные расстройства сексуальной жизни и даже фригидность. Анализ чувства вины за инкорпорацию пениса у женщин пациенток приводит к возврату эротического инвестирования вагины, разрешению анально-садистической (поглощающей), агрессивной сексуальности вагины (Chasseguet-Smirgel, 1964).

Любые профессиональные или творческие достижения женщины бессознательно воспринимаются ею как фаллические завоевания. Кроме возможных проблем в сексуальных отношениях описанное выше специфическое чувство вины девочки перед отцом вызывает затруднения в различной деятельности, которые определяют социально принятое положение женщины. Для обоих полов высокие интеллектуальные достижения в бессознательном равносильны обладанию пенисом. Для девочки обладание пенисом означает лишение матери возможности его иметь и одновременно кастрацию отца. То есть чувство вины за превосходство над матерью удваивается чувством вины перед отцом, следовательно, какие-либо достижения в интеллектуальной или творческой сфере становятся невозможными или сильно ограниченными. Чтобы у творческого процесса была цель, достижение какого-то идеала, для создания этого идеала необходимо спроецировать нарциссизм на идеальную фигуру. Идеальной фигурой для девочки может быть только отец, значит, женщины, которые не смогли идеализировать образ отца в процессе развития, не могут получить стимул к творчеству. Еще раз повторим, что фаллос символизирует нарциссическую полноту, фактически совершенство. В нашем бессознательном все, что хорошо функционирует, является образом пениса, поэтому и творческий процесс имеет фаллическое значение.

Девочка хочет вырваться от могущественной матери, для этого она обращается к отцу, чтобы получить себе пенис, после чего у нее возникает страх потери пениса – страх кастрации со стороны матери. Получается, что именно желание отделиться от матери становится причиной зависти к пенису у девочек. Через зависть к пенису у женщины символически выражено другое желание – отделиться от матери и самой стать взрослой женщиной (*Chasseguet-Smirgel, 1964*).

Чувство, что тебя любят, укрепляет самооценку, потеря любви самооценку ослабляет (*Freud, 1914*). Быть любимой, а значит, и получать нарциссическое подкрепление – бессознательный выбор для многих женщин. При этом происходит отказ от возможности развития чувства вины в объектных отношениях, и как следствие возникает неспособность сделать символический переход от зависти к пенису к желанию иметь ребенка.

Здесь же можно отметить часто встречающуюся у женщин идентификацию с пенисом отца. Возможна идентификация с фаллосом, который является парциальным объектом. Такая идентификация выражается в сверхинвестировании Я либидинозной энергией, извлекаемой из внешних объектов. Но идентификация с фаллосом еще и означает невозможность проникновения, то есть невозможность эротических объектных отношений. Желание «быть желанной» является единственной целью, формируется холодное и нарциссическое отношение к мужчинам.

Другой вариант – идентификация с пенисом отца, то есть с полностью зависимой частью объекта. В этом случае женщина психически является дополнением объекта, полностью от него зависимой. В реальности такой тип идентификации означает, что женщина выступает в роли помощницы,

правой руки, вдохновительницы, опоры, посвящает мужчине свою жизнь, действует и живет ради него, а не вместе или для себя.

Согласно христианскому мифу, женщина сотворена (рождена) из ребра (тела) мужчины. В метафорическом смысле мужчина здесь побеждает свою мать и побеждает женщину в целом, она становится его ребенком. Этот миф дает оправдание и для женщины – в ее выборе подчинения и согласия принадлежать мужчине, быть созданной для него, а не просто быть или быть для себя. Таким образом, у некоторых женщин есть выбор лишь между двумя позициями зависимости (*Chasseguet-Smirgel*, 1964).

Боятся ли мужчины женщин, и если боятся, то почему?

Различие полов очевидно, это в первую очередь различная анатомия. Следующее явление, которое тоже повсеместно и присутствует во все времена, – это доминирование мужчин над женщинами. Этот факт и явление превозносятся или отрицаются, но почти нигде не задаются вопросом «почему есть это доминирование?».

Можно предположить, что желание мужчин доминировать над женщинами – это защитная реакция на страх. Чтобы защититься от опасностей, исходящих от женщин, мужчины защищаются доминированием любыми средствами, от социальных до магических, оно существует только для того. Это не страх некоторых мужчин перед некоторыми женщинами, это фундаментальное явление. Что может означать этот страх: мужчины боятся чего-то у женщин или самого факта существования женщин? Правда в том, что оценка значимости мужского пола завышается, а женский пол обесценивается, но и одновременно им восхищаются, женщин обожают и восхваляют (*Cournut*, 1998).

Необходимо рассмотреть несколько психоаналитических идей о том, почему же мужчины имеют так называемый базовый страх перед женщинами. В данном случае психоаналитический подход хорош тем, что формулирует вопросы в терминах «почему», интересуется больше желаниями, чем функциями.

Первое – это понятие «репрезентируемости»: то, что психика человека не может включить в нагруженные аффектом репрезентации, а далее симболизовать и вытеснить, вызывает тревогу и страх.

Второе – это идентификации, которые дают понимание двойственности и различия. Для нарциссизма плохо переносятся так называемые «маленькие различия». А женщины в восприятии оказываются одинаковыми и неодинаковыми из-за «маленького различия». Если задача репрезентировать это отличие настолько трудна для мужчины, что он начинает испытывать по отношению к себе агрессию, то он идентифицируется с агрессором и даже нападает на него (*Cournut*, 1998).

Женское эротическое наслаждение, которое может выглядеть как поглощающая буря влечений, непонятно и поэтому пугающе для мужчин. Сама идея пассивности и даже мазохизма кажется неприемлемой, и, может быть, поэтому мужчины говорят о пассивности и кастрации, чтобы избежать соприкосновения с чем-то, что вызывает тревогу или

страх – страх обнаружить в себе желание женского. Но еще это женское наслаждение непонятно и невыразимо в описании, сами женщины ничего об этом не рассказывают, как будто хотят сохранить в тайне от мужчин. Возможно, они ничего не говорят, потому что оно слишком интенсивное для того, чтобы репрезентация этого чувства могла «зафиксироваться» в психике и затем возвращена для осознания.

Следующее, что непонятно и поэтому вызывает тревогу, – это материнство. Анатомические подробности беременности, созревания плода и рождения ребенка вроде бы понятны и подробно изучены, но дальше начинается то самое «материнское безумие», которое означает для мужчины непонятное психическое слияние матери и ребенка, общение на недоступном уровне.

«Нерепрезентируемое» женское материнское можно хоть в чем-то увидеть, оно в итоге создает детей. Но нерепрезентируемое женское эротическое для наблюдателя-мужчины выглядит как фантазм о бесконечном оргазме, как будто женщины купаются в океане безграничного наслаждения, а мужчины растерянно ждут на берегу. Это наслаждение другого отличается от собственного как будто и немного, принимая во внимание интенсивность собственных ощущений мужчин, но одновременно невообразимо далеко, словно женщины смогли пронести какое-то тайное знание из глубины веков. И это буйство наслаждения на первый взгляд ничего не производит, а значит, поскольку оно непонятно и «бесполезно», его нужно хотя бы ограничить, выставить препятствия, потому что запретить невозможно.

Мужчины «изобретают» идентификации и фетиши, чтобы успокоить страх кастрации. Создают различные по степени фантастичности истории, чтобы объяснить себе тайны женского материнского и женского эротического. При этом социальное поведение и традиции организованы таким образом, чтобы, уважая материнство, ограничивать при этом проявления женского как у женщин, так и у мужчин.

Изначально фантазм о кастрации должен был объяснять женское, но сделать это у него не получается, ни для женского материнского, ни для женского эротического наслаждения. Напрашивается предположение, что, даже будучи кастрированным, пассивным и мазохистическим, женское не является ни катастрофическим, ни даже предосудительным. А может быть, даже желанным? Что, если страх мужчин перед женщинами, этот ужас перед «нерепрезентируемым», для защиты от которого мужчины доминируют над женщинами, на самом деле нужен для отрицания тайной зависти ко всему женскому? Не бояться женского и не отказываться от него означало бы признать и суметь испытать то, что дает и позволяет почувствовать пассивность (*Cournut*, 1998).

Исследование героев сериала «Почему женщины убивают»

На примере историй конфликтов героев сериала мы проверим универсальность концепции эдипова комплекса как причины различных психопатологий в их проявлениях в повседневной жизни.

В сериале показаны отношения взрослых людей, в которых они разыгрывают свои собственные эдипальные конфликты, обусловленные тем, как данный индивид достиг и преодолел эдипов комплекс или же не преодолел и произошла фиксация на одной из более ранних стадий психосексуального развития. Индивиды в парах, каждый со своими особенностями психической организации, уровнями проработанности эдипова комплекса, перекрестно влияют на вторую сторону конфликта, и каждый из них раз за разом пытается в реальных отношениях разрешить эдипов конфликт (можно назвать это третьей фазой – прохождением в реальных отношениях), а в случае неудач попадает в регрессию к предыдущим стадиям развития. Поскольку в сериале очень мало информации о подростковом возрасте и детстве героев, то только на основе показанных регрессий психического функционирования можно предположить, как у героев сериала происходила вторая фаза эдипова конфликта (его реактивация после латентного периода, попытки активного преодоления, выбор сексуально-партнерской ориентации), и попытаться заглянуть в их детский возраст, предположить, как могла проходить первая фаза эдипова конфликта (формирование эдиповой ситуации, протекание и преодоление или затухание с переходом в латентную стадию).

В сериале показана жизнь трех семей (см. *фото 1*) в одном и том же большом доме в г. Пасадена (Калифорния) в разные периоды времени.

Дом здесь тоже является очень важным элементом сюжета, сценой, на которой разворачиваются наиболее важные события, и он как бы связывает совершенно независимые истории семейных пар вместе, образуя преемственность в жизни разных поколений, при этом не имеющих родственных связей (см. *фото 2*).

Фото 1

Фото 2

1963 год, Роб и Бет-Энн Стентон

Первая пара живет в доме в 1963 году. Это Роб (Роберт) и Бет-Энн Стентон, у них была дочь Эмили, но она трагически погибла еще до переезда в дом. Роб – один из топ-менеджеров небольшой частной аэрокосмической компании, Бет-Энн – домохозяйка. Для создания треугольной ситуации в отношениях в сюжете присутствует Эйприл – любовница Роба, она значительно моложе Роба и Бет-Энн, можно предположить, что она принадлежит к следующему поколению, в сравнении с этой парой (см. *фото 3*).

В начале серии Роб Стентон говорит: с Бет-Энн мы встречались в старшей школе. Она делала мне бутерброды и пришивала пуговицы на рубашки. Нет ничего сексуальнее девушки, которая любит о вас заботиться. Бет-Энн была девственницей в брачную ночь. Она хотела быть домохозяйкой. Мы были так счастливы. Первые несколько лет. А потом все полетело к чертям.

В целом такие отношения соответствуют социальной модели этого периода: жена – домохозяйка, первый и единственный сексуальный опыт с мужем. Но даже полное соответствие социальным шаблонам поведения не отменяет наличия лежащих в основе этого соответствия фиксаций. Бет-Энн в описании Роба очень заботливая, но не красивая и соблазнительная, сексуальность здесь приравнена к заботливости. Роб не видит в ней женщину как объект сексуального желания, он видит в ней заботливую и ухаживающую женщину, по сути – образ матери. Конечно, сексуальность здесь тоже присутствует, но она как будто второстепенна, какие-то личные качества Бет-Энн тоже отсутствуют и неинтересны ему, кроме одной-единственной роли – домохозяйки.

Бет-Энн случайно подслушивает в супермаркете разговор своей соседки Шейлы с другой женщиной, из которого следует, что Роба видели в кафе обнимающим и целующим молодую официантку. Чуть позже Шейла пытается обсудить предполагаемую измену Роба. Бет-Энн полностью

Фото 3

отрицает даже вероятность того, что Роб может ей изменять, она отмечает все аргументы Шейлы – «этого не может быть просто потому, что этого не может быть». На какой-то небольшой период времени Бет-Энн регрессирует до состояния ребенка доэдипального возраста, она полностью отрицает реальность, отрицает возможность развития событий другим образом, кроме единственно допустимой для нее модели, в которой она жена Роба, а он ее муж. В этот момент становится возможным предположить, что отношение Бет-Энн к Робу носит не любовный и партнерский, а симбиотический характер и даже намек на возможность прерывания таких отношений крайне травматичен для нее, вызывает сильнейший регресс (см. *фото 4*).

Несмотря на отрицание наличия любовницы у Роба, Бет-Энн едет в то самое кафе, где Роба видели с официанткой, чтобы лично увидеть ее. Она выясняет, что эту официантку зовут Эйприл, у них завязывается разговор, и вместо предполагаемого скандала Бет-Энн принимает предложение Эйприл дружить со словами: «Ты такая милая девочка» (см. *фото 5*). В этом эпизоде отношение Бет-Энн к Эйприл выглядит так, как будто это ее повзрослевшая дочь, возможно, это следствие того, что Бет-Энн так и не отгоревала смерть дочери и ее либидо переключилось на неожиданно появившийся подходящий объект, но на самом деле на проекцию образа дочери.

Фото 4

На основе вступительного монолога в начале и ключевых событий этой серии можно сделать обобщающее предположение о том, что ни Роб, ни Бет-Энн не смогли преодолеть эдипов комплекс в части перехода к триадическим объектным отношениям, они остались в стадии диадической модели отношений. В начале совместной жизни все было хорошо, но

Фото 5

через два года начались проблемы, это может означать, что после рождения у них дочери они оба не смогли сохранить отношения в получившейся триаде. Бет-Энн не смогла выйти из состояния слияния с ребенком и как будто оттолкнула Роба за пределы их новой диады с дочерью. Роб, видевший в Бет-Энн образ своей заботящейся матери еще до рождения ребенка, после рождения дочери больше не может воспринимать Бет-Энн как объект сексуального влечения; у него мог появиться бессознательный страх кастрации за инцест, и поэтому Бет-Энн становится просто матерью, а сексуальные отношения Роб теперь может иметь только с другими женщинами, совместить в одной женщине материнский объект и объект влечения для него невозможно.

В другом эпизоде Бет-Энн пытается оживить их с Робом сексуальные отношения, следуя советам соседки Шейлы, которая, несмотря на социальную роль матери большого семейства, оказывается очень сведущей в вопросах секса. И на примере Шейлы можно понять, что дело здесь не в социальных установках, а в отсутствии у Бет-Энн взрослой сексуальности как таковой. Она остается ребенком, который как будто соблазнен взрослым (ее мужем) и поэтому вынужден подчиниться чужой воле, иметь свои сексуальные желания «ребенку» запрещено. Из другого эпизода мы узнаем, что Бет-Энн после замужества оставила и профессиональное увлечение игрой на пианино (см. *фото 6*), то есть для Бет-Энн

Фото 6

возможно иметь только желания, соответствующие установкам родителей, а в данном случае – родительской фигуры в лице Роба. Хотеть и делать можно только то, что одобряется родителями, то, за что можно получить их любовь. Понимание своих желаний у нее, скорее всего, не сформировалось, ее Суперэго было сформировано как наказывающее и ограничивающее, поддержки она не получала.

После званого ужина у начальника Роба он произносит монолог: моя жизнь как салфетка в форме лебедя – такая же жесткая и в узлах, все смотрят и восхищаются, но никто не знает, как же я вымотался. В жизни совсем нет радости, мне бы хоть посмеяться пару раз. Роб тоже лишен собственных желаний, он усвоил правила и требования родителей, его Суперэго несет в себе соответствие социальным стандартам: много работать, карабкаться по карьерной лестнице, много зарабатывать, а иметь желания и хотеть удовольствия – запрещено. Возможно, под давлением слишком рано сформированного Суперэго у него происходит расщепление женских объектов – на материнский объект и на объекты сексуально-го желания.

Во время вечеринки в доме Стентонов одна из соседских семейных пар ссорится, муж в ней параноидально ревнив, и Бет-Энн ожидала, что Роб вступится за женщину из этой пары, но он не вовлекается в ссору. После вечеринки Бет-Энн устраивает Робу скандал, упрекает его в том, что он трус и не смог защитить соседку Мэри от ее мужа. Роб, пытаясь успокоить ее, спрашивает, почему же Мэри не уходит от мужа, если ей так плохо, как утверждает Бет-Энн. В ответ на это Бет-Энн с отчаянием кричит, что ей тогда негде будет жить! В ссору посторонней пары Бет-Энн разместила свой страх потери Роба как объекта, заботящегося о ней и целиком ее содержащего, разместила свою беспомощность и тревогу. Это ее сама она требовала защищать и впала в такую ярость потому, что в ее бессознательном Роб отказался защитить от проблем ее саму. Внутренний конфликт Бет-Энн нарастает, она охвачена страхом из-за разрыва отношений, который в ее психике становится все более возможным или даже неизбежным.

Далее по сюжету Бет-Энн отговаривает от аборта Эйприл, предлагает свою помощь в уходе за ребенком (см. *фото 7*). А потом в разговоре с Шейлой она рассказывает свою идею: она уговорит Эйприл отдать ей ребенка, и они с Робом усыновят его, у них снова будет ребенок, а Эйприл сможет без помех заниматься карьерой певицы. Здесь очень отчетливо показаны травма потери дочери и непроделанная работа горя, поддержание в психике образа уже мертвой дочери. Можно даже сказать, что Бет-Энн поддерживала галлюцинацию о том, что Эйприл – ее дочь, это было «инвестирование прекрасного трупа», отнимавшее огромное количество психической энергии. Страхи и тревоги текущей ситуации, которые добавились к и так перегруженной психике, по всей видимости, вызвали психотический срыв у Бет-Энн, она перешла к буквальным действиям вместо хоть и болезненного, но фантазирования. Она хочет в реальности заменить (а по сути оживить) своего мертвого ребенка чужим ребенком, забрать только что родившегося ребенка у его матери.

Фото 7

В ряде последующих эпизодов мы узнаем, что дочь Стентонов погибла (см. *фото 8*) из-за трагической случайности, вызванной тем, что Роб приводил одну из своих любовниц в свой дом, но он внушил Бет-Энн, что это именно она не закрыла калитку и поэтому их дочь беспрепятственно убежала на дорогу и попала под машину.

Бет-Энн в итоге узнает правду о ситуации и, по всей видимости, испытывает аффект такой интенсивности, что попадает в психотический срыв: она покупает пистолет и придумывает план, как физически устранить Роба руками патологически ревнивого мужа соседки Мэри, после чего его тоже приговорят к смертной казни и таким образом и Мэри тоже станет «свободной». Она все же пытается получить у Роба признание именно его вины в смерти дочери, чтобы как будто отменить придуманный план, но он все отрицает. Бет-Энн хочет таким странным образом получить повод не доводить ее план до убийства Роба, но в то же самое время она не хочет этого, она избегает задать прямой вопрос, не хочет рассказать, что знает, как все было на самом деле. Она как будто создает себе оправдание, ищет дополнительное подтверждение виновности Роба: это он должен сам все рассказать, он должен взять на себя всю ответственность. Только Роб в этой ситуации может быть «плохим», Бет-Энн не видит себя участницей. Когда невозможно говорить и обсуждать, остается только действовать, например убить «плохого» Роба. Он больше не опорный и заботящийся объект, он превращен во вторгающийся и разрушающий объект.

Роб в этой ситуации – маленький ребенок, боящийся наказания и поэтому все отрицающий. Он пришел к Бет-Энн как к матери, он не может

Фото 8

вести себя по-взрослому и брать ответственность за поступки. Из-за незрелости обоих в паре возникла ситуация с любовницами, которая послужила причиной гибели дочери. Роб не мог быть участником треугольных отношений мать – ребенок – отец, и поэтому у него появились любовницы. Бет-Энн тоже была неспособна выдержать треугольность и

Фото 9

Фото 10

поэтому после рождения дочери оттолкнула Роба как любовника, отправила его на поиски замещающих объектов. Принять смерть, отгоревать ее и попытаться восстановить отношения они тоже не могли, даже разговор об этом был невозможен.

Далее этот план реализуется, Роб убит (см. *фото 9*), Ральф (муж Мэри) арестован. Бет-Энн показана совершенной психопаткой, она совершает своими руками ключевое действие, послужившее триггером убийства, при этом у нее полностью отсутствует аффект, она спокойна, и на ее лице довольная улыбка.

В сцене продажи дома следующей паре Бет-Энн рассказывает про «ужасное убийство мужа и казнь убийцы», говорит, что они с тех пор живут втроем с Эйприл и ее дочерью. Эйприл стала певицей, а Бет-Энн в это время заботится о ее дочери. На самом деле Бет-Энн присвоила себе дочь Эйприл, считая ее своей почти осознанно, она стала для нее замещающим ребенком, как она и мечтала ранее. Эйприл, возможно, стала нарциссическим продолжением Бет-Энн, реализовала ее старые мечты стать артисткой.

Здесь вроде бы сформировалась триангулярность (в ролевом смысле), но на самом деле это странный набор перекрестных идентификаций: Бет-Энн идентифицирует себя с матерью и для Эйприл, и для ее дочери. А для Эйприл Бет-Энн стала комбинированной родительской фигурой: поддерживающим и заботящимся отцом и принимающей матерью. Нет принятия разницы полов, мужчины вообще исключены из отношений, один из важнейших результатов прохождения Эдипа не достигнут.

1984 год. Симона и ее третий муж Карл

История второй пары разворачивается в 1984 году. Симона Гроув – всегда очень эффектно выглядящая женщина, «светская львица», Карл – третий по счету муж Симоны, они оба владеют картинной галереей. Третий участник отношений здесь Томми Харт – любовник Симоны, ему едва исполнилось 18 лет, и он совершенно точно по возрасту находится в следующем поколении. У Симоны есть взрослая дочь Эми, она живет отдельно. И еще в сюжете присутствует мать Томми – Наоми, она же является одной из близких подруг Симоны.

В первом монологе Карл представляет Симону зрителю: «Меня представили Симоне на сборе средств. Какой это был выход! Дизайнерский наряд, блеск алмазов. По походке было видно – она ослепительна и знает об этом». Далее в диалоге с подругой Симона завершает свой образ: мы видим не человека, а нарциссический фасад. Действия и желания Симоны направлены на поддержание внешнего фасада, образа благополучия, шикарности. Все, что она хочет, – это видеть отражение своего величия в глазах других людей, даже самых близких. Подруги подбираются по такому же принципу – прекрасный внешний фасад, соответствие неким идеалам внешности и положения в обществе.

Чуть позже на вечеринке Симона находит подброшенный кем-то конверт, в котором она видит фото Карла, целующегося с женщиной, то есть для нее после стольких лет брака раскрывается правда о гомосексуальности Карла. Симона реагирует так, что можно предположить крушение ее безупречного фасада благополучной жизни, из-за одного события ее жизнь из прекрасной становится ужасной в ее восприятии (см. *фото 10*).

Нарциссическая травма заставляет ее регрессировать к уровню ребенка, возможно к анально-садистической фазе, она хочет буквальным действием отменить травмирующую ситуацию, устранить источник травмы, как она считает, – Симона немедленно заявляет Карлу о желании развода. Попытки Карла обсудить ситуацию, не спешить с действиями натываются на отказ Симоны говорить, она требует немедленного действия. Тогда, воспользовавшись недолгим уходом Симоны, Карл имитирует самоубийство, наглотавшись каких-то таблеток (на самом деле он просто спрятал большую часть из них). Симона, увидев полубессознательного Карла, начинает ругать его, злиться за измену с мужчинами, хочет отомстить ему болезненным разводом, но одновременно она жалеет и хочет спасти его, немедленно вызывает скорую (см. *фото 11*) и сопровождает его в больницу.

Симона может чувствовать и выражать свои чувства: обиду, злость, жалость и сочувствие к мужу. Она не молчит в попытках сохранить нарциссический фасад, она открыто выражает свои переживания. Возможно, регресс к инфантильному поведению помогает Симоне не скрывать эмоции, но, может быть, нарциссическое поддержание благополучного фасада – не только обусловленная психическим функционированием черта характера, но и вполне осознанное поведение (исполнение социальной роли), от которого Симона может и отказаться в определенных обстоятельствах.

Фото 11

Карл имитирует самоубийство, чтобы заполучить внимание Симоны и заставить ее слушать. Только таким способом удастся заставить Симону услышать его аргументы в пользу того, чтобы не расставаться. Здесь можно предположить отыгрывание действием, чтобы получить внимание от Симоны. Возможно, как с игнорирующей матерью в его детстве? Если продолжить это предположение, то и Симона могла быть для Карла образом матери, опорным объектом, и он скрывал свою ориентацию, чтобы получить такой объект в лице Симоны и затем не потерять его. Травматичная ситуация угрозы развода (потери объекта) тоже отправила его в регрессию, поэтому и случилось отыгрывание на грани самоповреждения.

В следующем эпизоде появляется 18-летний Томми, который начинает с утешения Симоны, но потом переходит уже к эротическим объятиям и поцелую. Говорит, что она была его сексуальной фантазией с 14 лет. Симона начинает поддаваться, но затем все же отстраняется. Отказ Симоны носит скорее осознанный социальный характер, Томми неприемлемо молод. Но психически Симона как будто готова к таким отношениям, возможно, потому, что из-за нарциссической травмы (Карл оказался «ненастоящим» мужем) она регрессировала ко второму Эдипу (подростковый возраст), в этом состоянии связь с Томми уже не кажется неприемлемой, запреты Суперэго временно ослаблены (см. *фото 12*).

Томми заявляет о сексуальном влечении к Симоне, которая является ровесницей его матери. Из этого небольшого эпизода можно предположить, что в подростковом возрасте, во время реактивации эдипова комплекса,

Фото 12

отца Томми уже не было в живых и, возможно, мать своей гиперопекой действовала слишком возбуждающе на подростка, но сексуальные чувства к матери были под запретом (скорее всего, во время первого Эдипа Томми удалось интериоризировать запрет инцестуозных желаний), поэтому в лице Симоны он находит способ отщепить сексуальную часть материнского объекта и поместить в Симону, но уже без страха кастрации за инцест.

В эпилоге серии показывают танец танго, и закадровый голос говорит: – ...Танго танцуют двое. Но иногда где-то во тьме... есть третий. И если вы решили танцевать с ним, будьте готовы к грядущим последствиям. Ибо страсть обернется ревностью, любовь может стать жестокой.

Применительно к психосексуальному развитию можно сказать, что в спальне взрослых есть место только для двоих, а если взять в постель ребенка, то жди беды, то есть отклонений в психосексуальном развитии, которые будут влиять на всю последующую жизнь индивида. Можно сказать, что и Симона привела «ребенка» Томми в их с Карлом «взрослую» спальню, появились треугольные отношения, которые так или иначе начнут негативно влиять на всех участников, поскольку никто из них фактически не является взрослым индивидом, прошедшим Эдип и получившим способность выдерживать третьего в отношениях. Более того, здесь перверсная треугольность, в которой все участники имеют реальные сексуальные влечения и могут их реализовывать, и могут в реальности,

а не в фантазии пытаться устранить соперника, что еще более усложняет ситуацию.

После эпизода, в котором Карл помог Симоне сбежать из чужого дома, где они с Томми занимались сексом, он раскрывает ее связь с Томми, но неожиданно для Симоны видит в этом положительные стороны: «Зачем нам разводиться? У тебя будет свой любовник, у меня свой, а дома гармония и интересные беседы». Карл еще раз обозначает, что в этих отношениях для него нет сексуального влечения, он хочет видеть в Симоне бесполого друга, с которым они будут только лишь обсуждать что-то, но эмоции и влечения будут отсутствовать, то есть и ему нужен просто фасад, иллюзия наличия брака, статуса мужа.

В ответ на такое рациональное предложение Карла Симона обижается и злится на мужа за полное отсутствие ревности, она кричит: «Хочу, чтобы мужчина меня так любил, что был бы готов убить моего любовника». В ее инфантильном понимании любви мужчины к женщине любовь должна выглядеть именно так – на пике эмоций, с такой же детской, преувеличенно агрессивной реакцией. Как будто любовь мужчины и женщины – это игра детей в любовь, разыгрывание сцены из фильма или книги. Очевидно, что Симона в эдипов период не получила примера и идентификации с отношением матери к отцу, и отец не давал ей примера, как мужчина относится к женщине, которую любит, скорее всего, отношения между родителями были безэмоциональными, и Симоне просто неоткуда было понять, как они должны переживаться между взрослыми людьми.

В последующих эпизодах происходит развитие линии гомосексуальных отношений Карла, а Симона чувствует себя отвергнутой и упрекает в этом Карла. Отвечая ей, Карл пытается объяснить Симоне, что значит притворяться и прятать свою сущность всю жизнь. Требуется хоть ненадолго взглянуть на ситуацию его глазами, не понять, а почувствовать, каково это. Психика Карла тоже не выдерживает конфликта внешнего облика гетеросексуального женатого мужчины и настоящего Я, поддержание этого фасада становится лишком тяжелой психической работой. Конфликта между Я и Суперэго, которое требует соответствовать социальным нормам того времени, в соответствии с которыми быть гомосексуалистом не очень хорошо, многие возможности окажутся закрытыми, и поэтому чувства должны быть под строгим контролем и их нужно подавлять по первому требованию Суперэго. Но тем не менее Карл осознает существенную часть своих чувств, они не полностью вытеснены.

Далее Карл и Симона вспоминают совместную жизнь, Симона говорит, что в начале размолвки она подумала о том, что зря вышла за него замуж, что он украл у нее 10 лет жизни. Но потом продолжает:

– Ты научил меня кататься на лыжах, научил немного говорить по-французски. Но самое важное – ты показал, как смеяться над собой. Если быть честной, ничего ты у меня не украл, ты дал мне гораздо больше, чем я заслужила.

Симона демонстрирует способность к рефлексии и интроспекции. Сейчас на сцене уже не обиженная эдипальная девочка и не подросток, обуреваемый эмоциями, вызванными реактивацией Эдипа. Как будто за

10 лет жизни с Карлом она дополучила внимание отца, допрожила детство и теперь испытывает желание иметь настоящую влюбленность, для чего ей понадобился 18-летний Томми. Психологически она как будто подошла к завершению второй фазы Эдипа и вот-вот должна принять взрослую сексуально-партнерскую идентификацию.

Карл идет на свидание со своим любовником, а Симона идет на свидание с Томми (см. фото 13). Все выглядит как решение их проблем, как будто жизнь снова налаживается, хоть и в таком перверсном варианте отношений. Здесь как будто окончательно отменена разница полов в паре Симоны и Карла и отменена разница поколений в паре Симоны и Томми – ситуация характерная для доэдипальной стадии развития, улучшение отношений в семейной паре обеспечено тотальной регрессией с точки зрения психосексуального развития. Для Симоны произошло расщепление мужчины на заботящийся отцовский образ в лице Карла и на любовника в лице Томми.

Далее у Карла обнаруживают СПИД, и Симона решает, что отменит поездку с Томми в Париж, чтобы остаться заботиться о Карле. Она добавляет, что Томми обязательно должен поехать без нее и наслаждаться молодостью, а ей пора повзрослеть. В этой кризисной ситуации Симона как будто не регрессирует, а, наоборот, начинает функционировать как намного более психологически зрелая личность. Она старается сохранить отношения и позаботиться о благополучии уже двоих близких ей мужчин. Можно сказать, что в отношении их обоих она выступает как материнская фигура, дает Томми послание о прекрасной взрослой и отдельной жизни, о том, что он может получать от нее удовольствие и не должен испытывать чувства вины. В отношении Карла она не ожидает заботы от него,

Фото 13

а сама хочет дать ему заботу и поддержку, как будто сделанные Карлом инвестиции заботы провели необходимую работу в психике Симоны и теперь она имеет достаточно внутриспсихических ресурсов, чтобы не только принимать, но и отдавать.

Томми не выдерживает этого отказа, садится за руль нетрезвым и попадает в аварию. В бессознательном Томми как будто терпит неудачу в своей второй фазе Эдипа, он не может победить Карла, который своей болезнью возвращает все внимание Симоны себе. Ранее Томми уже «победил» отца и стал единственным мужчиной матери, но в повторении ситуации соперничества Симона отказалась становиться только его, и это непереносимо для подростка Томми. Возможно, бессознательное чувство вины за «убийство» отца и за желание «поражения» Карлу добавилось к импульсу самоповреждающего поведения, как необходимого наказания за эту вину.

Далее мать Томми буквально атакует Симону и Карла, а Томми требует прекратить это и грозит матери уходом из дома. Томми пытается отделаться от матери, в том числе через отношения с другой женщиной, но мать делает все возможное, чтобы удержать его около себя. Томми открыто говорит ей, что он взрослый, он сам решает, с какой женщиной у него будут отношения и он сам эти отношения начинает, то есть он – мужчина. И хотя его отец уже умер, очевидно, что он любил и ценил своего сына, сумел передать ему мужские идентификации. И, даже умерев, он продолжает разделять мать и сына, предусмотрительно создав финансовый фонд, переходящий во владение Томми при достижении совершеннолетия, дав ему последний недостающий элемент самостоятельности, и Томми уверенно решил воспользоваться им.

Симона говорит с Томми о расставании, о том, что он должен ехать в Париж и начать свою взрослую жизнь. Симона предлагает Томми расставание как взрослая личность взрослой, говорит, что у него будет увлекательная самостоятельная жизнь и будут другие женщины, она не единственная, в отличие от матери, которая не может его отпустить. Она видит объективную невозможность продолжать отношения с Томми, понимает, что им нужно расстаться, ей нужно его отпустить, то есть Симона принимает свои ограничения, свою «кастрацию» и принимает реальность такой, какая она есть, без инфантильной иллюзии всемогущества по изменению «неудобной» реальности. Томми тоже в этой ситуации проявляет себя как зрелая личность, видит и понимает интересы Симоны и хочет их поддержать, он больше не требует, как незрелый подросток, удовлетворять его влечения. Но он принимает и реальность, соглашаясь с тем, что они не могут продолжать свои отношения, ему нужно жить дальше и искать более соответствующие его возрасту связи. В этом эпизоде Томми как будто завершает подростковый период, вторую фазу Эдипа, отделяется от матери и делает окончательный выбор отношений как уже взрослый мужчина.

Карл различными способами убеждает Симону в том, что у него остался единственный выход – самоубийство: я хотел бы прожить дольше, но такой возможности у меня больше нет, у меня остался только выбор, как и когда умереть.

Симона танцует с Карлом последнее танго и потом помогает сделать инъекцию смертельной дозы снотворного (см. *фото 14*). Можно сказать, что Симона убивает из сострадания, чтобы спасти Карла от мучений завершающей стадии болезни. Возможно, бессознательно она спасает и себя, чтобы не видеть страданий любимого человека, не чувствовать довольно долгое время полную беспомощность, невозможность помочь. Сложно предположить, какие психические защиты работают в этот момент у Симоны, психика испытывает огромную нагрузку, и, может быть, на какое-то небольшое время происходит диссоциация – «это не я сейчас делаю смертельный укол», чтобы не дать ей быть затопленной чувством вины за участие в смерти близкого человека.

При продаже дома следующей паре Симона сообщает, что она основала фонд по исследованию СПИДа и в этом доме долгое время была штаб-квартира фонда. Симона продолжает спасать мужа, теперь уже в лице остальных больных. Возможно, в этой деятельности она находит и бессознательное спасение от чувства вины за помощь в суициде мужа. Симона больше не интересуется внешней, нарциссической стороной жизни, она занята тем, что приносит пользу людям и обществу и получает от этого удовольствие. Можно сказать, что определенные черты психически зрелой личности Симона приобрела после трагического завершения их

Фото 14

Фото 15

совместной жизни с Карлом. Томми упоминается как известный художник, то есть он получил свою взрослую жизнь и любимое дело, развился как творческая личность (см. *фото 15*).

2019 год. Тейлор и Илай

Третья пара – наши современники, живущие в 2019 году. Тейлор Хардинг – успешный адвокат, ее муж Илай – киносценарист, тоже успешный, но в начале сюжета находящийся в затяжном творческом кризисе. Тейлор и Илай живут в «открытом браке», и в сюжете появляется любовница Тейлор Джейд. Она моложе Тейлор и Илая, но предположить, что она из другого поколения, в данном случае невозможно.

Илай вспоминает первую встречу с Тейлор:

– Я увидел Тейлор на женском марше. Она толкала речь о ликвидации патриархата. Я ее не очень помню, потому что, пока она говорила, я думал: «Эта феминистка – чистый секс!» Тейлор сразу сказала, что бисексуалка. Я женился на юристе. Мои родители-евреи были в восторге. Мать Илая как будто передала своего сына в руки надежной и успешной женщины-юриста, следующей материнской фигуре, которая будет и дальше заботиться о ее сыне, который так и не стал взрослым, по-прежнему нуждается в опеке «сильной женщины». Даже подчеркивание, что его жена – феминистка, может говорить об инфантильной позиции Илая, страхе перед внутренним женским его потенциальной женщины. Конечно, участие в женском марше – это отчасти дань современной социальной традиции, но с точки зрения бессознательного такая женщина вряд ли будет воспринята как подходящий партнер для зрелых гетеросексуальных отношений, она для них излишне фаллична, отрицает свое женское (см. *фото 16*).

Фото 16

Тейлор ругается со строителем, который ведет ремонт в их доме, настаивает на том, что все нужно делать по ее плану, а не так, как удобно строителю. В финале разговора она говорит: «Твой хер точно меньше моего!», в реальности имея в виду условия контракта, которые дают ей больше преимуществ. А в бессознательном она ведет нескончаемую борьбу за превосходство над мужчинами, считая себя обладательницей могущественного фаллоса.

В этом же эпизоде со строителем Илай, как бы в утешение строителя, добавляет: «Я тоже не могу с ней членами меряться, но я к этому привык». В семейной паре Илай обесценен, занимает подчиненную позицию. Он продолжает оставаться маленьким мальчиком, целиком зависящим от опорного объекта, сейчас – от жены.

Когда Тейлор в силу как будто безвыходных обстоятельств привела свою любовницу Джейд в их с Илаем дом, Илай был совершенно очевидно очарован ей. Как будто в этот момент в бессознательном Илая произошло закрепление за Тейлор образа заботливой матери, а Джейд он воспринял как новую подружку, к которой имеет сексуальное влечение. То есть Илай функционирует как подросток на пике пубертата.

Позже, когда Тейлор и Илай ложатся спать, они решают заняться сексом и говорят друг другу, что будут заниматься сексом под фантазии о Джейд. Здесь оба участника пары демонстрируют, что им не хватает друг друга для получения наслаждения, нужен кто-то третий для фантазийного замещения партнера. Возможно, их отношения носят поверхностный характер, например, Тейлор из-за отрицания своего женского не может получить полноценное наслаждение, Илай в силу своей инфантильности тоже не может наслаждаться сексуальными отношениями со взрослой женщиной, ему нужна замещающая активность, фантазия о другой женщине, его пугает бессознательный страх обнаружить пенис-фаллос у Тейлор.

Илай, наслушавшись «советов» своего менеджера, уговаривает Тейлор устроить секс втроем с Джейд, аргументируя это тем, что у них и так есть отношения с другими людьми и никакого вреда от такого секса не будет. Тейлор против, говорит, что это будет использованием Джейд, но потом все же соглашается, с условием, что у Джейд не будет никаких возражений. Джейд тоже соглашается вообще без малейших сомнений и возражений. Тейлор и Илай здесь похожи на детей в раннем подростковом возрасте, когда сексуальные отношения – это еще не совсем четкие и оформившиеся фантазии, хочется все попробовать, а бессознательно они и все дети в начале эдиповой стадии развития, где каждому очень хочется проникнуть в родительскую спальню, стать третьим участником первосцены (см. *фото 17*). Джейд здесь выглядит психопаткой, которая просто использует других людей и их желания для достижения своих целей. Осознанно она, скорее всего, понимает, что таким сексом она привяжет к себе кроме Тейлор еще и Илая и ее положение в этом доме станет более стабильным. В бессознательном она вообще не видит в Тейлор и Илае

Фото 17

людей, а только объекты для манипуляции, для обеспечения ее кровом и поддержкой, секс для нее – обезличенное, механистическое и необъектное отношение, как будто и себя, и свое тело она воспринимает диссоциированно: вы хотите ее/меня использовать для секса? Это выгодно и поможет мне? Если да, используйте ее/меня, ее/мое тело так, как вам хочется. Одновременно она хочет сместить внимание и влечение Илая с Тейлор на себя и даже занять место Тейлор.

В ночном клубе пара бывших любовников Джейд предлагает немедленно улететь с ними в Венецию. Тейлор возражает, приводит аргументы об осмотрительности, избегании опрометчивых решений и т. д. Джейд принимает решение уехать. На самом деле здесь проявляется обычная ревность, у нее пытаются увести любовницу. В бессознательном она теряет объект заботы, возможно, проекцию себя из детства, о которой она теперь и заботится. Также возможна обратная ситуация, в которой Тейлор получала от Джейд тепло и любовь (по крайней мере, она могла это так воспринимать), как от материнского объекта, и теперь у нее пытаются этот материнский образ забрать, возможно, пара бывших любовников Джейд здесь имеет образ мужчины или отца, который мог в детстве отделить Тейлор от ее матери.

Вернувшись с Илаем домой, Тейлор не находит себе места и в итоге бросается возвращать Джейд, Илаю она объясняет: «Я нуждаюсь в ней, если она уйдет – все полетит к чертям. Джейд из тех, кто дает, ничего не требуя взамен. Мне в жизни просто только с ней».

Здесь Тейлор подтверждает, что ее отношения с Джейд – зависимые, она в панике от перспективы потерять объект зависимости. Ее ощущения от отношений с Джейд могут быть основаны на отщеплении какой-то своей любящей и заботливой части и помещении ее в Джейд, дальше Тейлор как будто строит отношения и ощущает тепло именно с этой своей отщепленной частью. Потому что в психике Джейд нет тепла и заботы, она не получила их в детстве, и ей нечего давать другим людям в отношениях, только что-то брать и использовать. А «все просто» может быть из-за преимущественно психотического функционирования Джейд, у которой отсутствует необходимость психически перерабатывать влечения, они сразу могут быть реализованы в действии, такой способ функционирования может восприниматься как «простой».

В эпизоде со спасением собаки Джейд от ее бывшего сожителя Тейлор пытается быть взрослой и предлагает единственное относительно разумное решение, которое не должно привести к еще большим проблемам. Но Илай как будто не может вынести ее контролирующего «материнского» поведения и ведет себя как подросток, который пытается понравиться и впечатлить свою новую подружку Джейд: он действует импульсивно, с большой вероятностью или самоповреждения, или физических повреждений от конфликта с сожителем Джейд. Можно предположить, что он попал под воздействие проективной идентификации Джейд, которая не может долго находиться в спокойной обстановке, ее психическое функционирование требует от нее создания тревожной и нестабильной среды,

наполненной деструктивными импульсами, она с легкостью втягивает Илая в такое состояние (см. *фото 18*).

В эпизоде беседы Тейлор с сестрами выясняется, что Илай – наркозависимый, вроде бы в прошлом, но с точки зрения психического зависимость полностью не могла исчезнуть. Возможно, в данный момент зависимость от наркотиков сменилась на зависимость от Тейлор, и это, скорее всего, вызывает у Илая внутренний конфликт и скрытую агрессию по отношению к Тейлор, бессознательное желание избавиться от нее.

Илаю нужно срочно хоть как-то дописать сценарий, он устал, и Джейд дает ему какие-то стимулирующие таблетки. Агент Илая одобряет сценарий, особенно некоторые идеи в нем, подсказанные Джейд. Тейлор узнает про таблетки и объясняет Джейд, что это категорически недопустимо, это снова подтолкнет Илая к наркотикам. Джейд соглашается, но потом Илай просит у нее таблетки для продолжения работы, говорит, что это вообще не проблема для него и что за сценарий заплатят очень много денег и он с их помощью позаботится о Джейд. Услышав это, Джейд уже без колебаний отдает таблетки. Илай демонстрирует полное отсутствие критичности и оценки последствий своих действий, только это уже не регресс на одну из ранних стадий развития, а поведение наркозависимого, ему нужно поддерживать состояние мании, в котором он «все может», в том числе и писать сценарий, при помощи химических веществ (см. *фото 19*).

Увидев возможность получить деньги или получить в свою власть источник денег (Илая), Джейд не думает ни о том, что она толкает его обратно к наркотикам, а значит, и к смерти, ни об отношениях с Тейлор. Все это неважно, потому что она может захватить нечто важное для себя, а значит, Илай обеспечит получение этого важного ей ресурса, в данном случае – денег. И подталкивание Илая к наркотикам, особенно когда именно она является их источником для него, даже полезно для нее, в таком

Фото 18

Фото 19

состоянии ей будет легче его контролировать и манипулировать им. Если Тейлор, пытается заботиться о здоровье Илая, то для Джейд это просто досадное препятствие на пути к ее желаниям, Тейлор нужно оттеснить от Илая, чтобы она не мешала. Эти действия, скорее всего, не осознанный план, а ее бессознательные способы отношений с объектами, в которых все люди вокруг – это полезные или бесполезные инструменты для получения чего-либо.

Тейлор пытается что-то улучшить в их отношениях и везет всех на семинар «полиаморов», но благодаря случайности в дороге выясняется, что Илай вернулся к употреблению кокаина. В бессознательном Илая уже было чувство вины за свое поведение и возврат к наркотикам, он желал наказания, и под действием этих бессознательных влечений его поведение трансформировалось так, чтобы дать Тейлор все обнаружить. Все так называемые секреты Джейд и Илая сразу становятся явными (см. *фото 20*).

Тейлор еще до возникновения этой ситуации хотела решить свои проблемы в семейной жизни, но бессознательные конфликты, не дававшие ей найти удовольствие от отношений в паре со взрослым мужчиной, а не спасаемым наркоманом, вынудили ее привести в пару третьего – Джейд, чтобы получить удовольствие от нее. Но вместо взрослого поведения и поиска взрослого решения для пары она использовала инфантильный способ – просто сменить объект привязанности и заботы, и этот способ ведет к полному разрушению отношений. В этой ситуации Тейлор

Фото 20

регрессирует к своей детской точке фиксации и начинает выдвигать прямые требования Илаю – немедленно лечь в клинику для наркозависимых, иначе она уйдет. Как маленькая девочка, которая требует чего-то от взрослых, а если ее не слушаются, то она как минимум заплачет или сделает что-то еще такое же детское. Ее никто не слушается, и она отказывается от роли взрослой и от роли заботливой матери и уходит, попытка детского решения проблемы не удастся.

Джейд остается с Илаем, объясняя это Тейлор тем, что кто-то же должен заботиться о нем в такой момент. На самом деле она хочет продолжить манипулировать Илаем, тем более что под воздействием кокаина это становится намного проще для нее и теперь она еще сможет использовать «предательство» Тейлор для усиления зависимости Илая от нее. Джейд продолжает демонстрировать совершенно психопатическое манипулирующее поведение. А ее «любовь» к Тейлор исчезает мгновенно и без следа, как только она увидела возможность получить от Илая деньги, которые эквивалентны и даже лучше любой заботы в ее психике, потому что люди в итоге ее постоянно бросают, она не может иметь других отношений, а деньги, как она думает, будет контролировать она сама.

В состоянии наркотической эйфории Илай покупает Джейд машину и говорит, что подтверждает свое обещание позаботиться о ней. Деньги на

машину он взял с кредитной карты Тейлор. Тейлор требует у Джейд вернуть машину и вообще покинуть их дом. В ответ на требования Тейлор вернуть машину Джейд отказывается и заявляет, что это адекватная благодарность для нее. И потом совершенно уверенно отказывается покинуть дом. В ответ на угрозу ее выгнать Джейд регрессирует к психотическому уровню, потому что ее охватывает самый влиятельный ее страх – страх снова остаться ни с чем, без материального благополучия, без заботящихся объектов, а значит, и без психического благополучия. В этом состоянии она полностью отрицает реальность и чувствует себя всемогущей.

В монологе от лица уже приемной матери Джейд мы узнаем, что в прошлом Джейд заживо сожгла свою приемную семью, мать и отца. После этого монолога в следующей сцене Джейд заботливо дает Илаю порцию кокаина, чтобы взбодрить его с утра, и говорит, что все у них будет отлично, на сценарии они заработают кучу денег. Фактически мы видим, что Джейд разрушает жизнь всех, кто о ней заботится, разрушает из-за зависти к тому, что у них есть то, что ей так нужно. Она хочет любви и заботы, но ей всегда недостаточно, сколько бы ей ни дали, она ненасытный младенец, всегда требующий, но получающий не то, в чем нуждается, потому что мать, скорее всего, не понимала нужды младенца. Или это была не мать, а социальные сотрудники, ухаживавшие за брошенными детьми.

Тейлор пытается объяснить реальную ситуацию Илая, буквально спасти его от опасной Джейд, но Илай отказывается что-либо менять и говорит Тейлор: «Хорошо, она меня использует, но она хотя бы меня ценит, с ней я не какой-то лузер, который только и способен на неудачу». И добавляет: «Мне больше не нужна твоя помощь. Я восстановил карьеру. Теперь я в норме, а проблемы, похоже, у тебя».

Из-за наркотиков или из-за развала отношений с Тейлор или по всему комплексу причин Илай не выходит за пределы подросткового функционирования. Он настолько хочет вырваться от родителей в лице заботливой Тейлор, что отрицает реальность, то, как Джейд им манипулирует, буквально кормит его наркотиками, чтобы он оставался зависимым теперь уже от Джейд и от наркотиков. Как у подростка, у Илая ослаблена способность к критическому мышлению, и он считает, ему под силу все контролировать: себя, наркотики и Джейд.

Тейлор в этой ситуации демонстрирует взрослое поведение, она игнорирует отрицающее реальность поведение Илая и продолжает попытки спасти его и их отношения. Она сама создала такую деструктивную для отношений ситуацию, приведя в дом Джейд, и теперь, как взрослый человек, пытается решить эту проблему. В детстве она не могла справиться с какой-то проблемой, а сейчас она создает и потом решает проблемы, воссоздавая ситуацию из детства в цикле навязчивого повторения, чтобы проработать эту травму.

Тем не менее Илай пытается выяснить правду у Джейд, она все отрицает, но испытывает страх оттого, что ее обман вот-вот откроется, и в состоянии аффекта устраивает аварию. Илай попадает в больницу, а Джейд сбегает. Илай пытается вернуться к восприятию реальности и к более

взрослому функционированию, но бессознательно он чувствует еще большую вину за возврат к наркотикам, за предательство Тейлор и желание наказания, поэтому его действия носят очевидно самоповреждающий характер и заканчиваются серьезной травмой для него (см. *фото 21*).

Испытывая чувство отвержения или даже подозревая скорое отвержение, Джейд бессознательно хочет сделать невозможным отвержение, например уничтожить отвергающий объект до того, как он/она отвергнет ее. Но в моменты максимального аффекта она может впасть в психоз, и ее бессознательные желания прорываются в прямое действие. Отсюда такое поведение за рулем, которое только случайно не привело к смерти другого человека, хотя целью изначально мог быть Илай. Когда маленького ребенка бросают, он испытывает страх смерти, и Джейд во взрослом возрасте как будто пытается опередить и убить первой, чтобы самой снова не испытать страх смерти, страх быть оставленной. Джейд возвращается к своему бывшему сожителю Дюку, пытается делать вид, что все стало по-прежнему, но потом требует у него денег, чтобы продолжить свое бегство от полиции. Дюк отказывает, завязывается ссора и драка, в которой она кухонным ножом убивает Дюка. Не сумев убить Илая, Джейд все же

Фото 21

реализует свои деструктивные влечения и убивает Дюка, хотя его убийство не имеет никакой причины и даже ничем не может ей помочь, у него нет денег, чтобы можно было его ограбить после убийства. Это чистое выражение прорвавшегося бессознательного влечения к разрушению.

Тейлор забирает Илая из больницы, по дороге домой она говорит, что пока им нужно прекратить их «открытый брак» и сосредоточиться на отношениях в их паре, и еще им стоит пойти в терапию. Илай очень удивлен, потому что изначально Тейлор была инициатором «открытого брака», но соглашается и предлагает продать дом, вернуться к более скромному жилью, чтобы не иметь ипотечного долга, который создавал слишком большое напряжение в отношениях. Кризисная ситуация подтолкнула Тейлор к поиску возможностей для действительных изменений, через поиск проблем и решений в психическом, а не в навязчивом повторении действий, воссоздающих образ проблемы из детства, и поисках инфантильных же способов решения.

Илай также согласен изменить свой инфантильный способ преодолеть Эдип, например покупая большой дом, чтобы, возможно, стать как папа или даже лучше, взрослее. Или устанавливая отношения больше чем с одной женщиной («свободный брак»), как будто такая расширенная псевдосексуальность сделает его взрослее подростка, только начинающего свой сексуальный опыт.

В завершение серии Джейд, спрятавшаяся в доме Тейлор и Илая, после того как ушли полицейские, нападает на Илая и ранит его ножом, потом пытается убить Тейлор, но в завязавшейся борьбе Тейлор сумела отобрать нож и убить им Джейд (см. *фото 22*). В финальной борьбе Тейлор

Фото 22

как будто окончательно обрывает свои старые способы разрешения детских травм, избавляется от главного деструктивного следствия этих инфантильных способов, ранение Илая показывает, что эти способы несли не только психическую, но и реальную деструкцию. Джейд совершенно очевидно находилась в психозе, она уже получила все доказательства, что ее вновь бросают, страх быть оставленной для нее равен страху смерти, и этот аффект толкает ее к прямому действию по отмене бросания объектом зависимости через уничтожение объекта.

Выводы

Несмотря на многообразие условий, разные сексуально-партнерские ориентации, мы видим типичные конфликты: невозможность совмещать в одной женщине материнский образ и сексуальный образ, невозможность в целом иметь взрослые сексуальные отношения, проецирование в партнеров образов матери, отца. При появлении в отношениях третьего (любовницы или любовника) во всех случаях разворачивается борьба за образ отца с образом матери и обратная ситуация – борьба с отцом за мать, желание вторгнуться в спальню родителей и разбить любовную пару родительских фигур. Возникают отношения зависимости, когда в образе мужа или жены второй партнер видит образ матери доэдипального периода и стремится к симбиотическим отношениям. Даже отношения зависимости с наркотиком для одного из персонажей являются во многом отношением с более надежным объектом (субстанцией), чем реальный объект, отношения с которым кажутся неконтролируемыми, поэтому нестабильными и опасными.

У большинства персонажей можно предположить отсутствие идентификации с образами любящих друг друга матерей и отцов, отсутствие в детстве истинной эдипальной пары, поэтому во всех парах есть элементы отношения к партнеру, неважно к мужчине или к женщине, как к частичному функциональному объекту, который должен заботиться, но который не воспринимается как целостный.

Несмотря на игровую условность телесериала, конфликты и предположения об их причинах выглядят убедительно реалистичными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лапланиш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
2. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2013.
3. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2015.
4. *Freud S.* (1909) Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben [«Der kleine Hans»]. In: *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen.* Leipzig und Wien.

5. *Freud S.* (1914) Zur Einführung des Narzißmus. Jahrbuch der Psychoanalyse. Leipzig und Wien.
6. *Freud S.* (1923) Das Ich und das Es. Leipzig, Wien, Zurich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
7. *Freud S.* (1923) Die infantile Genitalorganisation, Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
8. *Freud S.* (1924) Der Untergang des Odipus komplexes, Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Leipzig, Zurich, Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
9. *Freud S.* (1925) Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds. Leipzig, Wien, Zurich: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
10. *Freud S.* (1931) Über die weibliche Sexualität. Wien: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
11. *Freud S.* (1916–1917) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse – 1eme edition. Wien.
12. *Fenichel O.* (1934) Ueber Angstabwehr, insbesondere durch Libidinisierung.
13. *Jones E.* (1933) The Phallic Phase. Jo. XIV.
14. *Horney K.* (1932) The Dread of Woman. Jo. XIII.
15. *Bernstein D.* (1983) The female superego: A different perspective. Int. J. Psychoanal.
16. *Gilligan C.* (1982) In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard Univ. Press.
17. *Plaut E. F. and Hutchinson F.* (1986) The role of puberty in female psychosexual development. International review of psycho-analysis.
18. *Blos P.* (1979) The adolescent passage. New York: Int. Univ. Press.
19. *Chasseguet-Smirgel J.* (1964) La culpabilité féminine: de certains aspects spécifiques de l'Oedipe féminin, Recherches psychanalytiques nouvelles sur la sexualité féminine, Paris: Payot.
20. *Cournut J.* (1998) Le pauvre homme ou Pourquoi les hommes ont peur des femmes. In: Revue Française de Psychanalyse. Vol. 62.

Unreachable Oedipus complex in TV Show «Why Women Kill»

D. P. Lyamin

Lyamin Denis P., psychoanalytically oriented psychologist (HSE).

The Oedipus complex is the basis for structuring a person's personality and the basis for the formation of desires. Psychoanalysts consider the Oedipus complex to be the main cause of psychopathology and strive to find the causes of its occurrence, in all their diversity, and ways to overcome it for all types of fixations and neuroses.

Psychoanalytic anthropology considers the Oedipus Triangle (mother-father-child) to be a universal structure. Manifestations of this structure are typical not only for cultures in which the family is represented in the traditional sense for us, based on marriage ties, but can also be found in other types of cultures (Laplanche J., Pontalis J.-B., 2016).

In this article, we will analyze the conflicts of the characters of the TV show “Why Women Kill” in a psychoanalytic approach. We will try to identify conflicts that have an Oedipal cause, make assumptions about possible problems during the passage of the Oedipus complex. We will also illustrate the universality of the Oedipus complex as the main cause of conflicts in paired and triangular relationships in different time periods (and therefore in different sociocultural conditions) and for people with various sexual orientations.

Keywords: Oedipus complex, Oedipus, Psychoanalysis, TV Show «Why Women Kill».

Фильм «Сцены из супружеской жизни» (Ингмар Бергман, 1973) как попытка сублимации травматических инфантильных переживаний И. Бергмана

С. В. Костенко

Костенко Сергей Викторович – клинический психолог, магистр психологии, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Анализ личностей известных деятелей искусства всегда привлекал внимание клинического психоанализа, поскольку творчество является попыткой сублимации травматических переживаний творца. Прикладной психоанализ служит обогащению теории и практики клинического психоанализа. К тому же подобные исследования могут представлять ценность для искусствоведения, предоставляя им иную оптику для анализа личности и творчества художника. Объектом исследования данной работы является фильм И. Бергмана «Сцены из супружеской жизни» (1973). В работе предпринята попытка идентификации травматических переживаний известного шведского режиссера и сценариста, признанного одним из величайших режиссеров в истории авторского кино (Cowie, 1992). Авторский фильм рассматривается в работе подобно сновидению И. Бергмана, режиссера и сценариста фильма, что позволяет нам использовать латентный материал кино для исследования психической жизни режиссера и идентификации его травматических переживаний.

Ключевые слова: нарциссизм, сублимация, репарация, анаклитическая депрессия, психическая бисексуальность, сновидение.

Фильм как сновидение

Кино с позиции психоаналитической теории можно воспринимать как сновидение режиссера, онейрическую деятельность его бессознательного.

В своей работе «Толкование сновидений», вышедшей в 1900 году, которую сам З. Фрейд считал своим главным научным трудом, он выявил изобразительные средства, присущие сновидению. Это такие средства, как сгущение, смещение, репрезентация, вторичная обработка и драматизация, целью которых является маскировка бессознательных желаний субъекта. Также в этом труде он указывает на то, что любому сновидению присущи манифестное, явное, и латентное, скрытое от сновидца, содержания. Манифестное содержание сновидения является результатом работы сновидения над его латентным содержанием, с целью скрыть его от сновидца (Фрейд, 2008).

Так и каждый фильм, будучи продуктом онейрической деятельности режиссера, имеет как манифестное содержание – то, что зритель непосредственно видит на экране, – так и латентное содержание – то, что скрыто, в первую очередь от самого режиссера, поскольку вытесненный субъект сам воспринять не способен. И как любая сновидческая деятельность, в качестве изобразительного средства кино использует механизм сгущения, посредством чего любой персонаж, любая вещь, местность в сюжете фильма вбирает в себя черты многих и в первую очередь черты самого режиссера как сновидца, создающего этот фильм подобно сну.

Но сновидению в качестве изобразительного средства также присущ механизм смещения, проявляющийся в кино в расстановке акцентов: главное может остаться за кадром, с виду случайный предмет может иметь важное для понимания значение, основное о себе персонажи говорят между строк и прочая, и прочая.

Как сновидение основано на дневных остатках, так и материал для кино режиссер-сновидец берет из своей реальной жизни, что дает нам основание подходить к фильму как к попытке сублимации режиссера.

Как и любая онейрическая продукция, кино оперирует символами: как индивидуальными, присущими именно режиссеру-сновидцу, так и универсальными, сформированными на протяжении всей истории развития цивилизации, но также и генерационными, межпоколенческими, присущими истории рода режиссера и им самим не осознаваемыми.

И кино, так же как и любое сновидение, подлежит вторичной переработке режиссером-сновидцем, которая заключается в искажении сновидения в процессе его пересказа. Режиссер вынужден подавать сюжет так, чтобы избежать столкновения с вытесненным материалом, уйти от того, что вызывает неудовольствие и напряжение, вставить элемент, который, как сопротивление в свободных ассоциациях анализанта, должен отвлечь слушателя-зрителя. Режиссер не должен проговориться о своем бессознательном желании.

Как задачей каждого сновидения является исполнение инфантильного бессознательного желания сновидца, так и задачей авторского кино мы

можем считать исполнение желания режиссера, только в кино эта попытка подлжет процессу сублимации. З. Фрейд пишет о том, что итоговая задача работы сновидения состоит в регрессивной трансформации, в которой инфантильное бессознательное желание субъекта-сновидца поступает в сознание в виде некой фантазии, наделенной некоторым аффектом, и путем этого процесса вытесненное желание ассоциативно достигает частичной разрядки (Fisher, 2020). И так же, как и после значительного сновидения, с окончанием просмотра фильма зритель верит в ту реальность, которую он только что наблюдал на экране, эмоционально он ее переживает еще какое-то время, тем самым переживая свои бессознательные желания. Кино, как и сновидение, – это еще и исполнение желания. Но уже разделенное режиссером со зрителем.

В статье *Reconsideration of The Dream*, вышедшей в 1953 году, американский психоаналитик Б. Левин вводит понятие «экран сновидения», которое он характеризует как воображаемый белый экран, символизирующий собой материнскую грудь, на который сновидец проецирует свое сновидение (Eberwein, 2014). Сновидец идентифицируется с этой материнской грудью-экраном, входя в состояние младенца, сосущего материнскую грудь и отходящего после удовлетворения своего желания ко сну.

Британский психоаналитик Ч. Райкрофт дополнил идею Б. Левина об экране сновидения. По его мнению, этот экран характерен лишь для маниакальных пациентов, поскольку в нем происходит маниакальное слияние с грудью матери и отрицание агрессии в отношении нее (Rycroft, 2011).

Ж.-Б. Понталис в своей статье «Сновидение как объект», с которой он выступил на Парижской психоаналитической конференции в 1958 году, говорит о том, что сновидение и состояние сна находятся в прямой оппозиции по отношению друг к другу, поскольку целью самого сновидения является достижение состояния, при котором происходит прекращение желания, а не его удовлетворение. Под этой оптикой экран сновидения Б. Левина он интерпретирует как защитный экран, который, словно защитная мембрана, окутывает его, сохраняя состояние покоя и оберегая от чрезмерного возбуждения. Но, в отличие от мембраны клетки, оберегающей ее от внешнего мира, о которой писал З. Фрейд в работе «Я и Оно» в 1920 году, защитный экран оберегает субъекта от его внутреннего мира. Ж.-Б. Понталис воспринимает экран сновидения как барьер на границе влечений жизни и смерти, биологического и культурального (Birksted-Breen, 2016).

Это связывание влечений происходит благодаря восприятию и воспроизведению сновидения; вынося объект вовне, субъект способен его удерживать на расстоянии. Это нас подводит напрямую к процессу сублимации, при котором происходит аналогичное вынесение внутреннего объекта вовне, в попытке восстановить нарциссизм, репарировать разрушенный собственной ненавистью внутренний объект.

Вышеизложенное позволяет нам подойти к творчеству, в рамках данной работы – к работам шведского режиссера Й. Бергмана, как к интерпретации сновидений, которые творец мог бы рассказать нам на

психоаналитической кушетке, придя к нам на сессию. И, как в анализе любого сновидения, анализировать его фильмы мы можем также лишь посредством свободных ассоциаций, избегая использования универсальных значений каких-либо символов.

Невинность и паника

Эпизод начинается с того, что семья, состоящая из мужа Йохана, жены Марианны и двух дочерей, старается изобразить образцовую семью для фотографии для одного женского журнала. Эти первые несколько секунд первого эпизода – единственный момент, где будут показаны дочери Йохана и Марианны. Далее они будут лишь упоминаться, но зритель их больше ни разу не увидит. Возникает впечатление, что эти дети нужны главным героям лишь для фотографии образцовой семьи, которую должно увидеть общество, родители Марианны, родители Йохана, но не более того. Кадр сделан, и в детях этих больше не нуждаются. Они практически не инвестированы ни Марианной, ни Йоханом. Видимо, их дочери – это дети-потребности, но не дети как плод любви и желания этой пары. И их функция состоит лишь в том, чтобы удержать пару Йохана и Марианны от распада.

Марианна и Йохан женаты уже десять лет, они только что отметили свой юбилей. Во время интервью Йохан ведет себя более свободно и непринужденно, одаривает оценивающим взглядом корреспондентку журнала. Рассказывая о себе, он говорит о своей успешности, о том, что он образцовый гражданин общества, а также он ставит акцент на своей сексуальности, называя себя даже отличным любовником. Марианна заметно смущается от такой самоуверенной презентации Йохана. Сама Марианна о себе может сказать лишь то, что она замужем за Йоханом, у них две дочери и ей большего не надо. Ей дискомфортно говорить о себе. Ее волнует, как может отреагировать Йохан на ее слова. Она говорит, что, может, она и не так уверена в своем превосходстве, как Йохан, но она в то же время очень рада, что может жить так, как хочет. Добавляя, что ей это нравится. Но тело ее выдает, противореча этим словам. Марианна скорее не смеет помыслить о том, что ей надо, счастлива ли она, любит ли она своего мужа и детей. Поэтому она вынуждена обрывать свои ассоциативные связи, блокировать мышление, чтобы не столкнуться с этими чувствами.

Марианна и Йохан не влюбились в друг друга с первого взгляда. Об их знакомстве Йохан рассказывает, что у них был общий круг друзей, они часто собирались вместе, принимали участие в политике и в студенческих спектаклях. Но они не интересовались друг другом. Марианна считала его высокомерным. Она в свою очередь добавляет, что тогда он только и говорил об отношениях с одной известной «певичкой» и был просто невыносим. Йохан говорит о том, что Марианна в 19 лет вышла замуж за одного «дурака», у которого был богатый отец. Марианна прерывает его и добавляет, что тот парень был очень добрым и она сходила от него с ума, забеременела от него. После родов у нее умер ребенок, после чего она рассталась со своим мужем. Йохану в то время его певица

«дала отставку». Они оба чувствовали себя одинокими, и Марианна предложила ему встречаться. Она говорит, что они не были влюблены, просто они оба были несчастливы. Их отношения возникли не на фоне сексуальной встречи и желания, а на фоне одиночества обоих, расставания и спасения от горевания, от траура по потерянным объектам привязанности и ребенку Марианны. Йохан и Марианна являются друг для друга анаклитическими объектами, спасающимися от собственной меланхолии. Они вместе словно нарциссические дубли в начале сериала, они параллельно идут вместе, каждый со своей травмой, которая у них, похоже, что идентична, но их встреча при этом не происходит, поскольку каждый из них не видит не то что другого, а даже самого себя, так как Я каждого скрыто в тени некогда потерянного объекта.

Но они говорят, что уже любили друг друга безумно, когда поженились, их матери были счастливы и приняли их как Йохана и Марианну, и даже стали близкими подругами. После этих слов они держатся за руки. Этот жест – держание друг друга за руки – часто повторяется на протяжении всего сериала. Они в этом жесте выглядят как два ребенка, которые держатся друг за друга, но эти два ребенка лишены сексуальности, и держатся они так, словно они от чего-то прячутся и спасаются. Словно в этом жесте они заполняют друг другом некую брешь, образованную потерянным объектом каждого из них. Люди видели в них идеальную пару.

Здесь журналистка уточняет: «И никаких сложностей?» Марианна на это говорит о том, что у них никогда не было материальных проблем, у них хорошие отношения с родственниками и друзьями, им нравится их работа и они здоровы. На вопрос: «Вы никогда не ссоритесь?» – Йохан отвечает, что Марианна ссорится, а Марианна добавляет, что Йохан редко раздражается, это она выходит из себя. Но после Марианна добавляет, что отсутствие проблемы есть самая серьезная проблема. «Страшно осознавать, что наша жизнь таит в себе опасные стороны». В этих словах Марианна словно проговаривается о том, что отсутствие проблем в их отношениях с Йоханом является не следствием гармоничности их отношений, открытости и любви, а следствием того, что они избегают говорить друг с другом откровенно, имитируя эту честность, они молчат о своих чувствах и желаниях и одиноки друг с другом. И в этом их самая большая проблема. Единственный способ защиты от нее – жить образцовой жизнью для других – общества и родителей.

Оставаясь наедине с журналисткой, Йохан начинает говорить о своей потребности в безопасности. При мыслях о будущем его парализует страх, поэтому он не думает о нем. Ему нравятся старый диван и лампа, поскольку они создают иллюзию безопасности, но безопасность эта очень хрупкая. Ему нравится Бах, «Искушения Святого Мэтью», хотя он неверующий. Уже дважды он делает акцент на своем отстранении от религии, в этом проскальзывает проблема отношений И. Бергмана со своим отцом, который был лютеранским пастором и отличался жестокостью по отношению к своим сыновьям. Йохан очень часто общается с родителями, это создает иллюзию безопасности и защиты, как в детстве. Ему нравится, как Марианна говорит о сострадании, это успокаивает совесть.

Йохан восхищается людьми, которые все выставляют на смех, но он так не может. Видимо, только таким способом он способен как-то проявлять свою агрессию по отношению к родительским фигурам, напрямую не сталкиваясь с ней в себе.

После того как Йохан тоже уходит, а журналистка остается в комнате одна, она рассматривает начищенное столовое серебро, которое словно вторит этому образу благочестивой образцовой пары. Но, не сдерживая себя в своем любопытстве, она тихонько заглядывает в спальню, в которой зритель видит полный бардак: одежда, газеты, чемоданы разбросаны по всей кровати и валяются на полу. Сцена эта заканчивается кадром, в котором правый тапок Йохана и правый тапок Марианны стоят, глядя в противоположные стороны. Видимо, эти чемоданы и одежда должны нам намекнуть на желание уйти, собрать чемоданы и убежать отсюда прочь, а тапки нам словно подсказывают, насколько Йохан и Марианна не видят и не слышат друг друга, насколько их желания не совпадают и у них нет общего будущего.

На протяжении всего первого эпизода основная тема – это тема верности. На вопрос о том, изменяла ли когда-нибудь Марианна Йохану, она уходит от ответа. Она периодически сама спрашивает Йохана про то, есть ли у него желание изменить ей. Говорит ему, что отнеслась бы к этому нормально, будто подталкивая его к измене. В шестом эпизоде Марианна сознается ему, что в начале их отношений у нее была любовная интрижка. Видимо, спрашивая о верности, она тем самым хочет также и избавиться от чувства вины за ту далекую сексуальную связь. Помимо этого, здесь начинает заявлять о себе тема психической бисексуальности и латентной гомосексуальности главных героев.

Марианне сложно говорить о себе, она также боится изменений. Но если Йохана парализует страх перед будущим в контексте его самого, то Марианна боится изменений в их семье. Также ей сложно говорить об абстрактном, рассуждать о любви, она постоянно пытается вернуть разговор с журналисткой туда, где она может говорить о себе как о жене Йохана или как о матери своих детей, но не о себе как отдельном субъекте, боясь столкнуться с правдой о том, чем на самом деле является их брак.

На вопрос о любви Марианна говорит, что достаточно хорошо относится к человеку в браке. Страсть – это хорошо. Юмор, дружба, терпимость. Ожидание чего-то высшего. Если есть все это, то любовь не обязательна. Интересно заметить, что при этом Марианна – достаточно успешный адвокат по бракоразводным процессам. Видимо, в профессии она может сталкиваться с тем, с чем избегает столкнуться в своей собственной жизни, – отсутствием любви, конфликтами, разводами, желанием уйти.

Следующая сцена буквально переворачивает все представление об их благочестивости. У Марианны с Йоханом в гостях их друзья, семейная пара Катарина и Питер. Они вчетвером смеются над статьей журналистки, которая написала о них как об образцовой паре, бесконечно влюбленных друг в друга. Марианна говорит, что они страшно огорчились, когда прочитали это интервью. Снова начинает звучать тема верности, которая становится доминантой ужина. Катарина в шутку предлагает Йохану

удрать с ней, Марианна на это реагирует словами, что небольшая смена обстановки пошла бы ему на пользу, Йохан никогда не изменял ей, никогда. Марианна словно настаивает на этой измене: либо так она желает избавиться от Йохана, либо хочет пробудить свое желание к нему, удовлетворяя таким образом свое латентное гомосексуальное влечение.

Катарина и Питер выглядят как полная противоположность паре Марианны и Йохана. Вторые представляют собой идеальную семейную пару, а первые – абсолютно плохую, скандальную, пару людей, говорящих о сексе, желающих смерти друг другу, и явно созависимую. Одновременно с этим возникает впечатление, словно Катарина и Питер – это бессознательное пары Йохана и Марианны, при этом Питер – бессознательное Марианны, а Катарина – бессознательное Йохана. Здесь явно развивается тема психической бисексуальности героев. Они будто сообщают зрителю, как на самом деле Йохан с Марианной относятся к друг другу, что между ними происходит. Йохан бессознательно женственен, пассивен, желает уничтожить Марианну, потому что избавиться иначе от нее он не способен. Марианна бессознательно более мужественна, активна. Здесь активизируется тема латентной гомосексуальности, когда Марианна с Катариной, а Йохан с Питером разбиваются по парам.

Йохан устами Катарины словно сообщает Марианне, что она холодная, она его возбуждает лишь тогда, когда у нее есть любовник, но любовника Йохан обрести может лишь через любовника Марианны, поскольку его гомосексуальность является латентной. Поэтому пока Марианна верна ему, она его не возбуждает, без других мужчин он ее не желает, поскольку он желает лишь мужчин, занимаясь с ними сексом путем идентификации с Марианной. Йохан, опять же устами Катарины, говорит Марианне о том, как сильно он ее ненавидит, как он хочет замучить ее до смерти, жаждет причинить ей боль, так она ему невыносима.

Марианна предлагает Йохану, в лице Катарины, уйти от нее хотя бы ненадолго, но Йохан (в лице Катарины) говорит о том, как невыносимо ему потерять ее, несмотря на всю ненависть, рассказывая о попытке суицида Питера. Потому что остаться без нее подобно смерти, что созвучно лейтмотиву всего первого эпизода – теме верности. Одновременно со всем этим Йохан (Катарина) говорит, что чувствует нежность по отношению к Марианне (Питеру), понимает ее опустошенность, она знает о нем много того, чего другие не знают.

Марианна, устами Питера, нападает на их с Йоханом образцовый, «чертовски трогательный» брак, говоря о том, что иногда ей (Питеру) хочется проткнуть иглой этот красивый шарик.

Марианна, устами Питера, говорит о том, что они глубоко внутри дети, которые плачут, потому что никто не может удовлетворить их потребность в любви. Эти дети ожидают любви от своих родителей, как от матерей, так и отцов, но ни те, ни другие не любят их.

Следующая сцена. Катарина и Питер ушли. Марианна с Йоханом на кухне убирают и моют посуду. Вновь возникает вопрос про измены. Они оба не верят, что люди могут прожить всю жизнь друг с другом, Йохан считает, что они являются исключением. Марианна спрашивает Йохана,

не хотел ли он переспать с другой женщиной. Он говорит на это, что это странный вопрос, и возвращает его ей. На что она отвечает, что иногда хотела, но только теоретически. Йохан же говорит, что у него нет таких фантазий, на что Марианна отвечает, что и у нее их нет. Но оба они при этом нечестны друг с другом и разговаривают на разных языках.

Через несколько недель после того ужина Марианна признается Йохану, что беременна. Она спрашивает его, что они будут делать с этим ребенком, на что Йохан в ответ упрекает ее в том, что она уже сама все решила, раз оставила ребенка. Марианна настаивает на том, чтобы он высказал свое мнение, от чего он настойчиво увильчивает, пытаясь возложить всю ответственность за это решение на нее, но при этом задает вопросы, которые должны были бы натолкнуть Марианну на решение сделать аборт. У самой Марианны амбивалентное отношение к ее беременности. Она явно хочет услышать от Йохана, что он хочет этого ребенка. Она чувствует себя виноватой в том, что захотела этого ребенка, но изменила свое мнение, когда он уже готов родиться. Первый ее ребенок умер после родов, четвертый был абортирован. Возникает принцип навязчивого повторения травмы.

В заключительной сцене первого эпизода Марианна лежит в больнице после аборта, к ней приехал Йохан. Они настойчиво избегают темы аборта. Марианна не знает, как это пережить. Йохан же, в свою очередь, блокирует ее горевание, не контейнирует его, говорит, что бессмысленно об этом говорить, что через пару недель она обо всем забудет. Словно это был только ребенок Марианны, а не их совместный. Вскоре он убегает, оставляя ее одну в палате со своими переживаниями. Марианна плачет и укрывается с головой одеялом, формируя тем самым конверт. Этот конверт периодически повторяется в фильме, говоря о том, что Марианна не чувствует себя в безопасности в отношениях с Йоханом.

Искусство закупоривать свои проблемы в бутылку

Марианна жалуется на то, что каждая минута и каждый час в их жизни расписаны до мелочей. Она просит Йохана отменить ужин у ее родителей, но он отвечает, что не хочет ссориться с ее матерью. Сама она боится звонить ей, чтобы отменить этот ужин. Они оба словно два подростка, которые находятся в амбивалентном отношении к сепарации от родителей: она одновременно и желанна, и вместе с тем невозможна, поскольку подросток без родителей пока не справляется с самостоятельной жизнью и нуждается в их любви и заботе.

Марианна высказывает сожаление о том, что они не могут провести все лето в постели, они бы «плакали вдвоем». Она хочет не сексом заниматься со своим партнером в постели, а плакать с ним. Что в очередной раз указывает на то, что их отношения строятся не на сексуальном желании друг к другу, а на основе анаклитической депрессии каждого из них, спасая их от меланхолии.

Вновь мелькает тема измены. Марианна неожиданно задает Йохану вопрос о том, что бы он сделал, если бы они начали обманывать друг друга.

Йохан отвечает, что он бы, конечно, убил ее. Марианна на это, задумавшись, отвечает:

– Иногда я хочу...

Она обрывает свою фразу. Возможно, именно этого она и хочет?!

Когда они едут в город, Марианна впервые начинает заявлять о том, что у нее есть какие-то желания. Она говорит о том, что хочет поддаться порыву страсти: есть, когда голодна, спать, когда устала, заниматься сексом, когда влюблена. Может, даже работать, когда хочется. Йохан же, в свою очередь, показан как любитель порядка, расписания, образец оперативного поведения. В этой сцене Марианна начинает оживать по сравнению с первым эпизодом, а Йохан начинает проявляться как безжизненный субъект, в контрасте с его самоуверенностью и сексуальностью в первом эпизоде.

В следующей сцене показан Йохан на работе в лаборатории института. К нему заходит его коллега Ева, что значит «жизнь». Она говорит ему, что уже шесть дней не курит и хочет курить. Йохан комментирует:

– У тебя проблемы с воздержанием?

Он протягивает ей пачку сигарет, она закуривает и с наслаждением откидывается назад:

– Я прямо в раю! Облегчение... Вот это да!

Йохан в ответ:

– Но твое сознание будет страдать. Выбирай пороки с осторожностью.

В этом кратком диалоге словно продемонстрированы отношения Йохана с самой его жизнью. Весь дальнейший диалог с Евой, то есть с жизнью, наполнен ожиданиями и разочарованиями. Его поэзию она объявляет вялой, красивенькой и наивной. Ева говорит ему, что некоторые в их группе думали, что он станет великим художником, они восхищались им и даже завидовали ему. А теперь он разочаровал всех своим отказом от того, на что он способен. Но он слаб, пассивен, нерешителен и боится любой неопределенности, Йохан нуждается в безопасности, он боится своих желаний, он отказывается от реализации своих возможностей, он перестал мечтать и сражаться, он перестал стремиться, словно нормопат, цепляющийся за реальность.

В следующей сцене – Марианна в своем офисе с клиенткой госпожой Якоби, домохозяйкой, которая после двадцати лет брака хочет развестись с мужем. На вопрос о причине этого желания она отвечает, что в их браке нет любви. Ее муж – отличный, порядочный человек, у них хорошая квартира и летний домик, прямо как у Марианны с Йоханом, который им достался от матери. Но они не любят друг друга и никогда не любили. На вопрос, не будет ли ей одиноко, она говорит:

– Думаю, будет, но когда не любишь своего мужа, – это ужаснее, чем одиночество.

Развестись она хотела уже после пяти лет брака. Она никогда не любила своих детей, хотя привыкла думать, что любит их, и была хорошей матерью, но она знает, что никогда не любила их, а просто лишь выполняла свои функциональные обязанности как мать. Госпожа Якоби говорит, что она знает, что в ней есть любовь, но она закрыта, словно в бутылке.

И пора оживить эту любовь. И развод – это первый шаг. Она говорит, что есть нечто странное в происходящем: ее слух, зрение, осязание начинают ее подводить. Ее восприятие подводит ее, отказываясь иметь дело с реальностью. Она трогает стол, но внутри она словно высушена. Все кажется серым, безликим, неопределенным. Ее эмоции атрофировались.

Диалог Марианны с госпожой Якоби – диалог Марианны с самой собой. Это ее настоящее и предостережение о том, чего ей ждать в будущем с Йоханом: брак без любви – развод – дети, которых она никогда не любила, но делала вид, что любила, – атрофированные эмоции – одиночество, которое лучше, чем жизнь с мужем, которого не любишь. Госпожа Якоби решила развестись после двадцати лет замужества, что прямо указывает на временной период, который охватывает сериал: шесть эпизодов фильма разворачиваются в течение двадцати лет совместной жизни Марианны и Йохана.

Возможно, образ госпожи Якоби – холодной функциональной матери, не любящей своих детей и желающей уйти от своего мужа, – это и образ матери режиссера И. Бергмана. И тогда Марианна здесь может выступать как идентификация И. Бергмана со своей матерью, в тени которого прячется его Я. То есть снова заявляет о себе анаклитическая депрессия.

Вечером дома Йохан с Марианной ужинают и вспоминают о том, как им нравилось дразнить своих родителей, Марианна была настоящей выскочкой. Причем Марианна на это говорит, что она была такой же выскочкой, как его отец, а не ее отец. В этом моменте дает о себе знать латентная гомосексуальность Йохана.

Паула

Йохан сообщает Марианне, что он влюбился, говорит, что это глупо и неправильно, «скорее всего, неправильно». Его любовницу зовут Паула, она лингвист, специалист по славянским языкам, они познакомились в июле на конгрессе. О своей любовнице он говорит, что внешне она «так себе», более того, он говорит Марианне, что она сочла бы ее уродливой. Он говорит, что в замешательстве, но, конечно же, он счастлив! При этом он испытывает чувство вины.

Марианна все это время слушала Йохана молча, она совсем не проявляла ревности. Видимо, она боится потерять Йохана как анаклитический объект, но не как объект сексуального влечения. Марианна винит себя в том, что ничего не замечала и не могла этого даже предвидеть. Но первые два эпизода фильма она практически только и делала, что заводила с ним разговоры об изменах, буквально толкая его в них. Здесь проявляется амбивалентное отношение Марианны к измене Йохана. Наверное, для нее было бы облегчением и даже желаемым просто наличие у него любовницы, но потерять его она боится и не готова.

После Йохан сообщает ей, что на следующий день они с Паулой уезжают в Париж. После небольшого молчания он буквально выходит из себя, начинает кричать на Марианну, терзаемый чувством вины.

Не справляясь с вывалившейся на нее новостью, Марианна пытается заблокировать свои эмоции, диссоциируется от своих переживаний. Возникает немая сцена. Йохан идет переодеваться, и Марианна видит у него на груди засос. Когда она говорит об этом, он лишь спокойно отвечает, что знает про него. Ему нет дела до ее боли.

Когда Йохан говорит, что его не будет семь или восемь месяцев, Марианна не выдерживает и испытывает сильную душевную боль. Йохан, не будучи способным выдерживать столь сильные эмоции, начинает вести себя с ней грубо, повышенным тоном говорит, что лучше сразу с этим покончить. Он говорит ей о том, что уже целых четыре года он хочет от нее уйти.

Марианна спрашивает его, на что он будет жить, ему же теперь придется платить алименты. Она словно пытается показать ему, что без нее он не справится с этой жизнью. Йохан ей отвечает, что у него есть сбережения. Естественно, Марианна о них не знала. Здесь вновь скрывается очередное проявление тайной жизни Йохана. Она спрашивает его, как же такое возможно. Йохан буквально взрывается:

– Заткнись! И послушай! Не твоего ума дела! Я продал яхту и взял кредит. Банк будет выплачивать тебе и детям по 1600 крон в месяц, а об остальном договоримся, когда я вернусь. Иди спроси совета у коллег, мне плевать! Назови свою цену! Я ничего не заберу, только книги. Если ты, конечно, не против. Я исчезну из твоей жизни. Испарюсь! Я буду поддерживать тебя. Я ни в чем не нуждаюсь! Я лишь хочу покончить с этим. Мне все надоело! Знаешь, что меня больше всего достало? Твои противные рассуждения! Что делать? Как нам нужно себя вести? Что твоя мама подумает? А может, нам лучше поужинать там-то и там-то? Нам нужно поехать на побережье! В горы! Нам нужно праздновать Рождество, Пасху, день рождения! Меня достали эти сраные праздники!

Йохан обрывает на этом речь, откидывается немного назад и уже более искренним тоном говорит:

– Я знаю, что поступаю несправедливо. Я знаю, что перехожу все грани. Я знаю, у нас не было проблем. И думаю, что я до сих пор тебя люблю. И если честно... то я сейчас люблю тебя больше, чем тогда, когда я встретил Паулу... *(Эти слова напоминают слова Катарины из первого эпизода, когда она говорила, что хочет Питера только тогда, когда у нее кто-то есть.* – Прим. авт.) Но ты понимаешь, что меня мучает? Слово «мучает» здесь подходит как нельзя лучше! Никто не может этого объяснить, и мне не с кем поговорить... Я не понимаю эту горечь, которая растет внутри меня. Не понимаю. Как можно говорить, что секс – это скучно, если мы не можем заниматься сексом?!

Он продолжает говорить о том, что через силу ест завтрак, приготовленный ею. Называет их дочерей идиотками, которых следовало бы отдать в интернат. Как и Марианна, он не любит своих детей. Видимо, избавившись от них, он бы уже давно развелся с Марианной. Здесь теперь он похож на госпожу Якоби, которая не уходила от мужа только из-за детей.

Марианна немного приходит в себя от сказанного и начинает умолять его не уходить. Йохан отвечает, что это невозможно, бессмысленно,

не стоит умолять. Она просит его отложить поездку хотя бы на месяц или два, думает, что они могут спасти их брак, начать все сначала. Она говорит ему, что он ставит ее перед завершённым фактом, ставит ее в смешное, глупое, невозможное положение. Снова просит его дать ей шанс. На что Йохан реагирует словами, что она снова думает о том, что подумают другие, и ему плевать, поскольку ему очень хорошо от возможности освободиться от этого.

Марианна утомилась от всего этого, сказала, что не это имела в виду. Она выключила свет, подавила свои эмоции. Потом она вспоминает, что надо поставить будильник. Спрашивает Йохана, во сколько он завтра будет вставать, пытаясь тем самым отрицать происходящее, чтобы как-то справиться со своей болью, делая вид, словно ничего не произошло и им с Йоханом понадобится новый будильник, который не будет так громко шуметь, как этот. Сумев подавить свои переживания, Марианна просит его рассказать о Пауле. Ей хочется знать, какая она, поскольку гораздо хуже представлять того, кого ты не знаешь.

Рассматривая фотографии Паулы, Марианна подмечает, что у той красивая фигура, грудь красивая, улыбка. Снова дает о себе знать психическая бисексуальность и латентная гомосексуальность героев. Йохан рассказал о Пауле: ей не везло в любви, она была дважды помолвлена, и у нее были связи с разными мужчинами. Ему неприятно от такой откровенности Паулы, он тяготится тем, что она хочет рассказать ему все свои сексуальные истории. У Паулы нет иллюзий относительно их с Йоханом будущего, она убеждена, что он вернется к Марианне, что, по его мнению, звучит как дешевая мелодрама. Говорит, что Паула пытается быть взрослой и хочет принимать решения сама. В ней есть что-то от ребенка. Она безумно ревнива, ужасно боится Марианну, но она также боится всех женщин, с которыми он общается по работе и в жизни. Она не уверена в себе, но Йохан ей помогает, как может. Здесь Йохан словно говорит и о себе тоже, описывая образ женской части своего Я, одновременно это звучит как идеальный Йохан, который смелый, страстный, дерзкий, способный противостоять родителям и миру; одновременно это звучит как образ идеальной женщины – страстной, вызывающей желание. Описывая Паулу, Йохан словно говорит о своей бисексуальности, которая в контакте с Паулой реализуется, это некий отказ от кастрации, восстановление своего нарциссизма.

Йохан рассказывает о нехватке кислорода, о герметичности коробки, в которой они с Марианной пребывают в своих отношениях. Отношения Йохана с Марианной, как и с Паулой, – это тоже отношения, в которых любовный объект выбран по нарциссическому типу, но уже как идеальный образ самого себя.

Складывается ощущение, что это самый честный поступок Йохана за всю его супружескую жизнь. Ему тяжело, он терзаем чувством вины, но он впервые за все три эпизода выглядит живым. Он сам подмечает это, говоря Марианне, что они с ней так откровенно, искренне ни разу не разговаривали.

Йохан продолжает говорить, взяв в руки камень. Что символизирует этот камень? Тяжелую ношу, которую он берет на себя? Камень на его душе? Тяжесть вины, которую он испытывает в данный момент? Он говорит о том, что отношения с Паулой – это катастрофа для них обоих. Он пытался уйти от нее, но у него ничего не вышло, поскольку это невозможно. Паула его не отпустит, и к тому же он одержим ею.

Йохан мечется по комнате, не зная, куда себя деть. Марианна предлагает ему лечь с ней, он мгновенно к ней устремляется. Он выглядит жалко, как несчастный ребенок, который напуган. Она говорит, что хочет заняться с ним любовью. Они оба плачут, Марианна рыдает. Она просит его просто полежать с ней. Она продолжает заботиться о нем, говорит, что ему нужно спать, завтра его ждет тяжелый день. Йохан не сдерживается и начинает рыдать, говоря, что ему очень стыдно.

Утро. Йохан спит, они спали, держась за руки, словно два маленьких ребенка в попытке восстановления своей цельности. Марианна проснулась и смотрит на него. Она касается будильника, возможно, отключает или желает отключить его, чтобы Йохан не ушел. Но затем нерешительно прикасается к нему, Йохан в этот момент открывает глаза, крепко обнимает ее. Они вместе принимают душ, они обнажены друг перед другом. Йохан просит помочь ему с ногтем, Марианна пытается ему помочь, говорит, надо его обрезать. Йохан в этот момент не сдерживается, говорит, что не надо, хватит. Он нуждается в помощи Марианны, ему необходима ее забота, но, видимо, он не готов к кастрации своего желания, которую она влечет за собой, в своих поступках.

Марианну снова начинает заботить то, как все это воспримут другие. Она спрашивает его, как им быть с днем рождения его отца, ведь все будут спрашивать. Привлекает внимание, что больше звучат их матери в фильме, отцы упоминаются крайне редко, но при этом отцы воспринимаются как что-то архиважное, как те фигуры, на которые они должны ориентироваться.

Марианна спрашивает Йохана, что ей сказать девочкам, но ему до них нет никакого дела, он с ними даже не прощается.

Марианна плачет, просит его пообещать ей, что он вернется. Просит его даже соврать ей, лишь бы она могла его ждать, ей нужно его ждать. Она пытается его удержать силой, Йохан вырывается. В этом моменте словно происходит актуализация их самого большого страха – страха потери объекта, который нужно удержать любой ценой, чтобы не столкнуться с горем и трауром по нему, которые не в силах пережить. Но этот момент – одновременно и начало самоизлечения Марианны от ее меланхолии.

Марианна в отчаянии падает на кровать и укрывается одеялом, в очередной раз создавая конверт для себя, что повторяется буквально в каждом эпизоде фильма. Она звонит своим друзьям, просит одного из них повлиять на Йохана, остановить его от этой ошибки, но оказывается, что все друзья уже давно знают про отношения Йохана с Паулой. Марианна чувствует себя преданной ими, преданной всеми, она испытывает резкую боль.

Долина слез

Йохан приходит к Марианне, они не виделись уже полгода. У нее появилось место для себя в этом доме и прежде всего в своей психике. Похоже, ее Я вышло из тени объекта по имени «Йохан». Она сообщает ему, что заняла его кабинет. Подчеркивает, что повесила там картины, которые ему никогда не нравились, перерегистрировала телефон на свое имя и избавилась от старой кровати, поскольку она слишком большая для нее одной, и ее спальня теперь выглядит более непорочной. Здесь проявляется ее сепарация, и Йохану заметно это не нравится.

Вновь, как в первом эпизоде, на все том же зеленом диване, Йохан начинает говорить о безопасности. Паула вносит слишком много динамики в его жизнь, его охватывает чувство происходящего вокруг него хаоса. Ему хочется сбежать от этого. Меланхолия Йохана усиливается. Он говорит о том, что от жизни одни проблемы. Если что-то хорошее и появляется, то это ненадолго. Его чувство одиночества – оно абсолютно. Но симптом Йохана заключается в том, что именно оно, одиночество, гарантирует ему чувство безопасности. Безопасность Йохана заключается в том, чтобы не сближаться с другим. Близость, привязанность, зависимость его пугают. Он чувствует себя в опасности от близости с объектом. Он выстраивает лишь поверхностные отношения с другими, но ни с кем не сближается при этом. Нарциссизм Йохана хрупок, он может развалиться в любую минуту от малейшей детали. Здесь мы вплотную сталкиваемся с его травматическим опытом в отношениях с первичными объектами: матерью и/или отцом. Он говорит о пустоте:

– Ты начинаешь выражать свои мысли и понимаешь, что обращаешься к пустоте. Да, это забавно, но это так! Пустота внутри тебя делала когда-нибудь тебе больно? Ты думаешь, что пустота – она временна. Но затем ты понимаешь, что наступает физическая боль. Боль, словно от ожога. Это как будто когда ты был маленьким и плакал, и все горело внутри тебя.

Йохан не замечает, как проговаривает свою травму. Внутри него пустота, след от анаклитического объекта, который был однажды потерян им. Это как Вещь, по Ж. Лакану, та пустота, вокруг которой субъект выстраивает свои желания, к которой устремлена сублимация. Эта Вещь, Пустота, Бог, Мать – стоит на стороне влечений смерти, способствуя десекуализации желаний субъекта.

Паула под этой оптикой олицетворяет объект сексуального желания Йохана. Он восхищается ее силой, ее страстью, живым умом, он говорит, что хотел бы жить так, как она живет. Паула – это влечение к жизни. Но похоже, что невыносимо иметь отношения с этой страстью, желанием, сексуальностью, живым другим, с самой жизнью, эти сексуальные влечения создают у него ощущение опасности, поскольку они не допускаются до сознания и в теле их круговорот создает напряжение, воспринимаемое как тревога, а значит, как что-то опасное, угрожающее целостности Я Йохана.

Марианна признается Йохану, что постоянно думает о нем, Она говорит о том, что другие мужчины ее не привлекают, практически повторяя

слова Питера из первого эпизода. Но она не выносит, когда Йохан ее целует и хочет заняться с ней сексом, потому что он уйдет, а она останется одна и будет думать о нем. Ей нравилось, когда он был не с ней. Она говорит: «Пусть все будет как раньше, когда ты был не со мной».

Йохан признается Марианне, что все еще любит ее, все еще принадлежит ей. Она рыдает от этих слов, стонет от боли. Просит его прекратить и оставить ее в покое. Она борется со своей амбивалентностью: его любовь желанна, но страх потерять – сильнее.

Пока Марианна читает Йохану свой дневник, в это время мы видим ее детские и студенческие фотографии. Она задалась вопросом «Кто я?» и была удивлена тем, что совсем не знает ответа на этот вопрос. Она всегда делала то, что ей говорили. Всегда была послушной, прилежной, покорной. Когда она была маленькой, она несколько раз бурно бунтовала, пытаясь проявить самостоятельность, но мать ее строго наказывала за эти действия. На одном фото маленькая Марианна держит за хвост, скорее всего, мертвую белку, а в другой руке она держит букет цветов. На этом фото словно запечатлены ее социальное Я, которое она сама называет «Быть любезной», и ее бессознательное Я – агрессивное, убийственное. Ей постоянно напоминали о том, какой она должна быть. Большой скачок в ее личности произошел во время ее половой зрелости. Все ее мысли тогда были заняты сексом. Естественно, она об этом не говорила со своими родителями, второй стороной ее личности стали секреты и ложь. Отец Марианны хотел, чтобы она следовала по его стопам и стала адвокатом. Она намекнула родителям, что хочет стать актрисой и посвятить свою жизнь театру. Здесь проявляется истерический радикал Марианны, самого И. Бергмана, который всю свою жизнь посвятил театру и кино. Но родители посмеялись над ее желанием стать актрисой, с тех пор она притворяется в своих отношениях с другими. Марианна никогда не думала о том, чего она хочет.

Потом нам показывают детские и студенческие фотографии Йохана, на которых он по-детски наивен, улыбается. Они здесь снова выглядят как нарциссические двойники. Эти отношения у них возникли на основе потребности и спасения от одиночества, и выстраивали они их как бастион безопасности, полностью посвящая их некоему зрителю со стороны, социуму, который в первом эпизоде символизировала журналистка женского журнала, в итоге опубликовавшая лишь те части интервью, которые хотелось видеть публике, выставлявшие их пару в идеальном облике, где нет ни намека на их переживания, страхи и проблемы. Марианна с Йоханом – это мужское и женское самого И. Бергмана, сублимация его психической бисексуальности.

С уходом Йохана Марианна увидела, кем бы она могла стать, будь у нее свое мнение. Она задается вопросом о том, какой бы она стала женщиной и женой, используя все свои возможности и ресурсы. Она спрашивает себя, вышла бы она в таком случае замуж за Йохана. И отвечает себе, что да, вышла бы, потому что вспоминает, что они действительно были влюблены и испытывали настоящую страсть к друг другу. Но эту страсть, эту любовь им не позволило почувствовать их заточение в

оковы прошлого. Сбросив эти оковы, Йохан поддался страсти и ушел к Пауле, но чувства его возвращают к Марианне, только через страсть, которую он испытал со своей любовницей, он смог почувствовать любовь к Марианне и нужду в ней. Только через сепарацию с Йоханом, отделившись от объекта своей зависимости, Марианна смогла увидеть свою любовь к нему. Только потеряв друг друга, они смогли испытать сексуальное желание и нежность, поскольку перестали испытывать страх потери своих анаклитических объектов.

Закончив читать, Марианна посмотрела на Йохана, который в то время задремал. Повторяется сюжет обращения к пустоте, но на этот раз это был диалог Марианны с пустотой. Они оба являются пустотой друг для друга. Причина этого в идентичности их травм: их пустота одна и та же. Они оба обращаются к ней, произнося вытесняемое, но это вытесненное у них идентично, одно на двоих, а значит, ни один из них не способен его услышать и вернуть другому.

Они нежны друг с другом, на их лицах искренние улыбки. Они целуются. Марианна напугана, Йохан предлагает набраться храбрости. Марианна говорит ему, что им необязательно заниматься любовью, они могли бы просто взяться за руки и поспать, прижавшись друг к другу. Снова повторяется этот жест, где они словно дети, держащиеся за руки. Она избавилась от всех вещей Йохана, но оставила его пижаму. Это метафорически нам дает понять, что внешне она демонстрирует свободу от него – его следов больше никто не может наблюдать в ее жизни, в первую очередь она сама, – но она оставила его пижаму. Пижамы – предмет, максимально близкий к телу, пижама – переходный объект. Как младенец нуждается в переходном объекте, который может спасти ему жизнь при анаклитической депрессии, дав ему почувствовать, что его мать с ним, так и Марианна оставила свой переходный объект.

Марианне звонит ее любовник, но она разрывает с ним отношения во время телефонного разговора при Йохане. Йохан говорит:

– Похоже, это был твой любовник.

Марианна подчеркнуто отвечает:

– Бывший любовник!

Йохан на это реагирует словами, что необязательно было говорить, что он здесь. Но Марианна раздражается на это, говорит, почему бы им его не пригласить и не попросить присоединиться к ним. Ей хотелось бы, чтобы Йохан оценил ее жест, ревновал ее к Дэвиду, поэтому она злится, что он не ведет себя как собственник в данной ситуации, не оценивает ее поступок по достоинству и, более того, даже пытается спрятаться.

Йохан спрашивает, любит ли она Дэвида. Марианна словно в панике от этого вопроса. Она мечется по комнате, не знает, куда себя деть. Ей невыносимо от этого вопроса, она готова расплакаться. Вся проблема в том, что она не может злиться на Йохана. И она очень хочет хоть раз в жизни потерять терпение и взорваться как бомба, чтобы разозлиться на него. «Это многое бы поменяло в моей жизни».

У нее нет сил, чтобы столкнуться со своим одиночеством. Разозлившись на Йохана, она рискует потерять объект своей привязанности, поэтому

приходится постоянно изолировать свою злость на него. Иначе это столкнет ее с ее одиночеством, которое она не способна пережить. Она плачет, для нее унижительно сталкиваться с тем, что она думает о Йохане, о себе и о своем будущем. Она говорит:

– Я не понимаю, как ты будешь со мной жить! Иногда в отчаянии я думаю, что я должна заботиться о Йохане, что я должна быть всегда рядом с ним. Я должна сделать все, чтобы Йохану было хорошо. Только тогда моя жизнь приобретет какой-то смысл. Я не верю, что люди могут быть сильными в одиночестве! Должен быть кто-то рядом, тот, кто будет держать тебя за руку.

Почему-то Марианна говорит здесь о Йохане в третьем лице, расщепляя его. После этих слов она бросается в объятия Йохана и рыдает. Она требует от него, чтобы они наладили отношения. Говорит, что их отношения – это самое великое достижение в их жизни. Настаивает на том, что он не сможет прожить без нее. Говорит ему, что он будет напуган, будет не уверен в себе без нее.

Йохан выглядит растерянно от ее плача и слов, ему заметно тяжело, он не менее напуган от происходящего в их жизни. Они оба пребывают в состоянии ощущения краха собственных жизней.

Безграмотные

Пятый эпизод начинается с того, что Марианна, достаточно активная, бодрая, жизнерадостная, приходит к Йохану, который простыл, жалуется на самочувствие и жизнь. Снова проявляются активность, мужское и возрастающее влечение к жизни Марианны и пассивность, женское и усиливающееся влечение к смерти Йохана. Марианна приходит к нему, чтобы подписать документы о разводе. Марианна полна желаний. Она едет за границу, похоже, что с каким-то мужчиной, она сексуальна, полна сил. С каждым эпизодом ее персонаж оживает все больше. В отличие от Йохана, который становится все слабее и безжизненнее.

Марианна проявляет к Йохану сексуальное желание, соблазняет его, ведет себя игриво, кокетливо. Просит его поцеловать ее. Он не особо реагирует на нее, в ответ на просьбу Марианны поцеловать ее он жалуется, что у него простуда, лицо его не выражает никакого интереса и желания. Но Марианне все равно, она не боится заразиться. Она ведет себя уверенно и настойчиво. У нее начинается фантазия о стороже в здании, который может их застать во время занятия сексом и даже, возможно, присоединиться к ним. Она хочет быть плохой девочкой и продемонстрировать это кому-то, возможно, ее отец должен застать ее за занятием сексом.

Марианна уверена в своем желании развестись, просит Йохана подписать бумаги и стать свободными, но он не особо хочет этого развода, говорит, что хочет забрать бумаги и прочитать их дома, начинает выражать недовольство поведением Марианны. Она начинает злиться в ответ, она раздражена. Он не понимает, почему она так реагирует.

Марианна напоминает ему про день рождения Евы, их старшей дочери. Она ему регулярно напоминает про ее день рождения, поскольку сам

он о нем обычно не вспоминает. Интересно, что ее зовут как и его коллегу, с которой они какое-то время будут любовниками. Марианна просит его оплатить поездку Евы во Францию, но он категорически отказывается, говорит, что это дорого. При этом сам он мог себе позволить жизнь с Паулой в Париже. Заметно, что с потерей семьи он чувствует себя опустошенным, что выражается в отсутствии денег. Инвестируя в детей, он словно отнимает жизненные силы у себя. В этом проявляется его анальный страх лишиться содержимого.

Йохан возмущается поведением старшей дочери, говорит, что его мать жалуется на ее поведение, но Марианна говорит, что ей все равно, как ее дочь ведет себя в обществе. Йохан роняет фразу, что он имеет право ненавидеть своих дочерей, так же как и они его.

Марианна вспоминает, что когда-то он был нежен с Евой, хотел, чтобы у нее был брат или сестра, много времени проводил с детьми, когда они были маленькими. Он заботился о них даже лучше, чем Марианна. Она задается вопросом о том, когда дети стали неважны им.

Предложение Йохана в США отменили, вместо него поедет другой. Его планы рухнули, надеяться в жизни ему больше не на что, мечтать он не способен. Вся его жизнь – сплошное разочарование. Ему исполнится 45 лет, но он называет себя уже старым и ни на что не годным, никому не нужным, неудачником. Он хочет уехать за город или в маленький городок и работать учителем. Ему хочется спрятаться от жизни в скорлупу. Паула говорит ему, что он бесполезен, словно паразит. Он думает, что она ему изменяет, но ему все равно, он уже не ревнует. Меланхолия Йохана усиливается.

Марианна смотрит на него без сочувствия. Она говорит ему, что хотела заняться с ним этим вечером сексом, чтобы понять, что она к нему чувствует. Но почувствовала лишь слабую привязанность. Она чувствует, что освободилась от него, что ей безразличны его страдания. Он больше не является ее анаклитическим объектом, она смогла провести работу горя, ее Я вышло из тени объекта, в которой она пребывала прежде.

Йохан ненавидит Марианну, он испытывает к ней отвращение, хочет избить ее. Такая ненависть, в свою очередь, указывает на то, как сильно он в ней нуждается. Ненависть как защита от слияния. Йохан хочет уничтожить свой анаклитический объект, но без него он не выживет, поэтому его можно лишь заменить, и он заменил Марианну на Паулу.

Он упрекает Марианну в том, что она манипулировала им через секс. Ее гениталии стали бесценными, они стали предметом торговли. Они начинают кричать друг на друга. Марианна упрекает его в том, что всю вину за свою жизнь он свалил на нее и своих родителей, а она ему не мамочка, которая должна ему по первому требованию, она не вещь. Она всегда чувствовала себя потерянной на работе и с ним, их жизнь стала разваливаться после рождения второй дочери Карины, а они оба игнорировали эти знаки, и ему было все равно. Но она не могла бороться с ним. Марианна называет его паразитом, а он ее в ответ на это стервой. Они все сильнее орут друг на друга.

Марианна полна сил, решимости, она способна преодолевать препятствия. Избавившись от Йохана, она наполнилась желанием жить, она любит жизнь. И его она упрекает в его слабости и бездеятельности. Йохан уязвлен. Ее слова – нарциссический удар для Йохана.

Он не хочет разводиться, он хочет вернуться домой, поскольку он сдался и его достала Паула. Он устал быть одиноким, он неудачник, который катится по наклонной. Ему страшно, у него нет дома. Он привязан к Марианне больше, чем ожидал. Он хочет вернуться к ней. Ему страшно жить.

Марианна говорит, что ей тошно оттого, что он такой плакса. Она злится все больше оттого, что он взывает к ее жалости, сам однажды не пожалев ее, когда она его просила буквально о том же. Она так же, как и он, не раз мечтала его убить. Она говорит «зарезать», что указывает на пенетрирующее желание. В этом желании она мужчина, который овладевает Йоханом как женщиной.

В этом диалоге, полном ненависти, агрессии и страсти, они предельно искренни друг с другом, как никогда прежде. Это самый страстный эпизод, который завершается физическим насилием, становясь кульминацией их мазохистических отношений. В этой страсти много сексуального, в ней сплетены фаллическая мать и пенетрирующий отец; их психическая бисексуальность и латентная гомосексуальность, формирующие их женский мазохизм, находят таким образом свое удовлетворение и разрядку. Они возбуждают друг друга сексуально в этой битве.

Марианна предлагает Йохану начать жизнь заново, но он не хочет жить заново, не хочет жить один. Марианна же чувствует себя свободной от него, потеряв его и проведя работу горя по нему как по утерянному объекту, она больше не нуждается в нем, а значит, она теперь способна испытывать к нему сексуальное желание, свободно проявлять его. Она говорит ему:

– Когда мы занимались сексом, то для меня ты был посторонним человеком. Но если честно, это было потрясающе!

Теперь Марианна желает начать жизнь заново с Йоханом, но уже как с партнером, к которому она испытывает сексуальное желание. Теперь она сильна и независима. Она может его поддержать в этот момент его жизни. Здесь она словно мужчина, гарантирующий безопасность и уверенность своей женщине.

Марианна пытается уйти домой, но Йохан держит ее силой. Он не готов ее отпустить, словно его Я развалится с ее уходом. Он начинает оскорблять ее, нападает на ее, начинает ее бить. Возможно, Марианна бессознательно хочет этого, провоцирует его. Он словно отец, бьющий ее. Мой отец бьет меня – мой отец меня любит (Фрейд, 2019).

Они успокаиваются и подписывают бракоразводные документы.

Среди ночи в темном доме где-то на краю света

В последнем, шестом эпизоде фильма Марианна по-прежнему в поисках себя. Она достигла успеха в карьере, вышла замуж. У нее умер отец. Интересно заметить, как в процессе раскрытия Марианной своей сексуальности и освобождения от Йохана как от анаклитического объекта и обретения его как сексуального партнера трансформируются ее отношения с отцом. При этом эти отношения не показаны в фильме напрямую, они буквально слегка обозначены несколькими штрихами, не более того. В первом эпизоде Марианна говорит о том, что всегда хотела пойти по стопам отца и стать так же, как и он, адвокатом. Во втором эпизоде она его ревнует, спрашивая мать о том, как она не боится отпускать его неизвестно куда одного. В четвертом эпизоде она уже благодаря работе с психологом, после того как Йохан ушел от нее, говорит о том, что мечтала стать актрисой и играть в театре, но все над ней посмеялись и потому она пошла по стопам отца. В шестом, последнем эпизоде, когда Марианна вышла замуж во второй раз, становясь любовницей Йохана, ее отец умирает. На протяжении всего сериала словно разворачивается ее эдипальный конфликт, заканчиваясь положительным исходом.

Также трансформируются ее отношения с матерью, которая показана лишь однажды в последнем эпизоде. Если в первых эпизодах отношения Марианны с матерью еще находятся под гнетом эдипального конфликта, невозможности сепарации от нее, противостояния ей, так что она даже боялась отменить ужин, то в последнем эпизоде Марианна приезжает к матери после смерти отца, задает ей вопросы о сексуальности, говорит о том, что не сможет присутствовать на погребении урны с прахом отца, поскольку будет весь день на работе в суде. Она не боится ей больше противостоять и заявлять о своем желании и нежелании. Теперь это отношения двух взрослых женщин.

У Йохана с Евой, его коллегой, все же была какое-то время любовная интрижка. Если в первом эпизоде она словно является метафорой его жизни, сообщающей ему о разочаровании в нем, то теперь речь идет о сексуальных связях с ней, то есть о появлении интереса к жизни.

У Марианны с Йоханом юбилей – они поженились двадцать лет назад. В этот же день год назад они стали встречаться как любовники, будучи женатыми. Одновременно с этим этот день предшествует дню рождения Марианны. Но встретит она свой день рождения со своим любовником, Йоханом, а не с мужем, который отдыхает в Италии в этот момент.

Они приезжают в загородный дом своего друга, наводят там порядок. Похоже, это и метафора того порядка, который они смогли навести в отношениях друг с другом. Йохан ведет себя нежно, трогательно. Они полны тепла по отношению друг к другу.

Йохан стал более добрым и сдержанным, уже не таким черствым, каким был прежде. Его семья возлагала на него большие надежды, а он пытался исполнить их ожидания. Но, похоже, он их не оправдал. Но при этом он успокоился оттого, что смог отделить свои желания от желаний его родителей, выйти из роли их нарциссического расширения.

Йохан говорит о том, что, будучи маленьким, он ожидал светлого будущего. В качестве самой теплой фигуры в его воспоминаниях звучит дядя, у которого был собственный магазин игрушек. Йохан был болезненным ребенком и потому часто навещал своего дядю, поскольку только там он чувствовал покой. Поэтому в детстве он мечтал открыть такой же магазин игрушек. Похоже на то, что дядя является объектом его латентного гомосексуального желания, по отношению к нему проще позволить себе испытывать нежность, чем в отношении отца, который являлся достаточно суровой фигурой. Здесь проявляется расщепление отца на теплого, любящего, которого репрезентирует дядя, и сурового, агрессивного, жестокого, которым является реальный отец, его невозможно любить. Отец Бергмана, будучи лютеранским пастором, отличался суровой дисциплиной и применял к двоим своим сыновьям физические наказания. Но Бергман пишет о том, что физическое наказание со стороны отца было желанным, поскольку его холодность и молчание были гораздо более переносимыми (*Bergman, 2010*). Здесь проявляется фантазм, описанный З. Фрейдом в уже упоминавшейся работе «Ребенка бьют»: бьющий отец – это пенетрирующий отец, овладевающий им.

Марианна признается Йохану в том, что в самом начале их отношений у нее была сексуальная связь с другим. Тут она словно дублирует слова своей матери, которая сознается ей, что во время помолвки с отцом Марианны она влюбилась и хотела уйти, но ее родители не позволили ей это сделать. На протяжении всех своих отношений, с самого их начала и до сегодняшнего дня, Марианна и Йохан постоянно находятся в поиске кого-то третьего, защищаясь тем самым от слияния. По сути, то же самое они продолжают делать и в своих нынешних браках. Йохан спрашивает Марианну:

- И в нынешнем браке у тебя то же самое?
- Конечно! Я постоянно вру.
- Я тоже.

Привлекает внимание веер, на котором изображено лицо клоуна. Это изображение лица сопровождает Марианну и Йохана в этом доме, в котором они проводят время как любовники, присутствует с ними в их диалогах. Это кто-то третий, который всегда присутствует в отношениях между ними. Кто это может быть? Лицо это не имеет ярко выраженных гендерных признаков, соответственно, оно может быть как мужским, так и женским. Они нуждаются постоянно в ком-то третьем, чтобы иметь возможность быть вместе. Их бессознательное нуждается в этом третьем, который способствует их безопасности, спасая от слияния с объектом и поглощения им. Вместе с тем, будучи гендерно неопределенной, эта маска вновь намекает нам на психическую бисексуальность персонажей. Одновременно с этим она указывает и на Эдипа в понимании М. Кляйн, при котором мать и отец представляют собой комбинированную фигуру, некоего гермафродита, бесконечно пребывающего в состоянии коитуса, делая сексуальность и садизм навсегда переплетенными друг с другом. Юный субъект при этом постоянно находится в состоянии страха, боясь

быть разрушенным этой фигурой, поглощенным ею, тем самым будучи вынужденным сам нападать, атаковать ее (Кляйн, 2009).

Но наравне с разворачивающимся Эдипом в понимании кляйнианской психоаналитической школы это можно прочесть и как Эдипа в его классическом, фрейдовском понимании. Эта маска – как аналитический третий в кабинете психоаналитика. Их общее бессознательное нуждается в третьем. Этот третий необходим как тот, кто защищает от материнского наслаждения, накладывает запрет на инцест (Лакан, 2021).

Йохан расстался с Паулой, он женат на другой женщине. На вопрос Марианны о том, любит ли он ее, он смеется немного и отвечает, что ему нравится с ней завтракать, а ей нравится о нем заботиться. Анна, жена Йохана, души в нем не чаёт и чувствует себя с ним защищенной. От этих слов Марианна грустнеет, поскольку эта безопасность – именно то, в чем она так нуждалась и не чувствовала в отношениях с ним. Марианна говорит Йохану, что, похоже, ему повезло. Но он на это отвечает, что если бы ему повезло, то вряд ли бы он стал изменять Анне. Но Марианна ему отвечает на это, что, может быть, он любит их обеих.

О своем новом муже Хенрике Марианна рассказывает, что они познакомились всего пару лет назад и этот роман был сексуальным. Она говорит о том, что совершила ошибку, когда вышла за него замуж. Ее муж всегда готов к сексу, он позволил Марианне понять, что она тоже ненасытна в сексе, на фоне чего они и привязались друг к другу. Но Марианна однажды застала его с другой женщиной и, несмотря на это, умоляла его вернуться, и они поженились. И в их семейной жизни полоса в основном всегда черная.

Похоже, оба героя, как Марианна, так и Йохан, в своих браках навязчиво повторяют свои прежние отношения, но с той лишь разницей, что в их новых отношениях они честно признаются себе, что не любят своих супругов. А наличие их партнеров позволяет им больше не переживать бессознательный страх потери друг друга, что, в свою очередь, позволяет им испытывать сексуальное желание. Даже наедине друг с другом Йохан с Марианной говорят о своих супругах. Йохан сам подмечает это и говорит:

– А мы лежим вместе и болтаем о своих мужьях и женах. Фактически они с нами в одной комнате и даже занимаются с нами сексом.

Но Йохан по-прежнему пребывает в меланхолии. Он пытается себя убедить, что его жизнь имеет хоть какую-то ценность, но его «не радует такая болтовня». Он достаточно пассивен. Марианна же, в свою очередь, наоборот, активна, уверена, сильна. Она мужское, а Йохан – женское в этой комбинированной фигуре. Он ей даже говорит, что ей стоило бы стать политиком, подчеркивая тем самым ее фалличность.

Мужа Марианны Йохан называет «суперменом по оргазму». Он просит ее больше не говорить ему ничего о Хенрике, поскольку это бьет по его и без того хрупкому нарциссизму. Просит Марианну обуздать свое невыносимое всезнание, поскольку это сталкивает его с ее активностью и тем самым с его пассивностью. Йохан просит ее умерить свою женскую силу.

Среди ночи Марианна пробуждается от ночного кошмара. Ее реакция на кошмар столь сильная, что она мечется по комнате длительное время и не может прийти в себя. Марианна рассказывает сон:

– Мы переходили опасную дорогу. Я хотела, чтобы ты и девочки держались за меня. Но у меня вроде бы нет рук. Остались только перчатки, натянутые до локтей. Я вижу, что вы на дороге, но я не могу дотянуться до вас. Не могу. Какой ужасный сон!

У самой Марианны с этим сном возникают ассоциации, что они, все они, а не только они вдвоем с Йоханом, живут в полном хаосе. Они находятся в страхе и неведении, словно катятся вниз, и она не знает, что делать. Может, это потому, что они боятся оступиться и не знают, что предпринять. Уже поздно что-то менять, и об этом можно только думать. Они с Йоханом упустили что-то важное.

Но завершающими словами Марианны являются слова о том, что ей обидно, что она никого не любила. И она также не думает, что ее когда-либо кто-то любил. Но Йохан говорит ей, что любит ее по-своему и она любит его тоже по-своему. И его слова успокаивают ее. Он не утверждает, что испытывает какое-то переживание или сочувствие, поскольку для этого у него нет способности фантазировать, у него слабая ментализация.

В конце сериала в отношениях Йохана и Марианны появляется новое чувство – нежность.

Одиночество И. Бергмана

Йохан и Марианна, будучи принятыми за персонажей онейрической деятельности режиссера-сновидца И. Бергмана, благодаря такому присущему сновидению изобразительному средству, как сгущение, одновременно представляют собой как бессознательное самого И. Бергмана, так и какие-то фигуры в его любовных отношениях (актриса, сыгравшая роль Марианны, – Лив Ульман, была женой самого И. Бергмана, с которой он развелся в 1970 году, за три года до съемок «Сцен из супружеской жизни»). Но, поскольку каждое сновидение отсылает к ранней инфантильной травме, тем самым реализуя желание сновидца, персонажи Йохана и Марианны представляют собой также и первичные значимые объекты режиссера – его родителей. Его мать, Карин Бергман, была медсестрой, а отец, Эрик Бергман, – лютеранским пастором. В силу профессиональной деятельности отца семья Бергманов отличалась консервативным укладом, а отец будущего режиссера проявлял жестокость в воспитании – он наказывал двух своих старших сыновей, причем наказание могло быть достаточно жестоким (*Bergman, 2010*). Мать И. Бергмана была больна гриппом «испанкой» на момент родов, в связи с этим он был разлучен с ней буквально сразу после своего рождения, бабушка увезла его за город, младенец находился в достаточно тяжелом состоянии в это время, в пути она кормила его размоченным в воде бисквитом. Будучи ребенком, И. Бергман часто и тяжело болел, как и его персонаж Йохан, что указывает нам на его частичное оператуарное функционирование, а также эссенциальную депрессию. Персонажи Йохана и Марианны тоже отличаются

выраженным частичным оператуарным функционированием, нарушением способности к ментализации.

Вызывает интерес раннее воспоминание режиссера, о котором он в своей книге *The Magic Lantern* пишет как о самом раннем воспоминании. В этом прошлом он помнит отца, который утром просыпается, запинаясь о горшок и кричит: «Поцелуй меня в задницу!» На кухне в это время хозяйничают какие-то две девушки. А сам юный Бергман со своей соседкой, с которой они были одногодками, сравнивают строение своих тел, обнаруживая анатомические особенности разницы полов (*Bergman, 2010*). То есть уже самое раннее воспоминание И. Бергмана связано с отцом, анальностью и гомосексуальным желанием, одновременно с этим и с гетеросексуальным влечением, а потому с психической бисексуальностью режиссера, а также с угрозой кастрации.

Когда Бергману было четыре года, родилась его младшая сестра, которую он сам называл жирной уродиной, и, как он сам пишет, он был изгнан тогда из постели матери. Юный И. Бергман выражал свою агрессию тем, что наваливал кучи и вымазывался ими с ног до головы (*Bergman, 2010*). Стоит отметить, что на протяжении всей своей жизни режиссер страдал от синдрома раздраженного кишечника, что снова указывает на его оператуарное функционирование. Со старшим братом, с которым они сильно враждовали на протяжении всего детства, они мечтали убить свою сестру. Однажды И. Бергман даже пытался ее задушить.

Слова Йохана о том, что они с Марианной лежат вместе и при этом болтают о своих мужьях и женах, тем самым фактически занимаясь с ними сексом, являются ярким аккордом в развивающемся действии фильма, в его латентном содержании, к теме психической бисексуальности и латентной гомосексуальности персонажей, то есть и самого И. Бергмана. Буквально с первого эпизода зритель сталкивается с двумя контрастными парами: Йохан – Марианна, Питер – Катарина. Но если уйти от манифестного содержания к латентному, можно обратить внимание на то, что пары разбиты на Марианну – Питера и Катарину – Йохана, при этом Марианна похожа на Питера в своей любовной жизни, а Йохан похож на Катарину. Питер – мужское бессознательное Марианны, Катарина – женское бессознательное Йохана. Диалог Питера и Катарины – это словно бессознательный диалог Марианны и Йохана, которые на сознательном уровне пока еще представляют собой образцовую шведскую благополучную семью, но бессознательно полны ненависти друг к другу. Также на протяжении первых эпизодов постоянно возникает тема верности, Марианна чуть ли не толкает Йохана на измену. Гармоничные сексуальные отношения у них устанавливаются только тогда, когда у Марианны есть любовник и потом муж, а у Йохана – любовница и жена в дальнейшем. Это снова указывает на бисексуальность и латентную гомосексуальность героев.

Тема неинтегрированной психической бисексуальности героев также проявляется в их амбивалентном отношении к объекту: они привязаны друг к другу, зависимы, сильно боятся потерять друг друга, но одновременно с этим ненавидят друг друга, вплоть до убийственных желаний. Их психическая бисексуальность выражается, таким образом, и нарушением

границ Я в отношениях друг с другом и в отношениях с родительскими фигурами.

В свете вышеизложенного можно говорить о неинтегрированной психической бисексуальности И. Бергмана, которая заявляет о себе уже в его, возможно, самом раннем детском воспоминании и активно разворачивается в латентном содержании всех шести эпизодов фильма. И тогда мы можем говорить о том, что фильм является попыткой сублимации бисексуальных и гомосексуальных желаний режиссера. Бергман пишет о том, что, когда они с братом могли в чем-то провиниться, отец поначалу не разговаривал с ними, и это воспринималось ими как что-то непереносимое. А потом отец прерывал молчание тем, что жестоко физически наказывал их, и это ими воспринималось как облегчение. То есть так же, как и у героев присутствует мазохизм в отношениях, так и у самого режиссера можно отметить женский мазохизм, характеризующийся желанием пассивной позиции в отношениях с отцом. В этом контексте интересен один диалог, в котором Йохан с Марианной вспоминают о том, что им нравилось дразнить своих родителей, а Марианна была настоящей выскочкой. При этом Марианна на это говорит, что она была такой же выскочкой, как и отец Йохана.

В свою очередь, женский мазохизм мужчины способствует интернализации его женской идентификации с матерью. Тема идентификации И. Бергмана с матерью также проявляется в образе госпожи Якоби, представленной как холодная, функциональная мать, не любящая своих детей (как и Йохан с Марианной) и желающая уйти от своего мужа, одновременно подводя нас и к теме анаклитической депрессии.

Вторая ярко проявляющаяся в латентном содержании фильма тема психической жизни Йохана и Марианны – это тема меланхолии. Заявляет она о себе уже с истории их знакомства, поскольку пара Марианны и Йохана образовалась не на фоне взаимного сексуального желания, а на фоне их одиночества, расставаний и спасения от горевания, траура по потерянным объектам привязанности и ребенку. Они друг для друга являются анаклитическими объектами.

Также анаклитическая депрессия дает о себе знать в часто повторяющемся жесте героев – они, вместо того чтобы заниматься сексом, обычно на протяжении сериала держатся часто за руки. В этом жесте они оба выглядят как два ребенка, нарциссических двойника, которые держатся друг за друга, но эти два ребенка лишены сексуальности и держатся они так, словно от чего-то прячутся и спасаются. В этом жесте они заполняют друг другом некую брешь, образованную потерянным объектом каждого из них.

Контрапунктом фильма, в оптике заявленной темы, является монолог Йохана об одиночестве и безопасности. Естественно, его можно услышать как монолог И. Бергмана о себе. Буквально с первых минут сериала возникает тема потребности в безопасности Йохана. Его охватывает чувство происходящего вокруг него хаоса, отчего ему хочется бежать. От жизни одни проблемы, а если и есть что-то хорошее в ней, то появляется оно ненадолго. Его чувство одиночества – абсолютно. Но

симптом И. Бергмана заключается в том, что именно оно, одиночество, гарантирует ему чувство безопасности, ведь сближение с другим – опасно, поскольку другого можно потерять. Близость, привязанность, зависимость от объекта его пугают. В связи с этим он выстраивает лишь поверхностные отношения с другими. Нарциссизм И. Бергмана хрупок. Он говорит о пустоте внутри себя: «Ты начинаешь выражать свои мысли и понимаешь, что обращаешься к пустоте. Да, это забавно, но это так! Пустота внутри тебя делала когда-нибудь тебе больно? Ты думаешь, что пустота – она временна. Но затем ты понимаешь, что наступает физическая боль. Боль словно от ожога. Это как будто когда ты был маленьким и плакал, и все горело внутри тебя».

Таким образом, на протяжении шести эпизодов фильма в его латентном содержании можно увидеть попытки сублимации таких тем психической жизни И. Бергмана, как хрупкость его нарциссизма, анаклитическая, или эссенциальная, депрессия, меланхолия, неинтегрированная психическая бисексуальность и латентная гомосексуальность. Это фильм об одиночестве режиссера.

Возможно, фильм И. Бергмана «Сцены из супружеской жизни», снятый им в 1972 и представленный публике в 1973 году, был успешной попыткой сублимации ранней инфантильной травмы режиссера, возможно, нет, в любом случае, как говорил Ж. Лакан, сублимация никогда не бывает полной. Косвенно об успешности этой попытки мы можем судить лишь по тому, что до этого И. Бергман регулярно менял свои любовные объекты, не будучи способным с кем-то пребывать в длительных и устойчивых отношениях, а в 1971 году он женился на Ингрид фон Розен, с которой уже прожил до самой ее смерти в 1995 году (*Bergman, 2008*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Эдипов комплекс в свете ранних тревог и другие работы 1945–1952 гг. // М. Кляйн. Психоаналитические труды в 7 томах. Т. 5 / Пер. с англ. и нем. Под науч. ред. С. Ф. Сироткина и М. Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2009. 312 с.
2. *Лакан Ж.* Желание и его интерпретация // Ж. Лакан. Семинары. Кн. 6 (1958/59) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Логос; Гнозис, 2021. 560 с.
3. *Фрейд З.* Динамика переноса. Психоаналитическая клиническая теория // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. Т. 10, 11 / Пер. с нем. А. Боковинова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. 512 с.
4. *Фрейд З.* Толкование сновидений / Под ред. А. М. Боковинова и др. Пер. с нем. А. М. Боковинова. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. 683 с.
5. *Bergman I.* (2010) *The Magic Lantern. An Autobiography.* University of Chicago Press. 303 p.
6. *Birksted-Breen D.* (2016) *The Work of Psychoanalysis. Sexuality, Time and the Psychoanalytic Mind.* NY: Taylor & Francis Ltd. 300 p.
7. *Cowie P.* (1992) *Ingmar Bergman: A Critical Biography.* Secker & Warburg. 401 p.

8. *Eberwein R. T.* (2014) *Film and the Dream Screen. A Sleep and a Forgetting.* Princeton University Press. 266 p.
9. *Fisher C.* (2020) *Subliminal Explorations of Perception, Dreams, and Fantasies. The Pioneering Contributions of Charles Fisher.* Edition 64. NY: Int. Univ. Press. 397 p.
10. *Rycroft C. A.* (2011) *Critical Dictionary of Psychoanalysis.* Penguin Books. 213 p.

The film «Scenes from Married Life» (Ingmar Bergman, 1973) as an attempt to sublimate I. Bergman's traumatic infantile experiences

S. V. Kostenko

Kostenko Sergei V., clinical psychologist, Master of Psychology, psychoanalytic psychotherapist.

The analysis of personalities of famous artists has always attracted the attention of clinical psychoanalysis, since creativity is an attempt to sublimate the traumatic experiences of its creator. Applied psychoanalysis serves to enrich the theory and practice of clinical psychoanalysis. In addition, such studies can be valuable for art criticism, providing them with a different optics for analyzing the personality and creativity of the artist. The object of research of this work is the film by I. Bergman "Scenes from Married Life" (1973). The paper attempts to identify the traumatic experiences of the famous Swedish director and screenwriter, recognized as one of the greatest directors in the history of auteur cinema (Cowie, 1992). The author's film is considered in the work like I. Bergman's dream, as a director and screenwriter of the film, which allows us to use the latent film material to study the director's mental life and identify his traumatic experiences.

Keywords: narcissism, sublimation, reparation, anaclitic depression, psychic bisexuality, dream.